

РАННИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

РАННИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ

Этнографические очерки

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1980

В книге рассматриваются становление раннеземледельческого общества, связь его с экологией, формирование хозяйственно-культурных типов, развитие социальной организации и духовной культуры. Комплексно использованы новейшие данные этнографии, археологии, антропологии, географии, этноботаники и других научных дисциплин.

Работа представляет интерес как для ученых, занимающихся проблемами первобытного и раннеклассового общества, так и для широкого читателя.

О т в е т с т в е н н ы е р е д а к т о р ы

Н. А. БУТИНОВ, А. М. РЕШЕТОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее издание посвящено рассмотрению теоретических аспектов проблемы становления и развития общества ранних земледельцев, одного из важнейших, переломных этапов в развитии человеческого общества. Оно закономерно продолжает тему, начатую вышедшим в 1972 г. в Ленинградском отделении издательства «Наука» коллективным исследованием «Охотники, собиратели, рыболовы».

В создании работы участвовали не только этнографы, но и представители смежных специальностей. Комплексный подход к рассматриваемой проблеме обеспечил ее всестороннее и углубленное исследование на современном уровне. Авторы широко привлекали новейшие данные этнографии, археологии, антропологии, географии, этноботаники, фольклористики и т. д., что дало им возможность сделать интересные выводы о культуре и быте, социальной организации, духовной жизни общества ранних земледельцев в целом (статьи А. Г. Козинцева, А. М. Решетова, Т. А. Поповой, В. Р. Кабо, В. М. Массона) и их региональных особенностях в Океании, Австралии, Америке, Азии, Африке (статьи Н. А. Бутинова, Ю. Е. Березкина, С. А. Маретиной).

В сборник вошли статьи о ранних земледельцах, живших тысячи лет тому назад, и о современных представителях данного хозяйственно-культурного типа. Открывается сборник обобщающей, концептуально важной статьей антрополога А. Г. Козинцева «Переход к земледелию и экология человека». В ней трактуются вопросы, относящиеся к жизни доземледельческих обществ, а потому она является надежным связующим звеном между настоящей работой и сборником об охотниках, собирателях, рыболовах. Автор исследует проблему влияния процессов, сопутствующих неолитической революции (переход к оседлости, рост численности населения, изменение пищевой диеты, загрязнение среды, вырубка лесов), на соматические и психические качества мотыжных земледельцев, критически относится к выделению некоторыми антропологами психосоматических «типов охотников»

и «типов земледельцев» и отстаивает тезис об отсутствии каких-либо конституциональных признаков, которые позволили бы противопоставить всех охотников и собирателей всем земледельцам.

Роль связующего звена между сборниками выполняет также полемически заостренная, построенная на обширном археологическом и этнографическом материале статья В. Р. Кабо «У истоков производящей экономики». В ней аргументированно доказывается, что изменения в экономике сопровождались значительными изменениями во всей системе общественных отношений, а это привело к возникновению качественных различий между структурами общин охотников-собирателей и мотыжных земледельцев. Автор высказывает мысль о неправомерности реконструкции охотничье-собирательских общин прошлого на основе этнографических данных об общинах мотыжных земледельцев.

Статья Т. А. Поповой на археологическом материале характеризует жизнь древних земледельцев Поднестровья в IV—III тыс. до н. э. В ней нашли обобщение новейшие полевые материалы, добытые советскими учеными, в том числе самим автором.

Две статьи в сборнике посвящены проблемам социальной организации современных ранних земледельцев: Н. А. Бутинова «Общинно-родовой строй мотыжных земледельцев (по материалам Новой Гвинеи и Северо-Западной Меланезии)» и С. А. Маретиной «Особенности социальной организации мотыжных земледельцев Северо-Восточной Индии».

Автор первой статьи дает новую интерпретацию такого, казалось бы, давно известного и понятного института, как «род». Он предлагает рассматривать общинно-родовые институты папуасов и меланезийцев на фоне противоречий между родом и семьей, ибо такой подход, по его мнению, позволяет глубже вникнуть в сущность этих институтов. Показывая противоречия между родом и семьей как общую закономерность общинно-родового строя, автор не придает своим выводам глобального характера, а допускает, что в разных природных и хозяйственно-культурных условиях данная закономерность может давать, в том числе и при стадийной синхронности, разные результаты.

С. А. Маретина ставит вопрос о дальнейшей детализации общинной типологии, так как при ныне принятой в советской этнографии трехчленной периодизации этого социального организма исследуемую ею общину мотыжных земледельцев Северо-Восточной Индии следовало бы отнести к стадии сельской (соседской) общины, что, по ее мнению, не вполне корректно.

В статье В. М. Массона дается анализ тех факторов, которые служат предпосылками к формированию городских поселений, что является одним из важнейших достижений раннеземледельческих обществ. Автор убедительно показывает тесную связь процесса сложения городов со всей структурой раннеземледельческого общества.

Проблемам хозяйственно-культурной дифференциации обществ на стадии производящей экономики посвящена статья А. М. Решетова. Автор, опираясь на новейшие исследования советских и зарубежных исследователей, прослеживает возникновение разных очагов земледелия, формирование и развитие доплужных хозяйственно-культурных типов.

Характеру взаимосвязи между экономикой раннеземледельческого общества и его духовной культурой посвящена статья Ю. Е. Березкина, в которой рассматривается культура ранних земледельцев побережья Перу I тыс. до н. э.—начала н. э. Проанализировав иконографию мифологических персонажей — дарителей культурных растений, Березкин делает интересный вывод: комплекс религиозно-мифологических представлений, развившихся в обществе древних перуанцев с переходом их к земледелию (начавшемуся в IV—III тыс. до н. э., а во II—I тыс. до н. э. превратившемуся в важнейшую отрасль хозяйства), занял господствующее положение в их идеологии лишь значительно позже (в I тыс. н. э.), уже после сложения древней цивилизации.

Проблемы духовной жизни конкретного раннеземледельческого общества анализируются в статье Б. Н. Путилова. Автор раскрывает специфику связей земледельческого труда папуасов Новой Гвинеи с обрядами, мифологией, фольклором, убедительно показывает, что все эти элементы представляют цельную систему, органически включенную в более широкий мировоззренческий, бытовой, культурный континуум, через который в свою очередь только и может быть понята духовная жизнь этих людей.

Вошедшие в сборник статьи подчинены общей цели — исследованию человеческого общества на той стадии его исторического развития, которая, начавшись едва заметными сдвигами в хозяйственной деятельности первобытных охотников, рыболовов и собирателей, завершается коренным преобразованием всей общественно-экономической структуры.

Вопросы, рассматриваемые в настоящей работе, издавна привлекали внимание исследователей, о чем свидетельствует помещенная в ней библиография, к стати далеко не исчерпывающая всей проблемы в целом. Становление производящей экономики интересовало и основоположников марксизма-ленинизма.

Данное издание подготовлено группой сотрудников преимущественно Ленинградской части Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР.

Рукопись книги рецензировалась старшим научным сотрудником, кандидатом исторических наук Е. В. Ивановой и ассистентом кафедры истории стран Дальнего Востока восточного факультета Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, кандидатом исторических наук О. Г. Парфеновым.

Н. А. Бутинов, А. М. Решетов

ПЕРЕХОД К ЗЕМЛЕДЕЛИЮ
И ЭКОЛОГИЯ
ЧЕЛОВЕКА ¹

Последствия изменений в условиях труда и быта. Не подлежит сомнению, что переход от охоты и собирательства к земледелию вызвал существенные изменения в характере трудовой деятельности. Однако объективные данные, помогающие понять сущность этих изменений, очень скудны. Земледельцы, по-видимому, тратят на работу больше времени, чем охотники-собиратели [240, 53; 655]. Но от кого требуется больше физической силы, выносливости? Было проведено, насколько мне известно, лишь два сравнительных исследования затрат энергии при обоих видах трудовой активности. У папуасов о-ва Новая Гвинея мужчины в процессе охоты на мелких животных и птиц расходовали 3.3—3.6 ккал/мин (из расчета на среднюю массу тела 57.5 кг), а при работах, связанных с подсечно-огневым земледелием, — 2.6—6.5 ккал/мин [587]. Затраты энергии у женщин, занимавшихся земледелием, составили здесь 2.4—4.5 ккал/мин (из расчета на массу тела 50.5 кг). У индейцев мачигенга (Перу) энергоотдача мужчин в перерасчете на папуасские стандарты массы равнялась 5.7 ккал/мин при охоте на мелких животных и птиц и сборе диких растений и 5.4 ккал/мин при занятиях подсечно-огневым земледелием; у женщин соответственно 5.2 ккал/мин при собирательстве и 3.1 ккал/мин при полевых работах [556]. Для Западной Африки получены лишь данные о трудоемкости подсечного земледелия: мужчины — 3.2—9.6, женщины — 4.4—

¹ Приношу самую сердечную благодарность И. И. Крупнику за чрезвычайно стимулирующее и плодотворное обсуждение проблем, затронутых в данной работе; я признателен также всем моим коллегам — этнографам и антропологам, ознакомившимся с рукописью статьи и сделавшим ряд ценных замечаний.

5.4 ккал/мин в расчете на среднюю массу тела папуасов [363, 614; обе цит. по: 602]. На основании приведенных цифр трудно сказать, какое из двух занятий требует от человека больших энергозатрат.

В результате совершенно неясно, какие конституциональные особенности могут играть адаптивную роль при той или иной форме хозяйства. Многие авторы писали о психосоматических «типах охотников» и «типах земледельцев» [70, 100, 113, 146 сл.; 161; 254; 446, 150—156]. Как правило, эти обобщения не имеют особой ценности, потому что основаны на сравнении ныне существующих групп. Современные охотники-собиратели и земледельцы, даже живущие бок о бок, как например пигмеи и банту, в большинстве случаев далеки по происхождению, что не дает возможности выяснить, носит ли связь типа хозяйства с физическим типом причинный или случайный характер. Если же перейти к общечеловеческому масштабу, то трудно назвать какие-либо конституциональные признаки, которые позволили бы противопоставить всех охотников-собирателей всем земледельцам.

Более ценными могли бы оказаться сопоставления групп, различающихся по характеру трудовой деятельности, но принадлежащих к одному этносу. Такие сопоставления неоднократно проводились в различных странах Европы. Обнаружилось, что крестьяне отличаются от других социальных групп комплексом морфофизиологических особенностей [111, 683, 684]. Но и эти результаты имеют для нас лишь ограниченное значение, так как, во-первых, различия не всегда были одинаковы по направлению, а, во-вторых, среди сравниваемых групп, разумеется, не было охотников-собирателей.

Что касается древних эпох, то здесь наиболее интересны изменения физического типа, происходившие в Европе и в некоторых других районах в известной мере параллельно с распространением земледелия. Эти изменения, которые состояли, в частности, в уменьшении длины тела и ослаблении массивности скелета, Г. Ф. Дебец назвал процессом грацилизации и связал с переходом к земледелию [46]. Того же мнения придерживались и другие исследователи [460, 571]. Г. Курт даже нашел возможным считать высокорослых массивных индивидуумов, захороненных в докерамических слоях Иерихона, охотниками, а более грацильных и низкорослых, чьи скелеты находились в этих же слоях, — земледельцами [460].

Однако грацилизация в Европе и Северной Африке началась не в неолите, а в мезолите, когда земледелия на этих территориях не существовало [190; 640, II, 192—193; 646]. В неолитическую же эпоху этот процесс в большинстве районов Европы заканчивается, и в дальнейшем там снова происходит усиление массивности — деграцилизация [549; 640, II, 192—193; 686; 687]. Поэтому земледелие можно считать в лучшем случае лишь одной из причин грацилизации. Каковы могли быть механизмы этой связи? Мы

сейчас рассмотрим лишь гипотезы, исходящие из предполагаемых различий в трудовой деятельности охотников-собирателей и земледельцев.

Согласно одной из точек зрения, снижение массивности скелета могло быть результатом ослабления его кроветворной функции, которое в свою очередь произошло вследствие уменьшения двигательной активности [4]. Распространено также мнение, что грацилизация была вызвана ослаблением отбора на силу и выносливость [52]. Полагают, в частности, что массивность телосложения охотников в Европе объясняется потребностью в большой физической силе на охоте, а усиление массивности в направлении с юга на север Европы было связано с необходимостью вырубki лесов и сохранением роли охоты в северных частях континента [755, 206]. Сходное объяснение процесса грацилизации предложено для Древнего Египта [533]. Такого рода гипотезы нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть, пока не появятся объективные данные о характере изменений в физической активности при переходе к земледелию. Кстати, на скелетах ранних земледельцев были обнаружены следы тяжелой физической нагрузки [188, 91]; имеются и другие свидетельства того, что труд земледельца достаточно тяжел, чтобы его следы были видны на костях [256; цит. по: 257].

Другие авторы исходят из того, что существует конституциональная корреляция между массивностью сложения и некоторыми особенностями темперамента, в частности агрессивностью. Они считают, что после перехода к земледелию естественный отбор перестал благоприятствовать агрессивности, а это повлекло за собой грацилизацию [531, 259—260; 685]. Принять данную теорию мешает отсутствие сколько-нибудь ясного представления о том, какие черты психики селективно выгодны при тех или иных формах хозяйства. Так, по вопросу об адаптивном значении «агрессивности» для охотников высказывались диаметрально противоположные мнения [495, 296, 341].

С распространением земледелия связывали еще одно изменение в физическом типе, происшедшее в Европе в эпоху неолита, — увеличение головного указателя [355; 446, 160]. Крайне маловероятно, что оно было вызвано изменением темперамента [531, 259—260] или развитием мозга под влиянием земледелия [595], как полагают некоторые авторы.

Малообоснована и теория, согласно которой различные типы земледелия приводили к распространению различных психических качеств: при возделывании злаков (занятии трудоемком, но дающем широкие возможности для создания новых сортов) адаптивную роль играли трудолюбие и изобретательность, а разведение клубнеплодов, требующее меньших усилий, но не способствующее развитию селекционных методов, стимулировало якобы противоположные человеческие качества [319].

Зато гипотеза о том, что распространение земледелия вызвало ухудшение некоторых физиологических показателей, кажется

вполне обоснованной. Совершенно очевидно, что хорошее зрение и хороший слух больше нужны охотникам и собирателям, чем земледельцам. При уменьшении роли охоты и собирательства ослабляется отбор по этим качествам. Доказательством может служить хотя бы тот факт, что следы травм на скелетах земледельцев обычно встречаются реже, чем на скелетах охотников [181]. В результате в тех обществах, где переход к производящему хозяйству совершился давно, дефекты зрения и слуха встречаются чаще, чем в охотничье-собирательских группах [208, 12—13; 618; 620]. Впрочем, бесплужные земледельцы в этом отношении, по-видимому, мало отличаются от охотников-собирателей. По наблюдению Р. Поста, частоты дальтонизма в Англии и Франции (вообще высокие по мировому масштабу, как и в других обществах с развитой производящей экономикой) понижаются там, где охота и собирательство задержались дольше [619]. Надо полагать, что новая форма хозяйства изменила интенсивность отбора по ряду психических и соматических признаков. Проблема эта, однако, совершенно не изучена.

Теперь рассмотрим новые особенности быта и экологической обстановки, возникающие при переходе к земледелию и влекущие за собой важные эпидемиологические последствия. Одна из них — более прочная оседлость, результатом которой, по всей вероятности, было ухудшение санитарных условий. Вблизи долговременных жилищ стали храниться запасы зерна, скапливались отбросы и нечистоты; усилилось загрязнение почвы и водоемов; жилища были заселены грызунами и насекомыми. По мнению специалистов, именно с возникновением земледелия было связано широкое распространение тифа, чумы, холеры и ряда других инфекций [51, 163, 198, 215, 218, 229, 238, 246, 254; 299; 372; 616]. Кишечные паразиты у охотников и собирателей, живущих в пустынях, встречаются редко, в лесных группах — значительно чаще [341]. Зато у народов, практикующих ранние формы земледелия, чрезвычайно высокая (иногда почти поголовная) зараженность кишечными паразитами составляет, по-видимому, общее правило [см., например: 311, 584, 690]. Эти паразиты появились и у бушменов, перешедших к оседлому земледельчески-скотоводческому образу жизни, между тем как у кочевых бушменов зараженность отсутствовала [735]. Данные о зараженности кочевых и оседлых хадза менее определены [214]. Вообще, судя по результатам изучения этого народа, кочевой быт сам по себе не служит надежной защитой от распространения инфекций [215; см. с. 24]. Известно также, что кочевые народы Сибири (юкагиры, энцы) страдали от оспы не меньше, чем оседлые (ительмены) [48, 618].

Другой важный экологический сдвиг был произведен необходимой при занятии земледелием вырубкой лесов. Создались благоприятные условия для тех видов малярийных комаров, которые размножаются на открытых водоемах. В Африке распространение малярии было связано с экспансией земледельческой куль-

туры [501]. Такая связь прослеживается и в других областях; ее конкретные формы определяются как образом жизни местных видов комаров, так и типом земледелия. В Юго-Восточной Азии у жителей холмов, где развито подсечное земледелие, малярия встречается чаще, чем у занимающихся интенсивным земледелием обитателей равнин [503, 52, 60; 537]. При севе риса разбросным способом риск заболеть малярией выше, чем при пересадке рассады [538]. Вспышки малярии могут вызываться ирригацией [759]. При переложной системе, когда постоянно существует множество заброшенных полей, распространяются такие инфекции, переносчиками которых служат клещи, а резервуаром — грызуны. Это относится, например, к лихорадке цугутамуши, очаги которой в Южной и Юго-Восточной Азии приурочены к областям переложного земледелия [197]. Интенсификация земледелия создает почву для других инфекций — желудочно-кишечных (при использовании нечистот в качестве удобрений) и распространяемых водными организмами (при работе на заливных полях) [537].

Как известно, инфекционные болезни являются селективными факторами, изменяющими биологические признаки в человеческих группах. Люди с разными группами крови неодинаково восприимчивы к чуме, оспе, тифу и другим инфекциям [обзор литературы см.: 160, 263—270]. Особенно большой интерес вызывает селективная роль малярии, защитой против которой служат аномальные гемоглобины [160, 161—213; сводки: 503, 504]. Эти гемоглобины распространяются вслед за малярией, т. е. также связаны с земледелием. В Африке частоты гемоглобина S прямо пропорциональны степеням зависимости групп от земледелия [501, 759]. Некоторые данные указывают на то, что аномальные гемоглобины, возможно, встречались и у древнейших земледельцев. На человеческих скелетах VII тыс. до н. э. из Восточного Средиземноморья видны следы анемии, возникающей при гомозиготности по генам аномальных гемоглобинов; впоследствии эти симптомы стали здесь менее частыми [185]. Дж. Эйнджел считает, что экологические условия в раннеземледельческих поселках способствовали широкому распространению малярии, частота которой в дальнейшем сократилась благодаря развитию мелиорации и плужного земледелия [186].

В то же время некоторые инфекции после перехода к земледелию, возможно, стали более редкими. Так, у пигмеев чаще, чем у их соседей земледельцев, встречается фрамбезия, вероятно из-за контакта с обезьянами при охоте [281, 627].

Изменение демографической ситуации. По данным Дж. Эйнджела, в Европе и Северной Африке в эпохи верхнего палеолита и мезолита ожидаемая продолжительность жизни людей, достигших 15 лет, составляла у мужчин 32—33 года, у женщин — 25—29 лет, а в эпоху неолита в Восточном Средиземноморье — соответственно 33—34 года и 30 лет [189, 190, 92]. Согласно Д. Ачади и Я. Немешкери, которые используют собственные ме-

тоды определения 'возраста, отличающиеся от традиционных, в мезолите Северной Африки мужчины, достигшие 20 лет, жили в среднем 44—47 лет, женщины — 37—41 год; в мезолите Украины — соответственно 44 года и 40 лет; в энеолите Венгрии взрослые представители обоих полов доживали в среднем до 47 лет [166, 157, 184, 268, 276, 282]. По этим данным, средний возраст смерти в эпоху раннего земледелия увеличился главным образом у женщин. Однако если сравнивать мезолит Украины с трипольской культурой, то оказывается, что у мужчин жизненный срок возрос, а у женщин сократился [2]. В династическом Египте по сравнению с додинастическим продолжительность жизни увеличилась в основном у мужчин [534].

В общем можно предположить, что в Европе и, вероятно, на прилегающих территориях распространение земледелия каким-то образом повысило шансы взрослых людей доживать до позднего возраста. Согласно А. Валлуа, в верхнем палеолите Европы индивидуумы старше 40 лет составляли 26% от всех захороненных взрослых, в мезолите Европы — всего 6, в мезолите Северной Африки — 11, а в неолите Франции, Швейцарии и Испании — 29—58% [745]. Соответствующие цифры, полученные венгерскими авторами, значительно выше, но направление сдвига то же: мезолит Северной Африки — 50—56%, мезолит Украины — 49, энеолит Венгрии — 61—66% [166, 165, 205, 276—277].

Что касается детской смертности, то здесь правильная оценка ситуации затруднена из-за плохой ((а главное, неодинаковой в разных могильниках) сохранности детских скелетов, а также из-за обычая хоронить детей отдельно. По данным А. Валлуа, доля лиц не старше 20 лет среди погребенных равнялась в верхнем палеолите Европы 54%, в мезолите Европы — 39, в мезолите Северной Африки — 62, а в неолите Испании и Швейцарии — 40—47% [745]. Д. Ачади и Я. Немешкери получили следующие показатели: мезолит Северной Африки — 57%, энеолит Венгрии — 27—41% [166, 158, 266, 276, 282]. Наконец, по расчетам Дж. Эйнджела, и в верхнем палеолите Европы, и в мезолите Европы и Северной Африки, и в раннем неолите Восточного Средиземноморья дети составляли немногим более половины общего числа умерших [189, 190, 192]. Итак, по имеющимся материалам, в Европе и Средиземноморье отчетливого изменения доли детских смертей после перехода к земледелию не прослеживается.

Но и увеличение продолжительности жизни взрослых и соответственно общего жизненного срока («демографическая революция неолита», по выражению Д. Ачади и Я. Немешкери) не может считаться всеобщей закономерностью. В Японии появление земледелия никак не отразилось на среднем возрасте смерти [448]. Древний материал из Америки не дает определенной информации: на территории Техаса земледельцы жили дольше охотников-собирателей [378], у индейцев Виргинии соотношение было обратным [422]. У земледельцев пуэбло Нью-Мексико (IX—XIX вв.) более

40% умерших взрослых старше 50 лет [736], у пуэбло соседней Аризоны (XIII—XIV вв.) — всего лишь 10%, причем средний возраст смерти был здесь чрезвычайно низок: 15—16 лет [506]. Причины всех этих различий совершенно неясны.

Современный демографический материал более обилен, чем древний, но использовать его труднее. Контакт с западной цивилизацией несомненно сильно повлиял на демографические показатели во всех примитивных группах, причем изменения происходили под действием разных факторов, в разных направлениях. Неизвестно к тому же, одинаковы ли были эти изменения у охотников-собираателей и у земледельцев.²

Средняя продолжительность жизни в XX в. у пигмеев 21 год [281], у андаманцев — 22 [271], у гренландских эскимосов — 27 лет [223; цит. по: 421, 70], у бушменов — чуть больше 30 [420], но у австралийских аборигенов — 50—51 год [436]. У земледельцев папаго жизненный срок почти столь же низок, как у пуэбло, живших здесь в доколумбову эпоху, — 17 лет [435]; у индейцев Панама он значительно выше — 38—46 лет [195], у сеноев (Малайзия) — 31 год для мужчин и 28 лет для женщин [358, 86]. Сравнение этих цифр дает, очевидно, немного.

Относительно шансов охотников и земледельцев доживать до позднего возраста также трудно сказать что-либо определенное. В середине XX в. среди банту было обнаружено больше «стариков», чем среди пигмеев; особенно значительны различия в женской смертности: к старости соотношение полов у банту сдвигается в пользу женщин, а у пигмеев — в пользу мужчин [627]. Согласно более конкретным указаниям, у пигмеев было 6% индивидуумов старше 50 лет [674, 118]. У андаманцев 50 лет не достигал почти никто [271]. У австралийских аборигенов теперь 14% людей старше 50 и 18% старше 45 лет [436]. 10% обследованных бушменов оказались даже старше 60 лет [491]. 30% канадских эскимосов и 40% алеутов умирают после 45 лет [484], но у эскимосов Гренландии в XIX в. старше 45 лет было всего 9% населения [421, 104]. С другой стороны, у современных земледельцев Новой Гвинеи этот рубеж перешли лишь 2% мужчин и 3% женщин [310]. В земледельческой Нигерии в прошлом почти все умирали до 50 лет [458, 245]. У сеноев 50-летний возраст миновало 8—9% [358, 46], у недавно обследованных земледельцев яномама (Бразилия и Венесуэла) — 6% мужчин и 4% женщин [578].

У современных аборигенов Австралии только 13—14% детей умирают в возрасте до 1 года [436], однако в 30-х гг. в группе, менее других затронутой влиянием европейцев, эта доля составляла 43% [696], а в древности, как полагают, она превышала 60% [643]. У эскимосов Гренландии в течение первого года жизни

² В этой статье под земледельцами подразумеваются, как правило, группы, практикующие стадильно ранние типы земледелия: экстенсивное (переложное, подсечно-огневое), бесплужное (мотыжное или палочное).

погибало всего 9% детей [421, 104], у эскимосов Канады — около 20% [512]. Для бушменов получены цифры 14 [393] и 20% [420]. В XIX—начале XX в. у земледельцев Новой Гвинеи младенческая смертность достигала 60%, у земледельцев Нигерии — 50% [458, 228]; у яномама она теперь составляет около 30% [516], у сеноев — 23% [358, 59]. Смертность среди новорожденных у земледельцев Заира выше, чем у их соседей пигмеев [742]; наоборот, у земледельцев паланан о-ва Лусон она ниже, чем у их соседей аэта, живущих в основном охотой и собирательством [610].

У канадских эскимосов 26% детей погибают до 15 лет [512], у бушменов — около 40% [393, 420]; у пигмеев 40% детей умирали даже до 10 лет [674, 117]. Перейдем к земледельцам. У папуасов Новой Гвинеи 27—32% детей погибают до половой зрелости [692], у кашинауа Перу — 44 [434], у индейцев Бразилии (по разным группам) — от 9 до 62% [662], причем эти огромные различия нельзя связать ни со степенью зависимости от земледелия, ни с уровнем его развития.

Общая смертность среди австралийских аборигенов в XX в. 1.5—3% [436],³ среди эскимосов — 1.5—2.5% [223; цит. по: 421, 104; 225]. В земледельческих племенах Америки уровень смертности 2.5—4% [435, 690, 773], в странах Африки — 1—3 [108, 37—38], в Меланезии — 1.5—3.5 [458, 229], у сеноев — 3% [358, 87]. Снова мы не видим никаких стадийальных различий.

Во многих примитивных обществах, как охотничье-собираТЕЛЬСКИХ, так и земледельческих, существовал обычай детоубийства, жертвами которого становились обычно девочки. Австралийцы прежде убивали минимум 15% новорожденных [230]; в настоящее время детоубийство у них исчезло [436]. Но у яномама и теперь 10% мальчиков и 20% девочек погибают насильственной смертью [516]. Дж. Бэрдселл полагает, что умерщвление 15—50% детей было типичным и для охотников, и для ранних земледельцев [230]. Однако у макиритаре — соседей яномама, с такой же системой подсечного земледелия — детоубийство не практикуется [284]. Что касается других обычаев, направленных на ограничение прироста населения, то, как показал А. Карр-Сондерс, посвятивший данному вопросу фундаментальный труд, такие обычаи чрезвычайно широко распространены в первобытных обществах, и в этом отношении не обнаруживается различий между современными охотниками-собираателями и бесплужными земледельцами [276, 237, 476—477].

У ранних земледельцев Греции и Турции среднее количество родов на одну женщину, согласно Дж. Эйнджелу, составляло 4.9 (автор пользовался малоразработанным методом оценки по следам на тазовых костях). В верхнем палеолите Европы это

³ Ввиду значительных колебаний демографических показателей мы приводим их в процентах, а не в промилле.

число, по его мнению, равнялось 4,7, в мезолите Европы — 4 [190, 192]. Если исходить из косвенных данных (соотношение возрастных групп среди погребенных), то наиболее вероятное среднее число родов для европейского верхнего палеолита — 3,9, для европейского мезолита — 3,4, для мезолита Северной Африки — 6, для неолита Греции и Турции — 4,6 [400]. Эти оценки зависят от числа детских скелетов и потому не вполне надежны.

Каковы плодовитость и рождаемость в современных коллективах охотников-собирателей и земледельцев? Начнем с первых.⁴ У анданцев женщина, доживавшая до конца репродуктивного периода, рождала в среднем 3 детей [271], у бушменов — 4—5 [393, 420], у бирхоров (Индия) — 5 [765, 82], у пигмеев — 7 [674, 136]. У аборигенов Австралии женщина за свою жизнь рождала около 5 раз [458, 142, 217], но на о-ве Гроте-Эйландт, по утверждению Ф. Роуза, число родов за полный репродуктивный срок было не менее 18 [643]. Автор считает, что такая сверхвысокая плодовитость была характерна для всех австралийцев до появления европейских колонистов. Эта оценка, конечно, сомнительна, однако, согласно вполне надежным данным об эскимосах Аляски и Канады, на женщину в пострепродуктивном периоде приходится у них в среднем около 11 детей, родившихся живыми [512, 551]. Ясно, что показатели фертильности в разных обществах с присваивающей экономикой могут различаться очень сильно. Рождаемость у эскимосов равняется 4—5% [225; 421, 104; 512], в прошлом она была значительно ниже [225; 421, 103—107]. Наоборот, у австралийцев в XX в. коэффициент рождаемости составлял лишь 3% [436, 696], а в прошлом — не менее 5—6% [458, 273].

Бесплужные земледельцы также не обнаруживают никакого единообразия. Даже в пределах Америки наблюдаются огромные различия. У индейцев Панама женщина рождает за репродуктивный период всего около 3 детей [195], у кашинауа — 5 [434], у айорео (Боливия, Парагвай) — 6 [607], у индейцев бассейна Амазонки — 6—8 [575, 663],⁵ у апачей и пима — 7 [423], у сиу и майя — 7—8 [424, 667], у пуэбло — 9 [165]. Приведем соответствующие цифры для других частей света: сара (Чад) — 6 [314, 35], хуту (Руанда) — 6—7 [746, 38] (вообще для Африки типичное число детей — 4—6) [569, 169], папуасы — 3—7 [692], жители Океании — 3—5 [569, 170], сенои — 6 [358, 51]. Рожда-

⁴ Мы приводим лишь отдельные примеры. Дополнительный материал см., например: [569, 169—170].

⁵ При сравнении данных о яномама обнаруживаются громадные расхождения, вызванные методическими причинами. Если в первых публикациях Дж. Нила и соавторов фигурировали 4 ребенка, то в последней их работе приведена «улучшенная» оценка — 8 детей [578]! Возможность столь значительных методических погрешностей служит еще одним фактором, затрудняющим поиски стадийных закономерностей.

есть в сельскохозяйственных группах индейцев равна 4—6% [195, 435, 578, 773]; для Африки типичен уровень 4—5% [106, 84—85], для Океании — 2—4 [106, 92; 458, 95; 514; 569, 174], для сенов — 4% [358, 87].

Существует метод, позволяющий на основании демографических данных судить о возможностях для действия естественного отбора [315]. Сводка «коэффициентов возможности отбора» приведена в работе Дж. Шпулера [710]. Чрезвычайно высокий показатель (3.17) получен для вымирающей группы австралийцев, обследованных в 30-х гг. Однако бушмены и эскимосы характеризуются средними величинами (1.16 и 0.85—1.49 соответственно). У земледельцев колебания огромны: от 0.45 у яномама⁶ до 3.00 в одной из групп каингангов (Бразилия). Селективная роль смертности оценивается у эскимосов Аляски небольшой величиной (0.42), у эскимосов Гренландии — средней (1.04); австралийцы и бушмены находятся посередине. Зато земледельцы снова выходят за оба предела: минимум (0.22) падает на яномама, максимум (1.17) — на пима. Дифференциальная плодовитость могла иметь очень большое селективное значение у австралийцев («компонент фертильности» 1.30), но ее роль была невелика у эскимосов и бушменов (0.22—0.31). В некоторых сельскохозяйственных группах компонент опускается еще ниже (до 0.07 у пуэбло), но у других земледельцев он может быть очень высок (1.69 в одной из групп каингангов).

Итак, обнаружить сколько-нибудь отчетливые демографические различия между современными обществами охотников-собирателей и бесплужных земледельцев мы не можем. Локальные факторы, по-видимому, оказываются здесь сильнее стадийных, на что уже указывал М. Наг, рассматривая вопрос о рождаемости и плодовитости [569, 142]. Как совместить это с представлением о «демографической революции», которая, по мнению многих авторов, произошла при переходе к земледелию?

Во-первых, как уже отмечалось, демографическая ситуация в примитивных группах, вероятно, сильно изменилась за последние столетия. По древним материалам некоторые демографические сдвиги в коллективах ранних земледельцев, как мы помним, прослеживаются. Во-вторых, нужно ясно представлять себе возможный масштаб «демографической революции» в неолите. По расчетам Э. Коула, до появления земледелия естественный прирост населения мира составлял менее 0.0015% в год, а от появления земледелия до рубежа нашей эры — 0.036% [298]. Последняя оценка также относится ко всему миру. Если учитывать лишь раннеземледельческое население, то на территориях, смежных с ближ-

⁶ Дж. Нил и К. Вайс не только по-новому определили плодовитость яномама, но также новым способом рассчитали «индекс отбора» для этой группы, причем все компоненты оказались гораздо выше прежних [578]. Я привожу оценки Дж. Шпулера в надежде, что они сравнимы хотя бы между собой!

невосточным очагом возникновения производящего хозяйства, годовой естественный прирост в эпоху неолита равнялся в целом, по разным оценкам, 0.08—0.25% [206, 275, 394]. На территориях Греции и Турции естественный прирост в неолите мог, согласно Дж. Эйнджелу, достигать 0.6, 0.8 или даже 1% в год [185, 188, 190], но, по другим расчетам, демографическая ситуация в указанном районе в неолите была, наоборот, очень неблагоприятной, так что численность населения могла даже убывать [400]. Эти противоречия объясняются неразработанностью методов демографической реконструкции по скелетным останкам. В Юго-Западном Иране раннеземледельческая стадия характеризовалась 0.2% годового прироста [415, 349—353], на территории Франции — 0.2—0.3 [588, 231], в Южной Мексике — 0.08—0.1 [631], на побережье Перу — 0.25% по сравнению с 0.2 в предшествующий, доземледельческий период [605], или, согласно другой оценке, соответственно 0.4—0.7% по сравнению с 0.1 и ниже [301].

Таким образом, распространение земледелия несомненно сопровождалось увеличением естественного прироста, однако масштабы этого сдвига не следует переоценивать. Годовой прирост 0.2% означает, что если группа состоит из 50 человек, то через 10 лет в ней станет всего на одного человека больше. Ясно, что радикального изменения рождаемости и смертности это не требует. Динамику такого масштаба можно проследить лишь на длительных отрезках времени. В частности, при годовом приросте 0.2% период удвоения численности близок к 350 годам. По прошествии тысячелетий сдвиги становятся громадными. Распространение земледелия на земном шаре было в значительной мере результатом более высоких темпов естественного прироста населения в земледельческих группах по сравнению с охотничье-собираТЕЛЬскими [425]. Впрочем, как мы видели, многое зависит от локальных условий. Известно, например, что на протяжении XVII—XIX вв. сибирские группы, заимствовавшие у русских земледелие, увеличивались в численности, в то время как принадлежащие к тем же этносам охотники и рыболовы вымирали [48, 616—617; 123, 109—110, 161—162, 164]. Но, с другой стороны, в XX в. численность пигмеев батва (охотников-собираТЕЛЕЙ) возросла, а численность их соседей, земледельцев монго, сократилась [403].

Каковы были причины демографических изменений после перехода к земледелию? Разумеется, ставя этот вопрос, мы исходим из предположения о зависимости демографических изменений от экономических. Э. Бозеруп и вслед за ней некоторые другие исследователи считают смену форм хозяйства не столько причиной, сколько следствием роста численности населения [240]. Однако обсуждение этой гипотезы не может входить в нашу задачу.

Казалось бы, естественно предположить, что рост численности населения был вызван увеличением пищевых ресурсов [397;

458, 175—176]. Имеется много работ, в которых путем теоретических расчетов устанавливается предельная плотность населения, возможная при различных сочетаниях типа хозяйства и природной среды. Результаты этих работ свидетельствуют скорее против рассматриваемой гипотезы. Действительно, переход от охоты и собирательства к земледелию позволяет существенно повысить плотность населения по сравнению с уровнем, максимально возможным в условиях присваивающего хозяйства [153, 585]. Однако охотники и собиратели как будто вовсе не стремятся достичь этого уровня: реальная густота их расселенности обычно во много раз ниже теоретически возможной [278]. Зато земледельческие общества часто подходят к своему «критическому» уровню вплотную, а иногда и превышают его, что приводит к серьезным экологическим последствиям (см. ниже). Известны примеры того, как освоение одной растительной культуры приводило к увеличению естественного прироста. Для яномама таким растением явился банан [516], а в горах Новой Гвинеи демографический взрыв был вызван появлением батата [392]. Но неясно, насколько типичны эти примеры для обществ, переходящих от охоты и собирательства к земледелию.

Согласно другой гипотезе, фактором, лимитирующим размеры охотничье-собирательских групп, была величина территории, на которой происходил сбор пищи. При увеличении групп территория истощается быстрее, и поэтому необходимы более далекие перекочевки [494]. Следует заметить, что и на ранних стадиях земледелия (особенно при переложной системе) этот фактор продолжает играть роль, хотя, вероятно, не столь большую [273].

Третья гипотеза исходит из того, что при кочевом образе жизни женщина не может носить с собой более одного ребенка одновременно. Переход к оседлости снимает данную проблему, что приводит к ослаблению мер по ограничению прироста населения [458, 130; 493]. Вопрос о причинах низкого естественного прироста у охотников-собирателей, живущих оседло, при этом остается открытым.

Наконец, есть мнение, что искусственное сдерживание прироста населения ослабло в результате появившейся после перехода к земледелию потребности в дополнительной рабочей силе [708].

Теория, согласно которой неолитическая революция вызвала ослабление контроля над естественным приростом, распространена в литературе [340, 394], хотя этнографический материал не позволяет заметить в этом отношении каких-либо различий между охотниками-собирателями и бесплужными земледельцами (см. с. 13). Возможно, отбор создавал какие-то «естественные» механизмы регуляции рождаемости [381]. Но наиболее аргументирована точка зрения Дж. Эйнджела, указавшего, что удлинение жизненного срока женщин в неолите было само по себе достаточным для рождения в среднем еще одного ребенка и, сле-

довательно, для значительного увеличения естественного прироста [187]. В действительности же, судя по всему, прирост увеличился не столь сильно. Поэтому можно предположить либо, что только немногие женщины реализовали повышение своего репродуктивного потенциала, либо, что детская смертность после неолитической революции возросла. В свете рассмотренных данных о санитарно-эпидемиологической обстановке в поселках ранних земледельцев последнее предположение кажется вполне вероятным. Впрочем, все это относится лишь к тем районам, где зафиксировано увеличение продолжительности жизни взрослых. Гипотезы, связывающие демографические изменения с изменением диеты, будут рассмотрены ниже.

Последствия изменения численности и структуры населения. Стимулированный переходом к земледелию рост численности человеческих групп имел неизбежным следствием возрастание плотности населения. По оценке Э. Диви, в эпоху мезолита средняя плотность для всего мира равнялась 0.04 человека на 1 км² (далее указанная единица плотности опущена), а в эпоху раннего земледелия (в Старом Свете) — 1 [322]. Более показательны подсчеты для отдельных районов. Так, для Восточного Средиземноморья на стадии развитого присваивающего хозяйства плотность оценивается в 0.1, а на раннеземледельческой стадии — 1.5—10 [189, 192], для Юго-Западного Ирана — соответственно 0.1 и 1—2, а после появления ирригации — более 6 [359]. Полагают, что в Южной Европе в мезолите плотность составляла 0.3—1 [608; 640, I, 129], а на территории Франции и в прилегающих областях в раннем и среднем неолите — 1—7, в позднем неолите — 10 [640, I, 124, 131, 132, 134]. Оценки для Британских островов ниже: мезолит — 0.04, неолит — 0.8 [250].

Плотность населения у современных охотников и собирателей низка, о чем свидетельствуют следующие данные: австралийцы — 0.005—0.77 [228; 231, 345], тасманийцы (до прихода европейцев) — 0.04—0.08 [438], андаманцы — 0.5—1.0 [271, 351], бирхоры — 0.22 [765, 79], бушмены — 0.03—0.16 [491, 703, 726], пигмеи — 0.2—0.4 [281; 674, 105; 742], хадза — 0.15 [777], эскимосы — 0.003—0.33 [233, 69; 454, 134—135], алеуты — 0.65 [454, 135], алгонкины мистассини (Квебек) — 0.002 (начало XIX в.) [641, 22], чинуки (северо-запад США) — 1.48 [454, 143], южноамериканские охотники и собиратели — 0.05—0.42 (к моменту прихода европейцев) [716, 53]. Обе крайние величины отмечены у индейцев Северной Америки: минимум (0.002) — у мистассини, максимум (1.48) — у чинуков.

У земледельцев плотность населения в целом гораздо выше, а ее колебания еще сильнее, чем у охотников-собирателей. Так, для земледельческих племен востока и юго-запада США (к моменту начала контакта с европейцами) получена цифра 0.1 [454, 143], что согласно подсчетам А. Крёбера, более чем вдвое меньше, нежели у племен тихоокеанского побережья США, где земледелие

полностью отсутствовало. Сейчас, впрочем, эта оценка подвергается сомнению [207, 227]. Однако и в некоторых современных индейских земледельческих группах зафиксирована низкая плотность: у яномама — 0.06 [578], у мачигенга — 0.3 [556], у майя — 0.58 [312]. Как показывают расчеты, у яруро — земледельцев Венесуэлы — плотность не может превышать 0.77 [496]; при некоторых системах подсечно-огневого земледелия, существующих в Африке, верхним пределом служит величина 1.5 [174, 113—114]. Итак, Крёбер был, возможно, прав, говоря, что переход к земледелию необязательно увеличивает плотность населения [454, 143].

Разумеется, приведенные примеры нельзя считать типичными. Средняя заселенность областей распространения переложного земледелия составляет в Африке, Океании и Америке (в целом) около 9 [756], в Юго-Восточной Азии — 12 (с колебаниями от 3 до 35) [390, 57], в горах Новой Гвинеи — от 12 до 87 (по другим данным, до 160) [253].

Плотность расселения мотыжных земледельцев зависит прежде всего от уровня развития земледелия. Эта зависимость отчетливо проявляется, например, в горных районах Новой Гвинеи [253]. Существенно, во-первых, оставляют ли землю под паром, и если да, то какое время. В Африке на территориях с длительным переложным циклом максимально возможная заселенность может составлять 1.5—40, на территориях с коротким циклом — 35—97, а в самых плодородных районах, где вся земля используется постоянно, — 230—350, причем в некоторых из этих районов плотность превышает критический уровень, доходя в Танзании почти до 480 [174, 161, 173, 176; 175]. Важно, далее, применяется ли ирригация. В районах Мадагаскара, где выращивают заливной рис, на 1 км² жило до 100 человек, между тем как средняя плотность для всего острова была равна 6.5 за счет слабой заселенности районов с подсечно-огневым земледелием [384]. Наконец, появление плуга создает предпосылки для концентрации в сельских местностях огромных масс людей. Такова ситуация на территориях интенсивного заливного рисоводства Юго-Восточной Азии, где средняя плотность расселения групп, применяющих разбросной способ сева, составляла недавно от 18 до 180 (в среднем 98), а у групп, практикующих пересадку рассады, — от 100 до 500 (в среднем около 380) [390, 57]. Заселенность зависит также от того, каков основной источник питания. Этот вопрос мы рассмотрим в конце нашего обзора.

Оценки плотности, основанные на общей площади территории, занимаемой группой, иногда бывают малопоказательными из-за резко неравномерного распределения населения. Особенно это относится к кочевникам. У бушменов, например, номинальная плотность мала — 1 человек на 6—35 км² территории. Дело, однако, в том, что бушмены сосредоточиваются в лагерях, где на человека приходится в среднем 17 м², а в некоторые месяцы — всего лишь 4 м² [334]. И все же скученность на стоянках сме-

няется распылением группы во время охоты и собирательства. Земледелие, конечно, в большей степени способствует концентрации людей.

По некоторым данным, перенаселенность в человеческих обществах отражается на психологических и даже демографических показателях [370]. Земледельцы, по мнению К. Куна, смогли адаптироваться к стрессу, возникающему от скученности, а группы, не выработавшие соответствующих адаптивных механизмов, уменьшились в относительной численности [307]. Скученность способна также воздействовать на характер ростового процесса [289]. Есть мнение, что результатом такого воздействия могла быть грацилизация [399; цит. по: 646].

Различие в степени заселенности послужило, вероятно, причиной миграций из земледельческих очагов в районы с меньшей плотностью населения. Анализ радиоуглеродных датировок привел к выводу о том, что на протяжении неолита происходило медленное (со средней скоростью 1 км в год) и равномерное просачивание земледельческого населения с Ближнего Востока в Европу и Северную Африку [177, 178]. Отражением этой диффузии, возможно, является тот факт, что градиенты цвета кожи [243], длины и веса тела, встречаемости дальтонизма и частот генов некоторых серологических систем [178; 755, 206, 208] частично совпадают с путями продвижения древних земледельцев.

Посмотрим теперь, как меняется структура населения при переходе к земледелию. Средний размер локальной группы (общины) у охотников и собирателей оценивается иногда в 50 [715], иногда в 25 человек [230], с вариациями, в подавляющем большинстве случаев укладывающимися в пределы 15—75 человек [397; 758, 336—339; 765, 97—102]. Браки внутри общины чаще всего запрещены, нарушения экзогамии караются иногда очень строго. Однако при некоторых условиях (в частности, при росте плотности населения и увеличении размеров общин) экзогамия может ослабляться [715]. Что касается эндогамной группы, то у австралийцев она приблизительно совпадает с племенем, насчитывающим в среднем 500 человек, с колебаниями от 100 до 1500 человек; доля внутриплеменных браков составляет около 85% [228, 232]. У бирхоров эндогамная общность (племя) состоит из 585—650 человек [765, 115].

Раннеземледельческие общины крупнее охотничье-собирательских. Имеются, в частности, следующие оценки среднего количества жителей неолитического поселка: Ближний Восток — 100—300 человек [414], Туркмения — 60—800 [92, 102, 105], Эгейский бассейн — 100 [637], Центральная Европа — 60—150 [553, 308], Западная Европа (по разным оценкам) — 40—500 [588, 231], 100—400 [640, II, 369] и 10—2000 человек (в основном не более 250) [613]. Общины ранних земледельцев Африки (южнее Сахары) также насчитывали, вероятно, 100—300 человек [296]. Размеры деревень у современных бесплужных земледельцев таковы:

в Южной Америке — 40—250 человек [273, 577], в Малайзии (у сеноев) — 20—275 [357], в Меланезии — 70—1000 (чаще всего не более 300) [413, XXIII, 253], в Африке (в Гвинее и Сенегале) — 10—1000 человек [342, 374]. Величина поселков определяется уровнем развития земледелия. При подсечно-огневой системе, которая практикуется в лесах Южной Америки, прочная оседлость возможна, если население деревни не превышает 500 человек [273]. Интенсификация земледелия приводит к появлению более крупных общин [253].

В результате увеличения размера локальных коллективов их экзогамность перестает быть необходимой. Доля браков, заключаемых в пределах поселения, оказывается иногда пропорциональной его размерам [285]. В Меланезии деревни чаще всего вмещают по несколько экзогамных групп [413, XXIII, 257]. На Новой Гвинее браки между односельчанами составляют, по имеющимся данным, 49—87% [692], у земледельцев Африки (южнее Сахары) — 47—100 [314, 17—20; 342; 374], в индейских земледельческих племенах Южной Америки — 74—86 [433, 660, 663], у пурум (Индия) — 80% [572]. Как мы видим, у земледельцев локальная экзогамия не просто перестает быть правилом, а становится скорее исключением, и притом иногда редким.

Роль географического расстояния как фактора изоляции возрастает. Если у бушменов среднее расстояние между пунктами рождения супругов равно 66 км [393], у пигмеев — 42 [280; цит. по: 505], у австралийцев — 35—42 [642, 757; обе цит. по: 505], у бирхоров — 46 км [765, 68], то в земледельческих группах соответствующие величины значительно меньше: в Меланезии — 1—22 км [366, 72; 692], в сельских местностях Индии — 1—16 [383, 505, 572, 628], в сельских местностях Африки (южнее Сахары) — 9—16 км [314, 25; 505].

Каковы популяционно-генетические последствия всех этих изменений? В частности, в каких группах может сильнее проявляться действие изоляции — в охотничье-собираТЕЛЬСКИХ или земледельческих? Ответить на этот вопрос нелегко. Рассмотренные примеры свидетельствуют как будто о том, что, хотя локальные коллективы у земледельцев крупнее, чем у охотников-собираТЕЛЕЙ, эндогамные общности у них меньше и по размерам, и по занимаемой территории (напомним, что в эволюционном аспекте существен размер именно эндогамной, а не экзогамной группы) [560; 765, 119]. Впрочем, «индекс изоляции», представляющий собой произведение «эффективного объема» группы (обычно от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ ее численности) и доли «иммигрантов», колеблется в различных племенах австралийцев от 1 до 50, а в земледельческих группах — от 3 до 49 (минимум, очень сильная изолированность, — у индейцев Бразилии; максимум — у индейцев Мексики) [479; см. также: 662]. Ввиду того что зависимость между размерами групп и уровнем эндогамии недостаточно изучена, неясно, насколько приведенные цифры сравнимы.

Что касается коэффициента инбридинга — показателя, в идеале отражающего среднее родство между членами группы, — то при обычном способе его расчета (по родословным, охватывающим лишь последние поколения) решающим фактором оказывается число браков между близкими родственниками. Прочие факторы — величина группы, степень эндогамии — играют меньшую роль [286, 711]. Соответственно весьма низким коэффициентом инбридинга (0—0.004) отличаются эскимосы [512, 552], у которых браки между близкими родственниками были строго запрещены (брак между двоюродными братом и сестрой мог караться смертью) [99, 80—87]. Столь низкие коэффициенты несвойственны отсталым коллективам и характерны для индустриальных обществ, а между тем плотность расселения эскимосов чрезвычайно низка, группы сильно разобщены. Наоборот, в сельских местностях Андхра-Прадеша (Индия) коэффициент инбридинга очень высок — 0.03—0.05, хотя плотность населения в этом районе весьма велика и выбор брачных партнеров не представляет особой проблемы [665]. Причина в том, что браки между родственниками здесь не только не запрещены, но даже поощряются традицией. Коэффициент 0.03 получен и для сельских местностей Западной Африки [270; цит. по: 283, 350]. Сравнительные данные об охотниках-собираателях, кроме эскимосов, отсутствуют.

По мнению ряда авторов, генеалогический метод оценки инбридинга малонадежен. Другой способ — судить об инбридинге по его результатам, представляющим, собственно, основной интерес для антрополога, а именно по величине генетических различий между группами. Здесь мы снова сталкиваемся с противоречиями. Согласно данным Дж. Йеллена и Г. Харпендинга [783], колебания генных частот по локальным группам, измеряемые «вариансой Валунда», оказываются наименьшими у эскимосов — 0.005, хотя В. Лафлин писал, что эскимосские группы обнаруживают сильные различия по мономерным признакам [483]. Бушмены характеризуются величиной 0.01, пигмеи — 0.02, австралийцы — 0.04. Для земледельческих групп получены в целом более высокие показатели: папаго — 0.02, папуасы — 0.045, южноамериканские индейцы — 0.08. Йеллен и Харпендинг заключают, что у земледельцев общины более изолированы и генетические различия между ними больше, чем у охотников и собирателей.

К противоположному выводу привело С. Визенфельд и Д. Гайдусека рассмотрение «коэффициентов родства», также измеряющих степень генетической дифференциации между локальными группами. Здесь у бушменов коэффициенты почему-то максимальны (до 0.1), хотя используются неопубликованные данные того же Г. Харпендинга. За бушменами следуют яномама (0.06); в группах с более развитым земледелием — папаго, папуасы, микронезийцы — коэффициенты еще меньше (0.02—0.05). Обобщая эти данные, авторы пишут, что чем больше относительная роль земледелия по сравнению с охотой и собирательством, тем меньше ло-

кальная микродифференциация. Это подтверждается и материалами по Новой Гвинее, где наибольшим генетическим своеобразием (0.075) отличается изолированная группа, сочетающая примитивное земледелие с охотой и собирательством, а наименее своеобразной (0.005) оказалась группа, хозяйство которой базируется на более развитом земледелии [760].

Однако при обследовании племени джуанг (Индия) были получены прямо противоположные результаты. Здесь коэффициент родства (вычисленный по матрицам миграций) для полукочевой группы, практикующей переложное земледелие, составил 0.005, а для группы, живущей вполне оседло и занимающейся интенсивным земледелием, — 0.032 [628]. Объясняется это тем, что миграции населения между деревнями гораздо интенсивнее в группе переложных земледельцев. Аналогична ситуация у индейцев Южной Америки: в полукочевых племенах, где господствует переложная система обработки земли (например, у шаванте), происходит постоянное изменение внутриплеменной структуры: группы индивидуумов (обычно близких родственников) «отпочковываются» от общин и либо присоединяются к другим общинам, либо основывают новую [576]. Тот же процесс описан у сеноев Малайзии [357]. Наблюдается он и в ряде охотничье-собирательских обществ [741, 776]. Такая подвижная социальная структура, характерная для кочевых и полuosедлых коллективов, может способствовать усилению генетической дифференциации (если отделившиеся группы становятся самостоятельными), а может и ослаблять эту дифференциацию (если «дочерние» группы сливаются с другими). Совершенствование земледелия позволяет перейти к полной оседлости, что на первых порах, вероятно, усиливает разобщенность локальных коллективов [662, 783]. Но дальнейшее развитие хозяйства поворачивает этот процесс вспять. Размеры общин увеличиваются, плотность населения возрастает, что (при прочих равных условиях) тормозит биологическую дифференциацию [662]. Таким образом, популяционно-генетические последствия сдвигов в численности и структуре населения, происходящих после перехода к земледелию, нельзя оценить однозначно. Условия для биологической эволюции групп на разных стадиях развития хозяйства определяются сложным и неустойчивым сочетанием нескольких факторов, действующих в различных направлениях. Этим, по-видимому, и объясняются (по крайней мере частично) противоречия между данными разных исследователей.

Кроме того, нужно учесть, что предоставляемые популяционной структурой возможности для биологической дифференциации реализуются далеко не всегда и не полностью. У каингангов изоляция деревень привела к сильным колебаниям частот некоторых генов, однако другие мономерные признаки оказались устойчивыми; Ф. Сальзано объясняет это стабилизирующим отбором [661].

Что касается генетической дифференциации более крупного масштаба, то она могла стимулироваться хозяйственными различиями между коллективами ранних земледельцев. Разные типы земледелия (в частности, основанные на разных растительных культурах) способствовали формированию разных этнических групп, а следовательно, и разных антропологических типов. Об этом, возможно, свидетельствуют некоторые соответствия в расовой изменчивости человеческих популяций и культурных растений [3; 32; 33, V, 79; 61; 319].

Сдвиги в брачной структуре могут не только сказываться на величине различий между группами, но и приводить к направленным (эпохальным) изменениям биологических признаков. По некоторым данным, эндогамия ведет к увеличению головного указателя. Это позволило предположить, что брахицефализация, наиболее интенсивно происходившая в Европе в эпоху позднего средневековья, имела причиной формирование изолятов в сельских местностях [353]. Но ведь первая фаза брахицефализации в Европе и на Ближнем Востоке началась в неолите [354, 686]. Не была ли она связана с возникновением изолированных поселков ранних земледельцев? И не была ли грацилизация проявлением своего рода инбредной депрессии?

В заключение этого раздела вернемся к эпидемиологическим проблемам. Как мы помним, земледельческий быт создавал ряд предпосылок для распространения инфекций. Теперь укажем на еще одну из этих предпосылок — увеличение плотности населения. Чем выше заселенность территории, тем выше заболеваемость. Такая связь обнаружена, например, в Индии (для холеры) [14, 55, 65] и Западной Африке (для малярии и соответственно для частоты гемоглобина S) [502].

Болезни, дающие стойкий постинфекционный иммунитет (такие, как чума, оспа, корь), и болезни с кратковременным носительством (холера) не имеют шансов на широкое распространение, если население раздроблено на маленькие изолированные группы [51, 132, 136, 218, 229; 235; 299]. Именно поэтому указывалось, например, что эпидемиологическая обстановка у пигмеев значительно благоприятнее, чем у их соседей-земледельцев [428]. Впрочем, обмен людьми между группами, контакты, а также периоды скучивания в лагерях могут ослабить эти преимущества: сибирские кочевники, как мы помним, пострадали от оспы не меньше, чем оседлые народы, а при обследовании хадза позитивные реакции на вирусные заболевания были часты даже в самой изолированной группе [215]. Уменьшение риска эпидемий происходит, по-видимому, на той стадии развития раннего земледелия, когда группы уже перешли к полной оседлости, а усиление эндогамии опередило рост размеров деревень. Инфекция здесь не распространяется по всем направлениям, а ползет «подобно змее» от поселка к поселку, причем некоторые пункты могут оказаться незатронутыми [470].

Возрастание плотности населения способствует распространению эпидемий, — но, с другой стороны, эпидемии тормозят естественный прирост. По мнению Дж. Холдейна, если в доземледельческую эпоху размеры человеческих групп регулировались в основном количеством продовольствия, то после возникновения земледелия главным регулирующим фактором стали болезни [389; цит. по: 501].

Изменение диеты и его последствия. Большинство исследователей, рассматривавших вопрос об изменении диеты при переходе к земледелию, ограничивались качественными оценками, с трудом поддающимися сравнению. Лишь Р. Макнейш предпринял количественный анализ этого процесса, подсчитав (на основании костных и растительных остатков, найденных на древнемексиканских поселениях) приблизительное количество пищи различных категорий [521, 523]. По этим подсчетам, на самой ранней, охотничье-собираательской, стадии (X—VII тыс. до н. э.) растительная пища составляла, по-видимому, менее 30% общего объема; на стадии зарождения земледелия (VII—VI тыс. до н. э.) — 40% (на долю культурных растений приходилось лишь 3%). В V—IV тыс. до н. э. доля вегетарианской пищи поднялась до 66%, причем культурные растения стали давать 14%. В течение дальнейших эпох относительная роль растительных продуктов по сравнению с мясными неуклонно повышалась, и в период, непосредственно предшествовавший приходу испанцев, диета более чем на 80% была растительной, в том числе 75% принадлежало продуктам земледелия.

Точных данных о питании современных охотников-собираелей очень мало, но эти данные относятся к группам, живущим в разных условиях, что облегчает общую оценку. Диета эскимосов принадлежит, как известно, к чрезвычайно специализированному белково-жировому типу. Дневная норма у них составляла около 3000 ккал: 200—400 г белков (почти исключительно животных), 150—185 г жиров, 10—60 г углеводов, 0,4—0,8 г кальция, 40 мг железа, 10—50 тыс. ИЕ витамина А, по 2,5—3 мг тиамина и рибофлавина, более 100 мг ниацина и от 50 до 200 мг витамина С [333; 421, 53—62; 705; цит. по: 153, 504]. Рацион австралийцев содержит 1710 ккал и состоит из 190 г белков (в том числе 176 г животных), 0,8 г кальция, 23 мг железа и 116 мг витамина С [513]. Наконец, бушмены потребляют в день 2140 ккал: 93 г белков (в том числе 35 г животных); растительная пища поставляет $\frac{2}{3}$ энергии [491].

Согласно Р. Ли, у охотников-собираелей, живущих в южных областях, охота дает 20—45% диеты, в северных группах — более 50% [491]. Впрочем, иногда значение собирательства увеличивается: в рационе бушменов, обследованных Дж. Танака, около 90% падает на растительную пищу [726].

Данных о питании земледельцев гораздо больше. Размах колебаний здесь очень велик. В отношении калорийности пищи

трудно заметить какой-либо сдвиг по сравнению с охотниками-собираателями. Некоторые группы потребляют не меньше калорий, чем эскимосы: жители Самоа — более 3000 ккал [204, 23]; аборигены Тайваня — 3336 [290]; земледельцы Замбии, пополняющие диету рыбой, — 4051 ккал [638]. Но для ряда групп получены исключительно низкие цифры. В той же Замбии калорийность диеты одного из племен опускается в голодный сезон до 816 ккал [638], в Гане — до 650 [539, XIV], в районах Явы, где основной пищей служит маниок, — до 917, а в районе, где питаются рисом, — до 318 ккал [200]! Даже если приведенные оценки сильно преуменьшены, они все равно свидетельствуют о весьма тяжелой ситуации в этих группах. Смертность в голодные сезоны несомненно возрастает, вес тела взрослых уменьшается (у земледельцев Африки потеря веса достигает 4 кг) [314, 52—56; 363; цит. по: 153, 509—510; 585]. Впрочем, периоды острой нехватки пищи отмечались и у охотников. По вопросу о том, какой из двух типов хозяйства связан с большей угрозой голода, в литературе нет единого мнения.

Вопрос о составе пищи гораздо более ясен. Здесь как бы на поперечном срезе фиксируются различные стадии процесса, динамика которого прослежена по древним материалам из Мексики. В большинстве изученных земледельческих групп диета более чем на 80 или даже 90% (а иногда и почти целиком) состоит из растительных продуктов. Соответственно велика доля углеводов в рационе: 70% у майя [213], более 75% у замбийских крестьян [638], 85% у жителей Заира [539, 107] и т. д. Белков же, особенно животных, земледельцы потребляют значительно меньше, чем охотники-собираатели. Количество общих белков в дневном рационе опускается у индейцев бассейна Амазонки до 15 г [386], у папуасов — до 8.5 [601], у жителей Явы в маниоковых районах — до 16, в рисовых — до 6 г [200]. Животные белки потребляются в ямсовых областях Нигерии в количестве 2 г в день [585]; для земледельческих индийских племен норма равна 2—5 [652], для аборигенов Тайваня — 8 г [290] и т. д. Особенно мало белка получают дети. Белковое голодание у детей (*квашиоркор*) чрезвычайно часто встречается в земледельческих коллективах [429, 115—135; 739]. Квашиоркор опасен не только сам по себе, но и тем, что сильно понижает резистентность к инфекциям [689]. Охотники и собиратели, по-видимому, тоже не вполне застрахованы от квашиоркора [525], однако у них он явно не столь част. Контраст становится особенно отчетливым, когда сравниваются охотники и земледельцы, живущие в одном районе [430, 491]. У пигмеев, перешедших на «земледельческую» диету, квашиоркор распространился еще сильнее, чем у банту; некоторые объясняют это отсутствием генетической адаптации к нехватке белков [281]. Если квашиоркор действительно может служить селективным фактором, способствующим выработке такой адаптации [517], то широкое распространение этой болезни свидетельствует о том, что процесс

генетического приспособления к последствиям неолитической революции продолжается [582].

Существуют растения (бобовые, некоторые злаки), которые сравнительно богаты белком. Бушмены застрахованы от квашиоркора даже при нехватке мяса, так как они питаются орехами [491; 589, 81—83; 706; 740]. Но то, что служит прекрасным источником пищи для маленьких коллективов охотников, расселенных на обширной территории, совершенно недостаточно для пропитания громадных масс земледельческого населения. Оказываясь перед угрозой голода, бесплужные земледельцы бывают вынуждены отдавать предпочтение культурам урожайным и нетребовательным, хотя и имеющим низкую питательную ценность [606, 75—76, 213; 739, 51]. Таковы клубнеплоды — маниок, батат и др. Там, где они служат основной пищей, квашиоркор эндемичен [401, 525].

При нехватке белков происходит замедление роста и полового созревания [405; 429, 86—88; 450; 718]. По некоторым данным, здесь могут играть роль не только прямое влияние пищи, но и естественный отбор [367]. Потребление белков отражается на длине тела, весе и других соматических признаках, хотя и не всегда одинаковым образом [402; 527; 586; 746, 149]. Есть некоторые основания связывать уменьшение длины тела, происходившее на протяжении веков в индейских земледельческих группах, с ухудшением диеты [395; 417, 178, 320; 666, 29]. Столь же вероятно, что грацилизация, происшедшая в раннем неолите в Европе, была в какой-то мере вызвана уменьшением доли белков в рационе [189, 461]. Алиментарная гипотеза удачно объясняет и последовавший за этим процесс деграцилизации: в течение неолита и эпохи бронзы усилилась роль скотоводства и соответственно потребление белков вновь повысилось [461]. Даже у бушменов, которые перешли к скотоводству и ввели в рацион молоко, длина тела увеличилась, хотя и до этого в их диете было довольно много белков [734]. На Яве вынужденный переход от риса к маниоку вызвал снижение длины и веса тела мужчин [201].

Связь морфологии с питанием фиксируется вполне отчетливо, если сопоставляемые популяции близки по происхождению. Результаты сравнения давно разошедшихся групп интерпретировать труднее [725]. Чем объяснить, что пигмеи гораздо ниже своих соседей-земледельцев, хотя потребляют значительно больше белков [675, 744]? Чем объяснить низкорослость андманцев, рацион которых на $\frac{3}{4}$ состоит из животной пищи [239]? В таких случаях приходится ссылаться на влияние «расового фактора». Данный фактор можно исключить, используя материал со всего мира. Но, как уже указывалось, противопоставить всех охотников-собирателей всем земледельцам как будто не удастся; впрочем, точных данных об этом в нашем распоряжении нет.

От калорий и белков перейдем к минеральным веществам и витаминам. Можно полагать, что вегетарианская диета усиливает

воздействие геохимического окружения на организм. По данным Т. И. Алексеевой, прослеживается связь между содержанием определенных химических элементов в почве и некоторыми антропометрическими признаками [173]. Быть может, к этому имеют отношение и некоторые вариации костной системы, по которым отмечены различия между группами с разной долей растительной пищи в рационе [5]. Морфофизиологические корреляции [173] дают основания для гипотез о связи между эпохальными изменениями (грацилизацией, брахицефализацией) и минеральной насыщенностью костей [27; 47; 531, 259—260].

По вопросу об изменении содержания кальция в пище при переходе древних охотников к земледелию имеются лишь предположения, а также отрывочные и противоречивые данные о состоянии скелета [182; 184; 192; 422; 531, 258—260; 559; 644]. Пища современных земледельческих групп по количеству кальция (пределы вариаций 0.1 [511]—1.6 г [638]) не обнаруживает четко выраженных отличий от пищи эскимосов и австралийцев. То же следует сказать о содержании железа (колебания у земледельцев от 1 [234] до 57 мг [584]). Известно, однако, что железо из растительной пищи усваивается хуже, чем из животной. Судя по следам на древних скелетах из США, анемия от недостатка железа и связанные с ней инфекции встречались чаще в тех индейских группах, которые питались главным образом маисом, чем в тех, для которых охота играла большую роль [345, 462].

В отношении количества витаминов (кроме С) в пище охотников имеются лишь данные по эскимосам. Эти данные, разумеется, нельзя считать типичными для всех коллективов с присваивающим хозяйством. О земледельцах сведений много. Дневное количество витамина А в их диете, как правило, ниже (иногда гораздо ниже) необходимых 5000 ИЕ. Для индийских племен, питающихся маниоком, оно составляет лишь 133 ИЕ [652]; для некоторых папуасских групп, питающихся саго, — менее 100 ИЕ [511]. Тиамин поступает в количестве часто ниже 1.5 мг, иногда и ниже 1 мг. Потребление рибофлавина в подавляющем большинстве случаев ниже 1 мг — у аборигенов Тайваня 0.1 мг. В этой же группе отмечено и близкое к минимуму содержание ниацина в пище — 2.9 мг [290]; и в других земледельческих группах уровень нередко опускается ниже нормы (10 мг). Количество витамина С колеблется сильно — от 4 [511] до 168 мг [290], так что закономерных отличий от диеты австралийцев и эскимосов заметить здесь не удастся.

Количество витаминов в пище можно оценивать и косвенно — по физическому статусу людей. У эскимосов нехватка растительной пищи вызывала симптомы цинги [421, 55—62], но у охотников-собирателей, обитающих в тропических районах и не успевших еще перейти на «земледельческую» диету (пигмеев, хадза, бушменов), признаки гиповитаминоза если и отмечались, то очень редко [401; 430; 589, 81—83; 740]. Зато в земледельческих группах

гиповитаминозы распространены очень широко. Объясняется это однообразием диеты, в которой преобладают растительные продукты, бедные витаминами. Особенно способствует авитаминозам переход к монокультурам. Так, в полированном (лишенном оболочки) рисовом зерне мало тиамина. Соответствующий авитаминоз (*бери-бери*) част в рисоводческих районах Юго-Восточной Азии; там же распространен и гиповитаминоз А. *Пеллагра* — результат нехватки ниацина — эндемична там, где питаются маисом (но не в Центральной Америке, где маис вымачивают в известковом растворе) [279, 49—63; сокращ. рус. пер.: 60, 82—92; 429, 94—102; 581; 582]. М. Т. Ньюмен считает, что лучшая адаптация земледельцев к нехваткам витамина С и кальция, чем к нехваткам витаминов группы В и белков, вызвана тем, что нехватки первого рода возникли раньше (еще на стадии охоты?) [580, 581]. Относительно витамина D полагают, что его нехватка вызвала у северных народов, питавшихся зерном, депигментацию — защитную реакцию против рахита; северные народы, питавшиеся мясом (в частности, эскимосы), в такой адаптации не нуждались [282].

Интересно изменение в работе жевательного аппарата при увеличении потребления растительной пищи. У приматов адаптация к вегетарианской диете связана с увеличением относительных размеров моляров и премоляров, так как механическая нагрузка на эти зубы оказывается очень большой [см., например: 774]. У человека этого не наблюдается. Стертость зубов (показатель нагрузки) у ранних земледельцев обычно не сильнее, а слабее, чем у охотников [182, 210, 422, 555, 717; ср., однако: 497]. С ослаблением функции жевательного аппарата многие исследователи связывают и уменьшение размеров зубов на протяжении тысячелетий; считается, что крупные зубы перестали быть селективно выгодными в результате более тщательного перетирания растительной пищи и главным образом благодаря варке [244, 306, 317, 490, 688]. Большие размеры зубов могли даже стать помехой, если челюсти редуцировались от снижения нагрузки [55, 24]. Некоторые считают уменьшение ширины лица [640, II, 187, 190—192] и увеличение головного индекса [595] в Европе в эпоху неолита пластическими реакциями на ослабление работы челюстей. Сходное объяснение предложено для таких же эпохальных сдвигов, происходивших в более позднее время в Нубии (ист. пров.) [272]. Что касается современных групп, то систематических различий в размерах зубов между охотниками и земледельцами не обнаруживается [202, 373], как не обнаруживается их и в степени массивности лицевого скелета, и в головном указателе.

Переходом к вегетарианской диете обычно объясняют учащение кариеса и других дефектов зубов, прослеживаемое в некоторых районах параллельно с распространением земледелия [182; 191; 417, 119; 422; 497; 688; 717]. Впрочем, по своим масштабам это учащение значительно уступало тому, что произошло в новейшую эпоху [249]. Различия по частоте кариеса между современными

охотниками-собираателями и бесплужными земледельцами неотчетливы [623, 100, 107, 116, 147, 243—255, 275—276]. Вообще роль состава пищи в распространении этой болезни пока не вполне ясна [698]. Интересно, однако, что рис как будто больше способствует развитию кариеса, чем пшеница и просо [701], а полированный рис — больше, чем неочищенный [171, 251; цит. по: 356]. Есть факты, позволяющие предполагать, что учащение кариеса могло быть связано с редукцией челюстей [76]. Зубы крупных размеров и со сложным узором коронки чаще оказываются кариозными, что дает основания считать кариес селективным фактором, ответственным за эпохальную тенденцию к уменьшению размеров зубов и к упрощению узора [180, 632].

Переход от смешанной диеты к чисто растительной иногда сказывается на некоторых физиологических показателях: снижается основной обмен, уменьшается содержание холестерина в крови [6, 19—25, 129—130], изменяется азотный баланс [405]. Возможно, меняются работоспособность и темперамент [143, 327; 199; 638; 693] (точными данными на этот счет мы не располагаем). Неясно, существуют ли закономерные физиологические различия между охотниками-собираателями и земледельцами [311, 404, 530, 574, 735, 740]. Вообще вопрос о характере адаптации к тому или иному пищевому режиму разработан слабо. Известно, что болезненную реакцию может вызвать не только переход в течение одного поколения с белковой диеты на углеводную [143, 327], но даже введение в вегетарианский рацион нового растительного продукта, служащего привычной пищей в соседних группах [183]. Возможно ли в таких случаях индивидуальное «привыкание», или речь идет о генетической адаптации, как полагал Ч. Дэвенпорт [321], сказать трудно. Впрочем, есть факты, позволяющие предположить, что некоторые виды вегетарианской пищи могли играть селективную роль. Имеются, в частности, наследственные дефекты, которые вызывают неспособность усваивать вещества, содержащиеся в пшенице и ржи [697], а также в некоторых сортах бобовых [242]. Внедрение указанных культур должно было способствовать учащению симптомов таких дефектов, но одновременно и элиминации соответствующих генов. Наоборот, маниок, по-видимому, иногда смягчает симптомы серповидноклеточной анемии [419], создавая этим условия для распространения гена аномального гемоглобина S [609]. Быть может, именно влиянием пищевого фактора объясняются некоторые черты загадочного серологического сходства между охотничьими группами, живущими в разных частях света [589, 107]. Были попытки (правда, недостаточно аргументированные) объяснить механизмы связи типов диеты с группами крови [445, 598]. Есть, наконец, указания на то, что одной из форм адаптации к растительности может быть удлинение кишечника [714; цит. по: 582].

Процесс изменения диеты был, видимо, длительным. Раннеземледельческая стадия соответствовала лишь его начальной фазе.

У первых земледельцев Ближнего Востока диета, судя по сохранившимся остаткам, была богатой и разнообразной [245, 359]. «Всеядность», отмечаемая в различных современных примитивно-земледельческих обществах, — несомненный пережиток охотничье-собираательской эры [259; 296; 709, 50—51, 149, 167]. В результате интенсификации земледелия рацион становится все более однообразным [297, 527]. Почему это происходит?

Частичный ответ на этот вопрос был уже дан, когда мы упоминали об увеличении прироста населения после освоения новых культурных растений, хорошо приспособленных к местным условиям. В горах Новой Гвинеи наивысшие концентрации людей (более 100 человек на 1 км²) наблюдаются там, где культивируется батат [392]. Доля этого малопитательного клубнеплода в диете составляет здесь около 90% [247]. Приходится заключить, что рост численности населения ставит перед земледельцами такие проблемы, по сравнению с которыми проблема разнообразия рациона отступает на второй план. Трудности усугубляются истощением природных ресурсов, в частности вырубкой лесов — источников белковой пищи. Возделывание более питательных растений может стимулировать естественный прирост. Южноамериканские индейцы, чья диета состояла преимущественно из маиса, были расселены гуще, чем те, у которых основной культурой был маниок [664, 91]. Но, как уже указывалось, если происходит нарушение экологического равновесия, то создается угроза голода, заставляющая переходить от более питательных культур (злаков) к менее питательным, но более урожайным (клубнеплодам). На Яве, с ее плодородными землями и огромной плотностью населения, люди питались во многих отношениях хуже, чем на Суматре, где почвы более скудны, а плотность населения невелика [606, 264]. Появление плуга приводит к увеличению естественного прироста, но не к улучшению алиментарной ситуации. В сельских местностях Таиланда 87% калорий дает рис [287], а в некоторых районах Китая на долю растительной пищи приходилось более 99% калорий [255, 407].

Равновесие между количеством пищевых ресурсов и ростом народонаселения, возможно, не единственная форма связи между алиментарными и демографическими факторами. Различные авторы рассматривают эту связь в иных аспектах. Указывают, например, что существенна степень доступности мягкой пищи для детей. При отсутствии такой пищи период грудного кормления велик, соответственно велик и интервал между родами [229]. Этот интервал у кочевых бушменов равен 3—5 годам, а годовой прирост, по современным масштабам, мал: 0.5%. У бушменов, перешедших к оседлой жизни, промежутки между родами сократились до 3 лет и менее, а прирост увеличился [449, 493].⁷ Но в мягкой ли пище здесь

⁷ По другим данным, оседлые бушмены отличаются от кочевых не большей плодовитостью, а меньшей смертностью [393].

цело? Хадза, например, хорошо справляются с этой проблемой, добавляя к грудному молоку детям от 6 месяцев костный мозг и разжеванное мясо [430].

Другие исследователи напоминают о том, что белковая диета ускоряет наступление первых менструаций [450], а затем, явно вопреки фактам, утверждают, будто после неолитической революции потребление белков возросло [691]. Есть также основания считать, что нехватка калорий и жиров нарушает половой цикл, но нет никаких оснований думать, что у земледельцев эта нехватка меньше, чем у охотников [298, 329].

В середине прошлого века Т. Даблдэй противопоставил учению Т. Мальтуса новую, довольно остроумную теорию. Она состояла в том, что не питание ухудшается под влиянием роста народонаселения, а, наоборот, ухудшение питания (в частности, уменьшение количества белков в рационе) стимулирует рождаемость [332, 5—6, 156, 334—335]. Труд Даблдэя, интересный обилием фактического материала и резко антимальтузианской направленностью [332, 236—240, XXXVIII—XXXIX], был, однако, основательно забыт. Лишь 100 лет спустя Ж. де Кастро обратил внимание на эту теорию и стал ее сторонником [60, 105—109; 279, 70—72, 160—167]. Он указал на новые примеры отрицательной межгрупповой связи между потреблением белков и рождаемостью, а также на результаты опытов над лабораторными животными. Эти опыты показали, что размножению благоприятствует сравнительно низкое (хотя и не минимальное) содержание белков в пище [707]. Одно из возможных объяснений, как считал де Кастро, — ослабление функции печени, инактивирующей избыток эстрогенов [279, 160—167]. Идея эта подвергается критике [719], как и сама теория Даблдэя — де Кастро [569, 115—120, 207]. Однако считается опровергнутой данная теория пока не может. В последнее время исследователи заинтересовались ролью противостерильного витамина Е, содержащегося главным образом в растительных продуктах. Полагают, что этот витамин способствовал повышению рождаемости у эскимосов, начавших в XX в. потреблять много мучной пищи [225]. Вполне возможно, что земледельцы получают больше витамина Е, чем охотники и собиратели, но это еще предстоит выяснить.

* * *

1. Характер изменений в физической активности при переходе от охоты и собирательства к земледелию неясен. Ни одна из теорий, связывающих со спецификой этой активности соматические и психические качества охотников-собирателей и земледельцев, не может считаться обоснованной. Наиболее правдоподобна гипотеза о том, что происшедшие после появления земледелия снижение травматизма и ослабление отбора на такие качества, как зрение и слух, вызвали ухудшение этих качеств.

2. С другой стороны, процессы, сопутствовавшие неолитической революции (переход к оседлости, загрязнение среды, вырубка лесов), способствовали распространению инфекционных болезней, усиливших естественный отбор по различным биохимическим особенностям.

3. В Европе и, по-видимому, в смежных областях продолжительность жизни взрослых после появления земледелия увеличилась. На других территориях такого увеличения не зафиксировано. Сравнение демографических показателей в современных коллективах охотников-собирателей и бесплужных земледельцев выявляет чрезвычайно сильные локальные различия; каких-либо стадийальных закономерностей обнаружить не удастся.

4. Переход к земледелию сопровождался ростом численности населения, однако как причины, так и механизмы этой связи остаются не вполне ясными. Не исключено, что роль алиментарного фактора проявляется не только в увеличении пищевых ресурсов, но и в прямом воздействии пищи на процесс размножения. Плотность населения у земледельцев в целом значительно выше, а ее колебания сильнее, чем у охотников-собирателей. Создавая экологические кризисы и способствуя распространению эпидемий, рост плотности населения проявляет себя как саморегулирующийся процесс.

5. Популяционная структура раннеземледельческих обществ определяется сочетанием нескольких противодействующих тенденций. Установление прочной оседлости усиливает генетическую дифференциацию; рост плотности населения и увеличение размеров общин тормозят эту дифференциацию.

6. Стимулируемый развитием земледелия рост численности населения, истощение природных ресурсов и переход к возделыванию более урожайных, но менее питательных растений вызывают ухудшение диеты. Количество белков и большинства витаминов в рационе понижается, что приводит к отрицательным последствиям (распространение квашиоркора, авитаминозов). Сопутствующие этому изменения в ростовом процессе отражаются на соматических признаках. Приспособление к вегетарианской диете у человека носит иной характер, чем у животных, благодаря наличию культурных адаптаций.

**ОСНОВНЫЕ ХОЗЯЙСТВЕННО-
КУЛЬТУРНЫЕ ТИПЫ
РАННИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ**

Без преувеличения можно сказать, что земледелие является важнейшей отраслью хозяйства большей части человеческого общества. Не случайно академик В. И. Вернадский писал, что открытие земледелия решило все будущее человечества. В становлении раннего земледелия значительная роль принадлежит этапу специализированного планомерного собирательства и охоты. Уже у постоянных собирателей урожаев диких растений были жатвенные поля со стабильными поселениями поблизости от них, соответствующие орудия для уборки и переработки урожая [9, 4—16; 77, 99—115]. Происхождение производящей экономики связано с комплексным характером доземледельческого хозяйства, в котором собирательство наиболее устойчиво обеспечивало людей продуктами питания. Древние собиратели постепенно сформировали и накопили немалые знания о растениях, включая уход за определенными их видами, способы уборки, довольно сложные приемы обработки и т. д. Все это неизбежно вело к превращению земледелия в основное занятие. Но и позже, после изменения структуры, хозяйство продолжало носить комплексный характер, что оказало решающее воздействие на темпы прогрессивного развития человеческого общества. Такой характер хозяйства обеспечивал наилучшее природопользование: не допускал истощения природных ресурсов в условиях быстрого роста населения, помогал выстоять в неблагоприятные периоды.

Основоположники марксизма-ленинизма убедительно показали, что связь человеческого общества и природы всегда проявляется прежде всего через трудовую деятельность, в процессе общественного производства и потребления. Именно Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства»

выделил в качестве одного из важнейших этапов хозяйственно-культурного развития человечества период зарождения производящего хозяйства, «введения скотоводства и земледелия, период овладения методами увеличения производства продуктов природы с помощью человеческой деятельности».¹

Проблема изучения зарождения земледелия до сих пор остается довольно сложной. Необходимо прежде всего наметить центры его возникновения. основополагающими в этом вопросе являются труды академика Н. И. Вавилова, выдвинувшего и обосновавшего полицентрическую концепцию появления земледелия [33]. Вавилов неоднократно, в 1926, 1932 и 1935 гг., возвращался к рассмотрению проблемы выделения очагов происхождения важнейших культурных растений. Первоначально он называл пять древних очагов мирового земледелия, пять самостоятельных областей введения в культуру различных растений (поэтому центры возникновения земледелия иногда называют по культурам: пшеничный, маисовый, просяной, рисовый, клубнеплодный). В окончательном варианте, основываясь на всестороннем анализе богатейших коллекций мировой флоры, Вавилов выделил восемь основных мировых очагов и три второстепенных: I — Китайский, II — Индийский (в том числе IIa — Индо-Малайский), III — Среднеазиатский, IV — Переднеазиатский, V — Средиземноморский, VI — Эфиопский (Абиссинский), VII — Южноамериканский и Центральноеамериканский (включая Антильские острова), VIII — Южноамериканский (Перувиано-Эквадор-Боливийский, в том числе VIIIa — Чилоанский, VIIIб — Бразильско-Парагвайский). Есть и другие точки зрения. С. А. Семенов, например, выделил 11 древнейших очагов земледелия [142, 30—102], Е. Н. Синская — пять [цит. по: 79, 16]. Академик А. П. Окладников посвятил ряд своих работ обоснованию выделения самостоятельного очага древнего земледелия начиная с палеолита на территории современной Маньчжурии.

До последнего времени проблема происхождения земледелия обычно сводилась к происхождению злакового земледелия, а собирательство именно диких злаковых растений соответственно рассматривалось как предтеча земледелия. Р. М. Мунчаев и Н. О. Бадер утверждают: «Еще в X—IX тыс. до н. э. охотники Ближнего Востока начали систематически собирать дикие злаки, а в VIII—VII тыс. до н. э. появились первые земледельческие поселения в районах естественного распространения злаков» [105, 107].

Однако нередко можно слышать утверждения, что более древним является не злаковое, а плодово-клубневое земледелие. Еще Ю. Липс в свое время отмечал: «В связи с тем что при раскопках невозможно обнаружить следы древнейших клубневых культур, возраст земледелия легче всего можно установить, опираясь на данные о первоначальном разведении хлебных злаков» [77, 110]. Сейчас наиболее

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 33.

раннюю историю злакового земледелия, по данным археологии, начинают с IX тыс. до н. э. Однако некоторые ученые, например Ч. Горман, В. Сольхейм, древнейшую культивацию растений (по находкам остатков арековой пальмы, тыквы, перца, бобов, орехов в хоабиньских слоях Пещеры Духов в Таиланде) датируют X тыс. до н. э. Это дает им основание, вопреки мнению большинства ученых, наиболее древним очагом земледелия считать не Передний Восток, а Юго-Восточную Азию, а древнейшим видом земледелия не злаковое, а плодово-клубневое [157].

В настоящее время, пожалуй, еще нецелесообразно окончательно отвечать на вопрос, какое земледелие является более древним. В частности, пока еще недостаточно точно определена палеоботаниками степень культивации некоторых растений, найденных в Пещере Духов. Нельзя не обратить внимание и на такой бесспорный факт, что в Юго-Восточной Азии не наблюдается прогрессивного развития орудий труда, необходимых для земледельческой практики, хотя обычно возникновение земледелия находит отражение и в развитии социальных отношений, убыстряя их. Если сегодня, с точки зрения абсолютной хронологии, еще неясно, какое земледелие более раннее, то представляется на данном уровне знаний несомненным, что в Передней Азии древнейшим было злаковое, а в тропиках Старого и Нового Света — плодово-клубневое.

Древнейшие хозяйственно-культурные типы ранних земледельцев формировались хотя и в разное время, но примерно на одинаковом уровне общественного развития.

Едва ли правомерна постановка вопроса о взаимосвязи и взаимозависимости уровня развития общества и появления того или иного вида земледелия (какое из них по уровню развития более раннее, а какое более позднее). Попытки вывести из разных типов земледелия различия в уровнях развития общества действительно имеются. Так, в частности, К. Дарлингтон утверждал, что культивация злаковых развивает в людях трудолюбие и изобретательность, а культивация плодово-клубневых — апатию и лень. В пылу полемики Д. Корси даже обвинил тех, кто связывает цивилизацию только со злаковым земледелием, в этноцентризм. Безусловно, этнографии известны цивилизации, основанные на клубневом земледелии (например, на выращивании ямса — у ашанти и дагомейцев; кассавы, батата, ямса — у майя), однако нельзя забывать и то обстоятельство, что клубневое земледелие прежде всего связано с ручными приемами обработки почвы и не стимулирует перехода к более прогрессивному, плужному земледелию.

Вне всякого сомнения, на ранних этапах становления и развития земледелия ведущую роль играли особенности природной среды, определявшие его специфику. В первую очередь следует отметить такие факторы, как климат, количество осадков, качество почвы, микрорельеф и т. д. Именно поэтому К. Маркс, в первом томе «Капитала», обращая внимание на постоянство хозяйственно-куль-

турных традиций в ареале влажнотропических лесов и саванн жаркого пояса, отмечал: «Слишком расточительная природа „ведет человека, как ребенка, на помочах“. Она не делает его собственное развитие естественной необходимостью».²

Не случайно первые попытки, начало экстенсивного ручного земледелия ученые связывают с предгорными районами, в которых началось, как предполагают, культивирование клубнеплодов и корнеплодов (таро, ямс), различных видов бобовых, перца, тыквы и т. д. Нельзя не отметить, что в Переднеазиатском центре, где зародилось злаковое земледелие, климат был довольно сухим и земледелие, очевидно, возникло на полупустынных, но естественным путем увлажняемых землях. Вполне вероятным было применение и орошения; возможно, первоначально использовались естественные разливы (лиманные формы орошения), а затем стали создаваться искусственно орошаемые участки.

Орудия труда, которыми пользовались первые, самые ранние земледельцы, были еще весьма сходны с теми, которые бытовали у их предшественников — развитых собирателей.

Таким образом, формирование древнейших хозяйственно-культурных типов было очень тесно связано с экологией, в частности с возможностями выбора дикорастущих растений для культурного возделывания, с возможностями затем хранить запасы. Маниок, например, как считают ученые, не принадлежит к числу растений, обладающих большим содержанием питательных веществ. К тому же он довольно сильно истощает почву. Но, несмотря на это, маниок, обладающий способностью после созревания в течение длительного времени сохраняться в земле как в естественной кладовой, получил исключительно широкое распространение в тропической и субтропической земледельческих зонах и играет до сих пор заметную роль в питательном рационе самых разных народов данного ареала, особенно в период после сухого сезона («голодный» период). Советские географы и ботаники, основываясь на новейших исследованиях, показали, что так в традиционных земледельческих обществах в составе природной среды создавались необходимые для обеспечения нормального существования общества запасы. Можно утверждать, что знания делать запасы «на корню» широко бытовали не только в раннеземледельческий период, но, возможно, даже перешли из эпохи охоты и собирательства. В этом сказывалась теснейшая связь человека с природой. Человек в процессе приспособления к окружающей среде пришел к максимальному по эффективности использованию ее.

Вместе с тем в науке уже давно убедительно показано, что только переход к возделыванию зерновых культур (пшеницы, ячменя, ржи, риса) является по-настоящему новым, качественно переломным этапом в развитии общества. Исследователи-палеоботаники устанавливают «роль культурных растений как важнейшего,

² Там же, т. 23, с. 522.

а в некоторых случаях и определяющего фактора в развитии сельскохозяйственного производства» [79, 13]. В. М. Массон прямо утверждает, что первое появление культивируемых растений, равно как и domesticiруемых животных, «имеет первостепенное значение для определения хода неолитической революции» [92, 110]. Использование в питании самых разных народов обильной растительной пищи, особенно злаков, привело к разнообразным, но далеко идущим последствиям. Теперь легче было делать продовольственные запасы на длительный период, повысилась калорийность пищи (стабильное получение организмом углеводов) и т. д.

Для Передней Азии, где население непосредственно перешло от охоты и собирательства к земледелию, уже довольно полно показана роль набора культивируемых злаков в дальнейшем развитии социальной стратификации общества, приведшем в конце концов к формированию классов и государства.

Наиболее наглядно данное положение можно подтвердить на примере развития земледелия в юго-восточноазиатском регионе. Земледелие возникло здесь первоначально как возделывание корнеплодов и клубнеплодов и не привело к сколько-нибудь заметным социальным изменениям. Но в V—IV тыс. до н. э. в пригималайских областях этого региона началось культивирование риса. В дальнейшем довольно быстро и почти повсеместно рис занял место основной продовольственной культуры большинства населения Юго-Восточной Азии, что постепенно привело также к значительным социальным сдвигам [132].

Если по Н. И. Вавилу можно установить первоначальные центры культивации растений, то со временем произошло известное распространение последних. Однако такое передвижение культурных земледельческих традиций и растений вовсе не следует рассматривать как обычную диффузию, идущую из первичных, древнейших очагов во вторичные центры и области. Советские ученые справедливо считают распространение разнообразных земледельческих традиций во времени и пространстве длительным и сложным историко-культурным процессом взаимодействия народов [9, 55].

В связи с этим встает вопрос о первичности и вторичности раннеземледельческих центров. Земледелие на материке Восточной Азии возникло у яншаосцев в V—IV тыс. до н. э. Главными культурами были просяные, которые, по всей вероятности, являются эндемиками данного региона. Позднее из южных районов (территория юэ) проник рис. Однако хронология развития земледелия, распространение земледельческих традиций делают пока дискуссионной проблему первичности восточноазиатской раннеземледельческой области. То же самое относится к соседним с Переднеазиатским центром областям — кавказской, балканской, среднеазиатской и т. д.

Вместе с тем материал по южноамериканским индейцам, привлекаемый в сравнительном плане, дает науке уникальную, неповто-

римую возможность проверить вероятность возникновения одинаковых или сходных культурных элементов или даже комплексов в определенных, весьма близких условиях. Действительно, Новый Свет до Колумба в общем представлял собой самостоятельную единую культурную систему. После открытия Америки появились все возрастающие перспективы для хозяйственно-культурных контактов коренного населения материка со Старым Светом, особенно с европейскими и африканскими переселенцами.

Таким образом, в процессе длительного исторического развития к концу XIX—началу XX в. сложились самые разнообразие хозяйственно-культурные типы, среди которых выделяется группа ранних земледельцев, стоявших на довольно разных уровнях социально-экономического развития. Эта проблема наиболее полно разработана в трудах Н. Н. Чебоксарова — одного из основателей теории хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей [154].

Древнейшим хозяйственно-культурным типом ранних земледельцев является тип ручных (мотыжных) земледельцев, ведущих хозяйство в жарких тропиках и отчасти субтропиках Азии, Африки и Америки. Основные культуры: ямс, таро, маниок, батат, картофель, частично суходольный рис, кокосовые, саговые и другие виды пальм, бананы, сахарный тростник. Наиболее широко распространенный локальный вариант данного типа: ручные земледельцы, ведущие преимущественно подсечно-огневое земледелие. Такое земледелие возможно прежде всего при наличии значительных свободных, пригодных для подсеки площадей земли и невысокой плотности населения. Поэтому при подсечно-огневом земледелии дольше обычного сохраняются общинные институты, общинная собственность на землю. И только с увеличением численности населения и уменьшением массива свободной земли происходит увеличение «нагрузки» на землю: она практически отдыхает мало, не восстанавливает своего прежнего уровня плодородия. Обрабатывать такую землю становится даже невыгодным, рушатся общинные традиции землепользования, новая экологическая ситуация заставляет человека вносить изменения в хозяйственную деятельность и в конце концов приводит к изменению общественной организации. При нормальной ситуации поле обрабатывается максимум четыре года с применением простейшего чередования культур, а затем забрасывается на 10—15 лет для восстановления плодородия. Земледельцы вырубают на участке деревья и кустарники, после сушки сжигают их, а затем с помощью специального кола или мотыги сажают семена. Названный тип земледелия как стадия в его развитии существовал когда-то и в других районах, в том числе и у народов Европы.

При подсечно-огневом земледелии как прежде, так и теперь жизненно важна интеграция различных видов занятий, причем ведущую роль сохраняет эксплуатация окружающей среды, ремесло развито слабо. Социальное расслоение нечеткое.

Второй локальный вариант — ручные земледельцы, обрабатывающие постоянные участки. В качестве удобрения здесь используются отходы домашнего хозяйства, особенно животноводства. Нередко участки располагаются на террасах, по склону горы. Устройство, а затем и обработка террасы мотыгой требуют большого физического труда, и в этом случае происходит закрепление участка за определенной семьей. Он постепенно становится частной собственностью, передаваемой по наследству. Таким образом, террасное земледелие принципиально меняет отношение собственности на землю.

Для орошения строятся специальные ирригационные сооружения. Поддержание их в порядке стимулирует сохранение общинных традиций, труд коллектива. Хозяйство остается комплексным: наряду с земледелием крупная роль принадлежит животноводству, значительное развитие получает ремесло. Среди домашних животных — собаки, свиньи, птица. Популярна керамика, изготавливаемая без гончарного круга. Жилища постоянные, каркасно-столбовой конструкции, часто свайные, в плане преимущественно прямоугольные, реже — круглые. В качестве материала широкое распространение получает бамбук. Очаг обычно находится вне дома. Преобладает поясная одежда, тканная из растительных волокон или изготовленная из луба. Пища преимущественно растительная. Едят также рыбу и мясо.

Этот тип ручных мотыжных земледельцев до сих пор имеет значительное распространение, а соответственно и большое количество вариантов. Помимо названных следует упомянуть ручных земледельцев — жителей Океании, которых даже иногда выделяют в особый хозяйственно-культурный тип: они занимаются выращиванием пальм, а также рыболовством. Варианты типа связаны также с вертикальной зональностью. Н. Н. Чебоксаров выделяет, например, еще «предгорный» вариант мотыжных земледельцев жаркого пояса, у которых кроме таро и риса распространены кукуруза, просо и т. д. Значительное развитие получили искусственное орошение и удобрение на террасных постоянных полях.

Весьма древним является хозяйственно-культурный тип мотыжных земледельцев степей и сухих предгорий, встречающийся уже в неолите на довольно значительной территории (в обоих полушариях), прилегающей к зоне влажных тропиков и субтропиков. Основные его культуры — пшеница, кукуруза, просо, бахчевые. Широкое распространение имеют копательные орудия (прежде — типа баскской лайи), мотыги. Характерно обилие керамики. Жилища преимущественно глинобитные, с земляным полом. Одежда — из растительных тканей. Пища — лепешки, каши, овощи, фрукты, а также мясо и рыба.

В условиях лесной зоны распространено подсечно-огневое земледелие. Ячмень, овес, рожь — главные культуры. В пищевом рационе определенное место принадлежит овощам, картофелю.

Для изготовления одежды используют лен и коноплю. Разводят крупный рогатый скот, свиней. Развиты охота, рыболовство, бортничество, из ремесел — гончарство, ткачество. Жилища деревянные, преимущественно срубные или каркасно-столбовые. Пища довольно разнообразная, в основном растительная. Состав одежды богатый (много видов плечевой и поясной). Хозяйство лесных земледельцев носит экстенсивный характер, теснейшим образом сопряжено с природными условиями и простейшей системой родственно-соседской трудовой кооперации. С конца XIX—начала XX в. область распространения этого хозяйственно-культурного типа значительно сузилась.

В Центральной Азии, соседних с нею горных областях и в горных районах Кавказа, Европы и Америки распространен хозяйственно-культурный тип ручных земледельцев горной зоны [154, 189—193]. Основными культурами являются засухоустойчивые сорта овса, ячменя, пшеницы, гречиха, конопля, сурепка, частично рис. Большое значение приобретает животноводство — разводят овец, коз, яков, лошадей. Обработывают кожи, меха, шерсть и, кроме того, дерево, камень. Жилища здесь с несущими стенами, глинобитные, срубные, каменные, в плане прямоугольные, часто многоэтажные. Распространены дома-крепости. Одежда шерстяная, войлочная, а также из шкур и меха. Разнообразны летние и зимние головные уборы и обувь. В пище наряду с растительными продуктами много места занимают мясо и молоко. Утварь изготавливается преимущественно из шкур и дерева.

Хозяйственно-культурные типы ранних земледельцев продолжают бытовать и в наши дни, особенно в тропиках. Характерные особенности данных типов, дожив до настоящего времени, получили определенное развитие. Это прежде всего связано с тем, что раньше не имелось условий для перехода к более прогрессивным видам занятий и он был затруднен. Например, в тропиках обработка земли таит в себе немалые трудности, так как плодородный слой на подсеке пронизан корнями сваленных и сожженных деревьев. Известный археолог С. А. Семенов в опытным порядком для обработки подобного рода почвы применил железную лопату, и оказалось, что она застревала в переплетенной корнями различных растений почве и эффект работы с нею не превосходил результатов труда аборигенов [142, 115]. Один из вариантов процесса обработки такого поля у папуасов Новой Гвинеи наблюдал Н. Н. Миклухо-Маклай. Он представляется довольно сложным. Мужчина выворачивал с помощью длинного кола пласт земли, а идущая за ним женщина удаляла из него обрывки корней с помощью деревянных дубинок, расширенных на конце. Иногда следом за женщинами шли дети, перетгивая руками очищенную от корней землю [101, III, 74]. Таким образом, переход даже к примитивному плужному земледелию в условиях тропического лесного пояса естественным путем был затруднительным и задержался во многих районах вплоть до наших дней.

Вместе с тем современные общества ранних земледельцев не служат примером отсталости. Уже на ранних этапах развития этих обществ существовали раннегородские культуры. Поселения городского типа и тогда выполняли ремесленные, торговые, культурные, идеологические функции. Всегда они играли важную роль в организации обмена, способствовали развитию контактов между народами.

Ныне общества ручных земледельцев представляют собой народности, этнографические группы формирующихся наций или нации. Освободившись от колониального гнета, эти народы борются за самостоятельное национальное, политическое, социально-экономическое и культурное развитие.

Сохраняющиеся традиции ручных мотыжных земледельцев несут в себе богатый рациональный опыт и конкретные знания, поэтому их элементы до сих пор имеют широкое распространение, а их изучение представляет немалый научный и практический интерес.

**ДРЕВНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ
СРЕДНЕГО ПОДНЕСТРОВЬЯ
в IV—III тыс. до н. э.**

**(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЯ
ПОЛИВАНОВ ЯР)**

Важнейшим достижением советской археологической науки в послевоенный период явилось открытие на территории СССР ряда многослойных поселений трипольской культуры [13; 88, 56—68; 103, 91—100; 155; 156]. К числу опорных и ключевых памятников трипольских племен относится поселение Поливанов Яр, результаты изучения материалов которого составляют основу настоящей работы. Оно расположено у с. Молодово Кельменецкого района Черновицкой области УССР. Поселение было открыто Т. С. Пассек в 1948 г. [114] и исследовалось Трипольской экспедицией в 1949—1951 гг.

Раскопками установлено стратиграфическое залегание трех разновременных культурных горизонтов трипольского периода. Самый древний, нижний, горизонт (Поливанов Яр III) Т. С. Пассек датировала этапом VI своей периодизации. Средний слой (Поливанов Яр II) отнесла к Триполю VII, а верхний (Поливанов Яр I) — к позднему периоду Триполя — γI [115—119; 122, 105—139]. Проведенное в дальнейшем, по предложению Пассек, всестороннее изучение богатейших материалов памятника показало, что Поливанов Яр занимает особое место среди поселений Юго-Восточной Европы. Его нижний горизонт отражает малоизученный вариант этапа VI — переходную фазу от Триполя A к этапу VI (Поливанов Яр III₁) и собственно этап Триполя VI (Поливанов Яр III₂). Средний горизонт (Поливанов Яр II) относится к периоду Триполя VI—VII, впервые установленному для трипольских поселений Т. Г. Мовша [103, 100], что соответствует фазе Кукутень A—B, согласно периодизации румынских специалистов [335, 11—114; 337, 290; 338, 442; 480, 7—22; 679]. Верхний горизонт датируется началом этапа γI (Поливанов Яр I). Кроме того, среди материалов Поливанова Яра впервые был обнаружен

небольшой керамический комплекс, относящийся к этапу γ II и свидетельствующий о том, что поселение было обитаемо и в более позднее время, чем считалось до сих пор. Таким образом, помимо трех поселений, обнаруженных в процессе раскопок Пассек, в Поливановом Яру удалось выделить еще два, что дает возможность говорить о пяти поселках трипольского времени, просуществовавших с некоторыми перерывами с конца первой половины IV тыс. до середины III тыс. до н.э. [127, 42—44; 128, 69—70; 129].

О характере хозяйства населения поселков помогает судить учет природных условий, та среда, с которой непосредственно была связана вся хозяйственная деятельность человека и от которой главным образом зависело направление и состояние древней экономики.

Исследования палеогеографов, палеоботаников и почвоведов показали, что территория современной лесостепи в среднем голоцене, т. е. в то время, когда существовали трипольские племена, была сплошь облесена и входила в зону широколиственных лесов. По данным М. И. Нейштадта [109, 110], она охватывала зону дубовых лесов, современных лугов и часть подзоны разнотравно-типчаково-ковыльных степей.

Как считают специалисты, основной видовой состав растительности лесов и лугов мало изменился с тех пор. Современные виды растений произрастали здесь и в период культуры Триполья. Ландшафтно-климатический облик Северного Причерноморья был таким, как в настоящее время, но районы лесостепи были более облесенными, чем сейчас [163, 83].

Физико-географические условия Среднего Днестра в Черновицкой области, там, где находится поселение, а также в прилегающих к ней районах достаточно хорошо охарактеризованы в работах С. Н. Бибикова [20, 12] и Т. С. Пассек [122, 20].

Заслуживает внимания удачное местоположение поселения, выгодное топографически, — на мысу огромного оврага, в стороне от Днестра. Данные раскопок свидетельствуют о том, что поселение было окружено лесами. Анализ углей, взятых из жилищ, по определению Г. В. Козий, показал, что в прошлом здесь произрастали такие лиственные породы, как граб, дуб, ясень, клен, вяз. Характер остеологических остатков позволяет сказать, что в лесах, примыкающих к Днестру, водилось много диких животных (благородный олень, косуля, кабан, лось, медведь, волк, лисица, заяц, лесная куница) и различных птиц [122, 20].

Богатый растительный покров, расположение поселка на довольно ровной площадке, плодородные лёссово-черноземные почвы определили развитие основных отраслей производящего хозяйства — земледелия и скотоводства.

Переходя к анализу состояния земледелия каждого из поселков Поливанова Яра, следует отметить, что при изучении материалов были учтены, естественно, данные, которые имеются у Т. С. Пассек,

а главное — в результате применения методов, впервые опробованных при исследовании находок из Поливанова Яра, получены совершенно новые факты для характеристики земледелия [129]. Прежде всего Г. Ф. Коробковой было проведено исследование многих орудий труда из кремня, кости и рога трасологическим методом. Ценным вкладом в науку следует считать результаты анализов видового состава злаковых культур, определенных З. В. Янушевич по отпечаткам их зерен на керамике, статуэтках и обмозке жилищ [129, 4, 16—18].

Напомним, что на основании многих данных материалы нижнего культурного горизонта памятника были подразделены нами на два строительных периода — поселки Поливанов Яр III₁ и III₂. К первому относится хозяйственно-бытовой инвентарь, происходящий из глинобитного жилища наземного типа (№ 4). Второй поселок характеризуют материалы трех построек полуземляночного типа (№ 4а, 5, 13). Однако в данном случае в качестве комплекса целесообразнее рассматривать факты, относящиеся к земледелию не каждого поселка в отдельности, а обоих вместе, так как они, очевидно, функционировали последовательно, ибо хронологического разрыва практически не наблюдается [129, 5].

О занятии земледелием жителей древнейших поселков можно судить на основании многих материалов. Земледельческие орудия, отражая техническую оснащенность данной отрасли хозяйства, представлены различными типами, каждый из которых связан с определенной сельскохозяйственной операцией. Прежде всего следует назвать мотыги (8 экз.). Они предназначались для вскапывания земли, т. е. для начального этапа обработки почвы — подготовки ее к посеву.

Все орудия, за исключением одного, изготовлены из рога оленя или лося (отростки, стержневые части). По очертаниям, форме лезвия и его расположению по отношению к рукоятке различаются роговые мотыги двух типов: с рабочим лезвием конусовидной формы и с диагонально расположенным лезвием, заостренным с помощью широкого косого скола. В обоих случаях лезвия мотыг имеют следы заполировки, образовавшиеся в процессе работы, а также заглаженность на значительной части поверхности. У некоторых мотыг есть просверленные отверстия круглой или овальной формы для рукоятки (ширина отверстий 1—2 см). Целые экземпляры принадлежат к орудиям в основном небольших размеров. Длина их 11—14 см, но отдельные мотыги достигают 23—25 см.

Единственным экземпляром представлена мотыга, сделанная из сланца. Она трапециевидной формы, с обработанными шлифовкой плоскостями. Рабочий край орудия (нижнее основание) имеет тесловидное лезвие, которое значительно повреждено от употребления. Длина мотыги 7.5 см, ширина от 5 до 6 см, толщина до 2 см. Орудие, по всей вероятности, вставлялось в муфту и было снабжено коленчатой рукояткой. Муфты мотыг и тесел известны

на ряде поселений трипольской культуры. Обычно они изготовлены из трубчатых костей или из рога [156, 77].

Наряду с мотыгами при земледельческих работах в качестве землекопалок использовались рога оленя, лося, косули (7 экз.). Их отличают конусовидный рабочий край и следы употребления (сработанность, заполировка). К орудиям, применявшимся для уборки урожая, срезания злаковых растений, принадлежат составные серпы с кремневыми вкладышами. Последние изготовлены из узких, правильной призматической формы пластин.

Отличительная черта жатвенных инструментов — характерная заполировка рабочего края, наблюдаемая на определенных участках пластин. По расположению лезвия различаются вкладыши серпов двух типов: с одним рабочим лезвием и с двумя. Первый тип, основной и преобладающий, по оформлению самих вкладышей объединяет два вида. У вкладышей серпов первого вида (их большинство) лезвие оформлено мелкой заостряющей ретушью по одной боковой грани — правой. Ретушь нанесена со стороны спинки. Резкие следы заполировки от работы прослеживаются с обеих сторон (со спинки и брюшка) и идут обычно наискось. У вкладышей серпов второго вида, в отличие от первого, следы заполировки прослеживаются не в правом нижнем углу пластины, а в левом верхнем (со спинки). Кроме того, все орудия второго вида обработаны поперечной подретушевкой, формирующей рабочий угол, которая образует выпуклый или почти прямой край, что сближает их со скребками концевой типа. Примечательно, что многие вкладыши серпов второго вида имеют одинаковую ширину стандартного образца (1.8 см).

Любопытны вкладыши серпов второго типа. Они имеют два рабочих лезвия и относятся к жатвенным орудиям съемного типа, со вторичным использованием. Такие вкладыши употреблялись попеременно, т. е. дважды.

В связи с характеристикой жатвенных орудий уместно напомнить, что данные об орудиях, применявшихся при сборе урожая в эпоху Триполья, длительное время отсутствовали. Лишь с 50-х гг., после раскопок С. Н. Бибиковым уникального раннетрипольского памятника Луки-Врублевцевкой на Среднем Днестре, эта тема получила должное освещение [20, 87—89, табл. 9, 10]. В Луке-Врублевцевкой впервые была обнаружена большая серия кремневых призматических пластин с угловой заполировкой, которые были исследованы С. А. Семеновым трасологическим методом. Результаты микроанализа позволили ему отнести данную категорию пластин к типу жатвенных ножей, а также предложить реконструкцию жатвенного орудия [139, 151—154; 140, 355—368; 141, 142—150, рис. 53, 1—3]. Согласно его реконструкции, такие пластины вставлялись в оправу по одной. Реконструкция Семенова вызвала возражения Бибикова, принявшего реконструкцию Ф. Прошека, выполненную по материалам центральноевропейских памятников и находке в 1936 г. серпа в Кара-

ново (Болгария) [624, 86—87]. При реконструкции серпа Прошек пользовался пластинами небольших размеров, длиной 4—5 см, закрепленными под углом в один ряд в изогнутой оправе. Рабочее лезвие состояло из семи вкладышей.

Несколько позже (в 1956 г.) в Караново (слой I) был найден еще один роговой серп. Получившие большую известность два серпа из Караново, сделанные из оленьего рога и имеющие прорезанные пазы, в которые вмонтированы наклонные призматические пластины из кремня [38, 369—387, рис. 1—3; 102, 13, табл. V], подтвердили правильность реконструкции серпа, выполненной Ф. Прошеком. Учет имеющихся данных и новые материалы позволили в дальнейшем С. Н. Бибикову реконструировать серп из Луки-Врублевцевкой [21, рис. 3].

Интересные данные получены в результате экспериментов по изучению жатвенных орудий труда древних земледельцев, проведенных недавно Г. Ф. Коробковой. Прimitивным способом было изготовлено пять типов кремневых серпов (раннеджейтунский, позднеджейтунский, однопластинчатый с косой насадкой, трипольский карановского типа, ближневосточный с изогнутой рукояткой). Карановский (трипольский) серп состоял из мелких зубчатых вкладышей, вставленных под косым углом в дугообразную оправу. На его изготовление потребовалось почти в три раза больше времени, чем на среднеазиатские серпы. Однако в ходе работы было установлено, что этот серп более эффективен [66, 350—351]. Он чаще применялся при уборке урожая. Анализ следов сработанности лезвия вкладышей серпов Поливанова Яра (III₁ и III₂) позволяет дать реконструкцию жатвенных орудий земледельцев древних поселков.

Какие же злаковые культурные растения произрастали на землях поселения, уборку которых производили с помощью жатвенных орудий? Как говорилось выше, в результате анализов палеоботанических материалов, проведенных З. В. Янушевич, были получены ценные данные видового состава злаковых культур [164], свидетельствующие о возделывании в рассматриваемое время двух видов пшеницы: однозернянки (отпечатки колосков на керамике) и двузернянки (отпечатки зерновок и чешуй на керамике). Предположительно можно говорить о наличии еще одного вида пленчатых пшениц — спелты (отпечаток крупной зерновки), которая генетически связана с двузернянкой. Преобладающим видом была двузернянка (полба). У нее колос распадается на отдельные колоски, а зерновки заключены в плотные пленки. Кроме того, в поселках Поливанов Яр III₁ и III₂ обнаружено очень мало карликовой (голозерной) пшеницы. Аналогичная картина наблюдается на многих трипольских поселениях, где карликовая пшеница не является массовой, хотя и имеется среди находок. Как отмечает Янушевич, пшеница этого вида не была самостоятельной, а служила спутницей полб [164, 89].

В ранних поселках был распространен ячмень пленчатый (отпечатки зерновок на керамике) и голозерный (отпечатки

зерновок и колосков на обматке). Среди голозерных ячменей, которые преобладали, очевидно, имелись, как предполагает З. В. Янушевич, различные формы: плотноколосые, карликовые и обычные. Отпечатки колосков ячменя говорят о том, что он был многорядным. Это относится и к пленчатым, и к голозерным формам. По мнению специалистов, преобладание голозерного ячменя над пленчатым можно объяснить рядом причин. Так, голозерный ячмень легко вымолачивается, более вынослив, превосходит пленчатый и по своим вкусовым качествам [164, 107].

Важно, что из имеющихся злаковых культур два вида пленчатых пшениц (однозернянка и двузернянка) обладают положительными качествами. Они выносливы, неприхотливы, их не клуют птицы. Уборку таких пшениц производят без серпов, обламыванием колосьев; применялись, очевидно, какие-то другие приспособления (ножи, деревянные палки). Другой найденный сорт пшеницы — карликовая скороспелая, — как и полба (двузернянка), засухоустойчив, дает прочную солому, которая могла служить прекрасным строительным материалом. Карликовую пшеницу и ячмень убирают серпами.

В жилищах найдены орудия, позволяющие представить способы переработки зерна. Собранные колосья прежде всего молотили. Отсутствие материалов не позволяет осветить способы обмолота зерновых, существовавшие у трипольцев Поливанова Яра. Ввиду того что часть злаковых относится к пленчатым видам, очевидно, пользовались кремневыми конкрециями шаровидно-уплощенной формы, достаточное количество которых найдено в постройках обоих поселков. Молотьба в этом случае производилась, видимо, на специальных участках, может быть около домов. Мололи зерно на каменных (в основном песчаниковых) ручных зернотерках, которые сохранились, хотя и не целиком, в составе производственного инвентаря каждого жилого комплекса. Так, в жилище № 1 было обнаружено свыше 20 каменных зернотерок [117, 54]. Зернотерки характеризуются небольшой рабочей площадью, что, впрочем, наблюдается на большинстве памятников ранних этапов Триполья.

Хранилось зерно в глиняных грушевидных сосудах с узким устьем, обычно покрытым крышкой, изготовленной также из глины. В большом по площади жилище № 1 было обнаружено семь зерновиков крупных размеров (высота от 80 см до 1 м). Они располагались недалеко от печи.

Итак, в период существования первых поселений Поливанова Яра (III₁ и III₂), как показывает состав материалов, связанных с сельскохозяйственным комплексом, основным землекопным орудием были мотыги, главным образом роговые. Они представлены тремя типами. На основании опытов, проведенных в последние годы [147, 37—38], можно сказать, что жители древних поселков для вскапывания земли применяли мотыги с тесловидным и конусовидным рабочим краем. Орудия с диагональным расположением лезвия

использовались после вскапывания — для разрыхления почвы. Представленные в комплексе землекопалки из рога также применялись в земледельческом хозяйстве, но в отличие от мотыг — лишь для огородных работ. Урожай убирали при помощи довольно высокопроизводительных составных серпов с изогнутой рукояткой карановского типа. С земледелием связаны и другие орудия, встречаемые в хозяйственном инвентаре поселений (каменные зернотерки, песты, растиральники). Данные видового состава злаковых культур указывают на существование у населения двух видов пшеницы (однозернянки и двузернянки) и ячменя.

Относительная датировка первого поселка — Поливанова Яра III₁ — середина IV тыс. до н. э., второго — Поливанова Яра III₂ — вторая половина IV тыс. до н. э. [129, 5—8]. Абсолютной датой первого поселка служит радиоуглеродная дата, имеющаяся для нижнего, древнего, слоя Поливанова Яра. По данным Гронингенской лаборатории (Голландия), это 5440 ± 70 —3490 лет до н. э. [749, 71]. Дата второго поселка более поздняя. Указанный комплекс схож с материалом поселения Хэбэшэнь (Румыния) [129, 79], которое датируется, по ¹⁴C, 5330 ± 80 —3380 лет до н. э. [748].

Дальнейшее развитие земледельческого хозяйства характеризуют материалы третьего поселка — Поливанова Яра II, относящегося к периоду расцвета культуры трипольских племен. С данным поселком связаны четыре жилища полужемляночного типа (№ 2, 4—5, 10—11, 14).

Земледельческие орудия Поливанова Яра II, предназначавшиеся для обработки земли перед посевом, происходят из трех построек и представлены, как и раньше, мотыгами и землекопалками. Среди инвентаря, применявшегося при обработке почвы, имеются мотыги двух типов, изготовленные из рога: с конусовидным и диагональным расположением лезвия (1 экз.). Очевидно, мотыги были больших размеров — длина их во фрагментированном состоянии 17—18 см.

Вместе с тем в рассматриваемый период появляется новый вид мотыг, из кремня, неизвестный в ранних поселках Поливанова Яра. Орудия (2 экз.) изготовлены из полупрозрачного кремня серовато-бурого цвета и своей клиновидной формой напоминают тесла. Мотыги имеют прямоугольные очертания, слегка расширяющиеся к лезвию широкие грани. Поперечное сечение прямоугольное. Обе широкие грани тщательно отделаны крупной плоской ретушью. Некоторые участки поверхности сохранили шлифовку, особенно в рукояточной части. Асимметричное лезвие пришлифовано. Длина мотыг 13 и 13.5 см; обе относятся к типу орудий с тесловидным лезвием.

Помимо мотыг в земледельческих работах применялись землекопалки, изготовленные из рога оленя (6 экз.). По типу рабочего лезвия они принадлежат к орудиям конусовидной формы. Длина их 12—13 см.

Земледельческие орудия, связанные с уборкой урожая (серпы), представлены двумя типами. К первому относятся составные серпы с кремневыми вкладышами, характерными для ранних поселений Поливанова Яра (III₁ и III₂). Найдены оба вида вкладышей серпов: с поперечной подретушевкой и без нее. Длина их 4—6 см, ширина 2—2,7 см, толщина от 3 до 5 см. Жатвенные орудия второго типа включают два новых вида вкладышей серпов, впервые появляющихся в период существования поселка Поливанов Яр II. По сравнению с ранее известным первым типом орудий они передают иную технику оформления рабочего лезвия вкладышей. К первому виду второго типа принадлежат вкладыши, изготовленные из кремневых пластин призматической формы и обработанные зубчатой ретушью высокого качества по одному или двум рабочим краям (5 экз.). Длина таких вкладышей 7—8 мм. Другой вид второго типа жатвенных инструментов представлен двумя вкладышами. Они изготовлены из длинных узких пластин и имеют два рабочих лезвия, которые со стороны спинки тщательно отделаны струйчатой ретушью [122, рис. 34, 1, 2]. Достаточная длина (9—10 см) и характер расположения заполировки позволяют предположить, что вкладыши серпов второго вида применялись в оправе по одному. Примером такого положения вкладыша в оправе могут служить оправа серпа и обломок крупного кремневого вкладыша, найденные на трипольском поселении у с. Гребени в Поднепровье, открытом С. Н. Бибиковым. Эти находки позволили исследователю реконструировать серп периода развитого Триполья [21, рис. 4, 5]. Как он отмечает, этому времени свойственны угасание в кремневой технике приемов использования мелких призматических пластинок и переход к употреблению крупных ножевидных пластин, что наблюдается и в данном случае на материалах Поливанова Яра II. Такие пластины применяются в качестве вкладышей не составных серпов, а цельных, подобных гребневскому.

В рассматриваемый период отмечены некоторые изменения в составе злаковых культур. Среди них по-прежнему есть пшеница однозернянка и двузернянка, ячмень голозерный. Новый вид представлен просом обычным (отпечатки зерновок на керамике). Это нетребовательная, скороспелая злаковая культура [164, 152]. Однако по сравнению с пшеницей и ячменем она не получила значительного распространения в энеолите.

Для помола зерна применялись каменные зернотерки, найденные в жилищах № 2, 10—11. Как и раньше, зерно хранилось в глиняных сосудах с крышками.

Итак, комплекс земледельческих орудий Поливанова Яра II по сравнению с инвентарем древних поселков представлен несколько другим набором инструментов. Мотыги изготовлены не только из рога. В этой связи особо следует отметить, что мотыги из кремня были выявлены в результате анализа, проведенного Г. Ф. Коробковой под бинокулярным микроскопом. До экспери-

ментов все орудия из кремня, внешне напоминающие топоры и тесла, считались рубящими инструментами. Не случайно, например, одна из мотыг Поливанова Яра II была опубликована как топор [117, 60, рис. 22, 1]. В настоящее время благодаря работам Коробковой кремневые мотыги выявлены и на других трипольских поселениях [40, 387; 65, 389].

В этот период особенно прогрессируют жатвенные орудия. Для земледельческого хозяйства поселка характерны три вида вкладышей серпов: карановский (трипольский), известный в ранних поселках, зубчатый и принадлежащий цельным серпам.

Отмечая прогрессивные черты в технике изготовления кремневых орудий, следует подчеркнуть, что новшества стали возможны благодаря развитию кремнеобрабатывающего производства, которое в период существования Поливанова Яра II достигает достаточно высокого уровня. В целом должно быть отмечено увеличение разнообразия орудий, связанных с земледелием, а не увеличение их количества.

В заключение отметим, что время существования третьего поселка — период Триполья VI—VII (Кукутень А—В). Относительная датировка поселения Поливанов Яр II — последняя четверть IV тыс. до н. э. [129, 9—12].

В комплексах жилищ (№ 2, 3—4) поселения позднетрипольской поры — Поливанова Яра I — также обнаружены материалы, характеризующие хозяйство населения и позволяющие судить о занятии земледелием. В этот период, как и в предшествующее время (Поливанов Яр II), для обработки земли применялись мотыги, изготовленные из рога оленя и кремня. Роговые мотыги (2 экз.) в верхней, обушковой, части имеют небольшие (диаметр 1—1.2 см) отверстия эллипсоидной формы для рукоятки. Лезвие орудий стесано, что придает рабочему краю уплощенно-тесловидную форму. Кремневые мотыги (3 экз.) типологически близки топорам и теслам. Поверхность орудий (широкие и узкие грани) обработана мелкими сколами и тщательно отшлифована. Особенно хорошо обработано абразивной техникой асимметричное лезвие, прямое или слегка закругленное. Длина орудий 9—12 см. Жатвенные орудия представлены вкладышами серпов двух видов: зубчатыми (3 экз.) и принадлежащими цельным серпам (5 экз.), изготовленными из крупных удлиненных пластин, с рабочим лезвием, обработанным струйчатой ретушью. Длина вкладышей 8—9 см, ширина 1.5—1.8 см, толщина 0.4—0.5 см. Большим числом представлены орудия, применявшиеся при помоле зерна. Особенно выделяются нижние камни зернотерок, которые имеют более крупный размер и, следовательно, большую рабочую площадь.

Видовой состав злаковых культур передает уже известные виды растений (пшеница однозернянка, полба, ячмень, просо).

Ориентировочно время существования поселка Поливанов Яр I может быть определено датой, имеющейся для румынского памятника. По ^{14}C , поселение Валя-Лупулуй датируется

2750±60 лет до н. э. Учитывая, что Поливанов Яр I несколько древнее, его можно отнести к началу III тыс. до н. э. [129, 15].

Анализ данных, связанных с земледелием, позволяет сказать следующее. Хозяйственный инвентарь всех поселков Поливанова Яра включает набор орудий, указывающий, что возделывание земли (вскапывание) на всем протяжении существования поселений (от ранних до поздних) производилось с помощью мотыг. Преобладающим типом последних в древних поселках (Поливанов Яр III₁ и III₂) были роговые, количество которых затем сокращается, и наряду с ними (Поливанов Яр II) появляются мотыги из кремня, продолжающие сосуществовать с первыми и в поселке позднего периода (Поливанов Яр I). В более ранних комплексах в основном представлены мотыги с конусовидным и диагональным расположением лезвия и меньше — с тесловидным рабочим краем. В более поздних комплексах, наоборот, увеличивается число орудий с тесловидным лезвием за счет появления кремневых мотыг. Помимо мотыг как основных землеобрабатывающих орудий в каждом поселении имеются роговые землекопалки, служившие для мелких работ огородного типа (вскапывание почвы, разрыхление). В качестве одной общей черты, характерной для земледельческих комплексов Поливанова Яра II и I, следует отметить тенденцию к сокращению числа землекопных орудий (мотыг, землекопалок).

Большой научный интерес представляют жатвенные орудия Поливанова Яра, позволяющие увидеть эволюционное развитие этого типа земледельческих инструментов. Если для ранних поселков характерны составные серпы, имеющие вкладыши-пластины размером 4.6—6×1.5—1.8×0.2—0.5 см, то в период существования третьего поселка появляется, кроме того, новый вид жатвенных орудий: зубчатые вкладыши, имеющие большие размеры (длина пластин 7—8 см), и вкладыши цельных серпов (длина пластин до 10 см). Изменения, вызванные развитием технических приемов, прежде всего облегчают работу по изготовлению орудий и, во-вторых, увеличивают производительность самого серпа. Вкладыши из Поливанова Яра наглядно демонстрируют трансформацию серпов составного типа в серпы с пластинчатым вкладышем (цельные серпы). Материалы по земледелию Поливанова Яра II точно фиксируют время появления мотыг из кремня, зубчатых вкладышей и цельных серпов.

Как свидетельствуют материалы, тип земледелия (мотыжный способ обработки земли) остается неизменным, а прогрессивность ведения земледельческого хозяйства сказывается в улучшении технической оснащенности орудий, которые становятся более производительными. Но, как отмечалось, в период существования Поливанова Яра II, а затем Поливанова Яра I появляются признаки, позволяющие говорить о качественных изменениях в экономике населения поселков. Для этого периода допустимо пред-

положить наличие пашенного земледелия с применением тягловой силы крупного рогатого скота.

К чертам, характеризующим пашенное земледелие [68, 41], относятся увеличение ассортимента выращивавшихся культурных злаков, что позволяет предположить расширение посевных площадей, и увеличение урожайности. Появляются более производительные орудия уборки урожая: вкладыши серпов с зубчатым лезвием и цельные. Переработка зерна (помол) осуществлялась на зернотерках, рабочая площадь которых увеличилась.

Говоря о земледелии Поливанова Яра, следует отметить небольшую площадь мыса, которую занимали древние поселки. Она равнялась 450×150 м (или 67500 м²), т. е. 6.75 га. Здесь же, на мысу, были расположены дома и хозяйственные постройки, ночевал скот, поэтому практически нигде было возделывать землю под посев, хотя, судя по остаткам жилищ, можно говорить о небольшом числе жителей поселков. В связи с тем что раскопано по нескольку жилищ каждого периода, трудно определить необходимое количество зерна и семенного запаса, воспользовавшись расчетами, которые предлагает С. Н. Бибиков [22, 48—62]. Тем более что эти данные относятся к трипольским поселкам с большим числом жителей. Поливанов Яр в этом отношении принадлежит к поселению средних размеров, очевидно, с немногочисленным населением.

Обращает на себя внимание цикличность заселения территории поселка, скорее всего связанная с хозяйственной цикличностью, характерной, кстати, для большинства многослойных трипольских поселений. Ясно, что здесь мы имеем дело с системой земледелия, принципиально отличной от земледелия, оставившего многометровые толщи непрерывных наслоений теллей Болгарии или тепе Средней Азии и Южного Кавказа.

Идеологическое оформление явления цикличности мы наблюдаем в ряде ритуальных обрядов, связанных с земледельческими магическими культами [20, 175, 253—257].

Что касается системы трипольского земледелия, то, по мнению специалистов, изучавших не археологические данные, а экологию региона, занимаемого трипольскими племенами, а также топографические, климатические и почвенно-флористические факторы, оно было подсечно-огневым, переложным [20, 176—177; 112, 35; 145].

В этой связи отметим, что учет многих данных (близость леса, флора, почва) [122, 138—139] по Поливанову Яру позволяет сказать, что здесь практиковалась, очевидно, подсечно-огневая система (использование части земли) в сочетании с перелогом, когда земля отдыхала. При полном истощении почвы люди переходили на другое место.

Чтобы полнее судить о роли земледелия и его удельном весе в экономике всех поселков Поливанова Яра, необходимо иметь в виду и состояние скотоводческого хозяйства.

К сожалению, опубликованные результаты определения остеологического материала из Поливанова Яра носят общий характер [122, 138]. Отсутствуют сведения о количестве как отдельных видов животных, так и их особей. Некоторые данные позволяют представить домашних животных, состав стада, в котором основное значение имели крупный рогатый скот — бык, корова (30—50%) — и свинья (20—25%), меньшее — мелкий рогатый скот — коза, овца. Незначительным числом находок представлены собака и лошадь (6 костей от одной особи) [118, 15].

Многие косвенные данные (орудия для обработки шкур, пряслица, гребень для расчесывания шерсти, зооморфные глиняные фигурки) свидетельствуют как о развитии скотоводства, так и о том, что эта отрасль хозяйства приобретает с течением времени большее, чем земледелие, значение в палеоэкономике жителей Поливанова Яра. Интересны результаты соотношения домашних и диких животных в разных поселках Поливанова Яра. Для древних поселков характерен больший процент диких животных, но во всех поселениях преобладают домашние [122, 138].

Крупные лесные массивы и луга позволяют говорить о достаточных угодьях, дававших корм скоту. Стойкость придомного скотоводства трипольцев подкреплялась его стойловой формой (использование заготовленных кормов) [22, 53—55; 147, 33—36].

Наряду с развитием земледелия и скотоводства на всем протяжении существования поселков большую роль в жизни населения играла охота, о чем свидетельствуют остеологический материал и значительное количество охотничьего оружия: наконечников стрел и дротиков из кремня.

Итак, анализ земледельческого хозяйства, проведенный по материалам Поливанова Яра, доказывает комплексный характер хозяйства всех поселков. В его основе лежали производство (земледелие и скотоводство) и добыча (охота) пищи. Можно говорить о двух вариантах экономики. В первых поселках (Поливанов Яр III₁ и III₂) представлен яркий, как земледельческий, так и скотоводческий, комплекс (земледельческо-скотоводческий тип). Земледелие и скотоводство имели равное значение, о чем свидетельствуют состав фаунистических остатков и значительный процент земледельческих орудий. Подсобную, но немалую роль играла охота. В период существования поздних поселков (Поливанов Яр II и I) господствует скотоводческо-земледельческий тип экономики. В хозяйстве Поливанова Яра II ведущая роль земледелия сохраняется, но уже заметно ощущается тенденция к увеличению роли скотоводческих элементов, что выражается в росте процента домашних животных и увеличении количества орудий, непосредственно связанных со скотоводством.

Материалы Поливанова Яра I позволяют ставить вопрос о том, что земледелие в этот период, несмотря на развитие и дальнейшее совершенствование земледельческих орудий, начавшиеся еще в предшествующее время, отступает на второе, после скотовод-

ства, место. Причем роль охоты повышается [129, 15—18]. В целом хозяйство Поливанова Яра отражает культурно-хозяйственный тип (или экологическо-хозяйственную группу) определенного коллектива [113, 3], свидетельствует о хозяйственной локальности.

Оценивая состояние экономики всех поселков Поливанова Яра, в том числе и земледельческого хозяйства, не следует забывать, что оно отражает и общие закономерности развития палеоэкономики трипольского общества, поскольку органически с ней связано. Для более полного представления о хозяйстве трипольцев целесообразно остановиться на истории исследования трипольской культуры. История трипольских племен юго-запада европейской части СССР охватывает значительный период: от позднего неолита до раннего бронзового века (IV—II тыс. до н. э.). Во время своего расцвета трипольские племена занимали довольно большую территорию в бассейнах Днестра, Южного Буга и Днепра.

Как справедливо отмечает С. Н. Бибиков, история трипольской культуры во многих своих частях остается еще проблемой и важность ее разработки очевидна. В значительной степени данное положение относится к кругу вопросов, связанных с анализом истории хозяйства трипольцев, характером и уровнем развития древней экономики. Вместе с тем нельзя не отметить, что, несмотря на отсутствие специальных исследований, посвященных палеоэкономике трипольского общества, в частности земледелию, за последние годы появилось достаточное число работ, в которых эта актуальная тема рассматривается с должным вниманием и, самое главное, получает качественно новое освещение. Нужно отметить работы Т. С. Пассек [122], Е. К. Черныш [156], В. С. Титова [148, 10—24; 149], В. Г. Збеновича [53], Г. Ф. Коробковой [66, 147], З. В. Янушевич [164]. В исследовании хозяйства трипольских племен особенно велики заслуги Бибикова [20—23].

Остановимся на аспектах основной проблемы, связанной с трипольским земледелием. Один из них относится к его происхождению и времени возникновения, что непосредственно касается выяснения истоков культуры Триполья. Не вдаваясь в подробности сложного вопроса ее происхождения, который до сих пор нельзя считать окончательно решенным и который давно, как справедливо отмечает С. Н. Бибиков, перерос в крупную историческую проблему, отметим, что в процессе изучения трипольской культуры было высказано немало мнений относительно ее происхождения. Так, Е. Ю. Кричевский [71, 72] и в свое время Т. С. Пассек [115, 80] рассматривали возникновение трипольской культуры как процесс автохтонного развития дотрипольских племен. Другие, например Г. Чайлд [291, 292], называли ее пришлой из областей Восточного Средиземноморья. После изучения материалов Луки-Врублевцевой Бибиков видит два компонента в сложении трипольской культуры: местный, охотничий, и пришлый, земледельческий, считая ее результатом ассимиляции местных

охотничьих племен пришлыми племенами южного ареала. По мнению Бибикова, такие элементы культуры, как земледелие и скотоводство, были привнесены на юго-восток Европы с юга [20, 276—288]. Однако, несмотря на различные точки зрения по поводу сложения культуры Триполья, считалось, что она является первой и самой ранней земледельческой культурой на территории юго-западного района СССР. Все это происходило от того, что длительное время не были известны памятники дотрипольского периода.

Событием большого научного значения явилось открытие в конце 50-х гг. на территории Южного Буга и Днестровско-Прутского междуречья поселений местной ранненеолитической культуры, а также памятников древнейшего варианта Триполья, связанного с придунайской группой (культура Боян). Речь идет прежде всего о поселениях буго-днестровской культуры, соответствующей по времени неолитической культуре балкано-дунайского круга — культуре Криш в Румынии [336, 579, 611, 747].

Материалы памятников Южного Буга (исследования В. Н. Даниленко) [43; 44, 23—24; 45, 46—147], Днестра и Прута (исследования В. И. Маркевича) [85—87, 89] позволяют судить о типах жилищ и поселках неолитических племен, о их материальной культуре. Экономика этих племен характеризуется большим удельным весом рыболовства и охоты, однако были обнаружены и свидетельства животноводства и земледелия. Основными домашними животными являлись два вида местной фауны — свинья и бык; мелкий рогатый скот отсутствовал. О зачатках земледелия говорят наконечники мотыг из рога, зернотерки, находки злаковых культур (ячмень, пшеница однозернянка).

Работами последних лет в бассейне Днестра также открыты памятники типа земледельческой культуры Боян (фаза Ларга-Жижи́я), известной прежде только по румынским материалам [295, 303]. Первостепенное значение в этой связи имеют комплексы двухслойного поселения Флорешты в Молдавии, обнаруженного в 1954 г. и изученного Т. С. Пассек [120—122]. Нижний горизонт его относится к культуре линейно-ленточной керамики. Материалы верхнего слоя характеризуют самую раннюю фазу Триполья на нашей территории (МАЭ, кол. № 6484). В Румынии им аналогичны памятники типа Прекукутени II (Извоаре I, Ларга-Жижи́я).

Указанные исследования показали, что трипольским племенам Северо-Западного Причерноморья предшествовали местные неолитические племена буго-днестровской культуры и пришлые поздне-бояновские племена, продвинувшиеся с юго-запада. Как те, так и другие были уже знакомы с земледелием и скотоводством. Для территории юго-запада европейской части СССР возникновение земледелия в качестве нового вида производственной деятельности человека относится, таким образом, к VI—V тыс. до н. э., а не к периоду существования трипольской культуры, как считалось прежде. Относительно происхождения земледелия надо иметь в виду, что процесс становления новых форм экономики

проходил хотя и на местной основе, но под большим влиянием со стороны довольно развитых оседлоземледельческих культур Балканского мира. И трипольские племена являются не ранними, а развитыми земледельцами. Само же земледелие, несмотря на его раннее появление в районе Днестровско-Прутского междуречья, было привнесенным, заимствованным. Большинство обнаруженных видов культурных растений связано с Переднеазиатским очагом земледелия, откуда проникли через Балканский полуостров.

Новые материалы, как видно, представляют чрезвычайно ценные данные для изучения характера неолитической революции и производящих форм хозяйства в неолитическое (дотрипольское) и трипольское время.

Другой аспект проблемы трипольского земледелия связан с установлением его типа. По вопросу о том, как подготавливалась почва под посев, какие орудия участвовали в ее возделывании, а в соответствии с этим, каким было земледелие трипольского общества — мотыжным или пашенным, в археологической литературе длительное время существовала единая точка зрения. Т. С. Пассек [115, 98—99] и Е. Ю. Кричевский [73, 250] считали, что земледелие у трипольских племен (при учете его примитивности) было несомненно мотыжным и носило огородный характер. В 50-х гг., после открытия С. Н. Бибиковым Луки-Врублевецкой, исследователь выдвигает совершенно новую гипотезу о типе земледелия трипольцев. Он полагает, что земледелие у трипольских племен не могло носить огородный характер, ибо основу его составляли злаковые культуры, требующие значительных площадей под посевы. «Под возделывание избирались свободные от леса участки или же очищались от леса путем подсека или даже внедрения огневого способа. Рыхление земли производилось при помощи мотыг, однако не исключены и возможные начальные приемы обработки полей тягловой силой крупного рогатого скота, влекущего примитивную соху» [20, 176, 281—282]. Очень интересное и перспективное положение Бибикова с накоплением новых материалов [22, 52] получило поддержку и признание многих исследователей, однако у некоторой части оно вызывает возражение.

Недавно Г. Ф. Коробковой было проведено трасологическое и экспериментальное изучение трипольских мотыг [147, 37—38], в результате которого сделан вывод, что основным землекопным орудием трипольцев являлись мотыги из рога и камня. Они пригодны для вскапывания почв разной структуры и для их рыхления.

Действительно, об основной роли мотыг из рога и камня при обработке посевных площадей древними земледельцами свидетельствуют не только эти опыты, но и другие данные. Вопросы уровня развития земледелия в трипольской культуре остаются все еще спорными. До сих пор нет прямых доказательств существования в это время пахотных орудий. Известные орудия из рога оленя, найденные В. И. Маркевичем на трипольском поселении раннего периода у с. Новые Русешты I в Молдавии [88, 66], только

внешне имеют вид сохи. На самом деле, как считает Г. Ф. Коробкова, они могли играть роль бороны. Линейные следы на концах орудий позволяют сказать, что они одновременно двигались в земле в одном направлении и на небольшой глубине (до 10 см).

В синхронных памятниках родственной Триполью культуры Гумельница (фаза В), на поселении Кэсчиоареле (Румыния), В. Думитреску отметил находку рогового изделия, которое реконструирует в качестве части упряжного пахотного орудия [339, 59—67, fig. 1, 2], имея в виду тип, называемый однорукоятным прямогрязильным ралом. Ю. А. Краснов, изучив группу аналогичных роговых орудий эпох неолита и бронзы, доказывает неправильность подобной догадки. Такие орудия на основании многих этнографических и археологических источников он интерпретирует в качестве ручных орудий для проведения борозд и бороздчатой обработки почвы [67, 42—47]. Тем не менее известно, что в отличие от Триполья у тех же земледельческих племен Гумельницы имелись упряжные волы [146, 18].

Современное состояние изученности данных по палеоэкономике трипольского общества позволяет сказать, что земледельческое хозяйство трипольцев является дальнейшим развитием производящих форм экономики, восходящих к эпохе раннего неолита. Освоение всех пригодных для земледелия плодородных земель отмечено на первых же этапах заселения территории Днестра и Южного Буга [147, 39—40]. Палеоботанические данные свидетельствуют о развитии земледелия в трипольское время и говорят о том, что оно было поликультурным. Кроме полевых растений возделывались огородные (горох, бобы) и плодовые (виноград, слива, абрикос) [163, 103]. Как доказано С. Н. Бибиковым, трипольское земледелие имело ярко выраженный экстенсивный характер [20, 281] на базе подсечно-переложных форм, что вынуждало часто переселяться, ибо почва истощалась, засорялась и теряла плодородие.

Заканчивая характеристику земледелия Поливанова Яра, отметим, что два обстоятельства определяют почти исключительное значение этого поселка древних земледельцев на днестровском побережье. Прежде всего Поливанов Яр — редчайший многослойный памятник с четкой вертикальной стратиграфией, обусловившей его ведущее положение при уточнении хронологической классификации трипольских материалов. С другой стороны, Поливанов Яр — поселение с богатым и разнообразным инвентарем. Естественно, что многие вопросы, связанные с земледелием, были известны и прежде. Несмотря на это, следует подчеркнуть, что исследование материалов Поливанова Яра дало возможность выявить много принципиально нового. Важно, что изучение проведено на основе типологии и данных относительной хронологии.

Введение в научный оборот материалов одного из опорных памятников Триполья должно способствовать дальнейшему изучению проблемы формирования древнейшего земледельческого очага в Северо-Западном Причерноморье.

У ИСТОКОВ ПРОИЗВОДЯЩЕЙ ЭКОНОМИКИ

Подобно любому переходному состоянию в истории общества, вообще любому переходу из одного состояния в другое, становление производящей экономики представляет особенно большой теоретический интерес и заслуживает внимательного изучения. Переход этот привел к последствиям революционного значения, с ним связаны величайшие сдвиги в истории человечества — образование классового общества, частной собственности и государства. Полное развитие указанных явлений возможно лишь на основе производящей экономики, появление которой и было их предпосылкой. Становление производящей экономики — это вместе с тем и превращение первобытной доземледельческой общины в раннеземледельческую.

Но и сама производящая экономика имела свои предпосылки, ее становление было длительным и сложным процессом. Заложенные в ней возможности реализуются далеко не сразу. Это была революция, растянувшаяся на тысячелетия, что вполне соответствовало темпам социально-экономического и культурного развития, свойственным данной эпохе. Развитие общества и культуры — кумулятивный процесс. Оно ускоряется и достигает грандиозных размеров и, наконец, переломом по мере накопления новых достижений, по мере перехода количества в новое качество. И напротив, чем ниже уровень этого развития, тем медленнее, как бы исподволь, совершаются в нем изменения.

Становление производящей экономики нередко называют вслед за Г. Чайлдом неолитической революцией. Но по сравнению с промышленной революцией XVIII — начала XIX в. или современной научно-технической революцией данный переворот имеет свои особенности — он начинается в хозяйстве. Это связано с одной из

наиболее характерных черт первобытного общества — влечением хозяйства в саму ткань общественной жизни. Хозяйство тесно связано в первобытном обществе с социальной организацией и идеологией. Это — одно из проявлений первобытного синкретизма, нерасчлененности основных функций, характерных для первобытного общества и первобытной культуры. На более высоких уровнях развития по мере все более глубокой дифференциации общественных, экономических, идеологических функций хозяйственная деятельность утрачивает свойственное ей ранее всеобъемлющее значение.

В основе неолитической революции находится переход от одного типа хозяйственной деятельности к другому — от присваивающего хозяйства к производящему. Формы хозяйственной деятельности не могут быть единственным критерием для выделения стадий эволюции первобытного общества, но им принадлежит все же важная роль. Это дает основание различать социально-экономические структуры на стадиях присваивающего и производящего хозяйства как структуры особого типа.

Неолитическая революция была подготовлена всем развитием обществ, основанных на присваивающих формах хозяйства. Последним свойственны многочисленные явления, которые можно рассматривать как предпосылки производящего хозяйства. Оставим в стороне предпосылки животноводства и формы перехода к нему: это особая тема, которой посвящена большая литература,¹ — и обратимся к предпосылкам земледелия как ведущей форме производящего хозяйства, с которой начался процесс преобразования живой природы [158] и самого человеческого общества. Впрочем, становление земледелия и животноводства нередко было тесно связанным процессом и совершалось внутри одних и тех же обществ.

Основными предпосылками земледелия обычно называют благоприятный геоботанический фон (прежде всего наличие растений, пригодных для культивации), достаточно высокий уровень развития собирательской техники и отсутствие неосвоенных территорий, препятствующее отливу избыточного населения, кризис присваивающего хозяйства [35, 12]. Все это верно. Но наряду с отмеченными факторами, мимо которых не может пройти исследователь такого сложного явления, как становление производящей экономики, нас будет интересовать главным образом проблема, на которую, несмотря на ее значение, обращалось сравнительно меньшее внимание, — социально-экономические предпосылки земледелия в охотничье-собирательской общине.

Преднамеренному выращиванию растений предшествовали регулярное собирательство урожая диких растений и различные формы усложненного собирательства. Эти явления не раз освещались в литературе. Так, о народах — собирателях урожая, хо-

¹ Одна из последних работ на эту тему: [158].

зяйство которых основано на планомерном собирательстве одного или нескольких видов диких растений, писал Ю. Липс [77, 103—108; 500]. Жатвенные поля собирателей урожая диких растений являются средоточием всей их жизни, и вокруг этих полей концентрируются их общины, что несвойственно типичным охотникам и собирателям. Да и сами общины собирателей урожая намного превосходят своими размерами общины типичных собирателей и охотников, а внутри общин собирателей урожая совершаются процессы, нехарактерные классическим охотничье-собирательским обществам. Структура их преобразуется и становится подобной структуре раннеземледельческих обществ. Подробнее об этом мы будем говорить ниже.

Ю. Липс рассматривал регулярный сбор урожая диких растений как промежуточную ступень между собирательством и земледелием, а собирателей урожая, которые жнут, не сея, труд которых так схож с деятельностью земледельцев, считал подготовленными социально-экономически и психологически к земледелию в неизмеримо большей степени, чем типичных собирателей. И с этим можно согласиться, если только мы условимся заранее, что речь идет о таких географических зонах, где произрастают растения, дающие регулярный, устойчивый, обильный урожай (вроде, например, дикого риса, собираемого индейцами области Великих озер). Но так было далеко не везде, где возникло или куда распространилось земледелие.

В свое время А. Н. Максимов убедительно показал, что такой народ, как австралийцы, которые являются классическим примером охотников и собирателей, находящихся на мезолитическом уровне развития культуры, очень близко подошел к производящему хозяйству [80]. Ему свойственны умение ухаживать за растениями, сбор урожая в определенные сезоны, разнообразные приемы обработки растений для приготовления пищи, включая обезвреживание ядовитых растений, вымачивание, провеивание, помол, замешивание теста, печение лепешек. Позднейшие исследования показали, что аборигены Австралии местами подошли даже ближе к земледелию, чем это представлялось Максиму. Об этом свидетельствуют, например, примитивные формы ирригации, сооружение оросительных плотин и искусственных водоемов, предотвращающих усыхание местности в засушливые сезоны, способствующих произрастанию полезных растений, привлекающих рыб, птиц и животных. Искусственные каналы достигали сотни и даже тысячи метров в длину и делались издревле, еще до колонизации. Это было сознательным, целенаправленным воздействием на природу, еще более впечатляющим, чем опыты с высаживанием ямса и других растений, засвидетельствованные в разных местах Австралии [269].

Но австралийцам не доставало главного — систематического, преднамеренного выращивания растений, начиная с обработки земли и посадки или посева. Эпизодические посадки дикорасту-

щих растений австралийцами, семапами, сеноями и некоторыми другими примитивными собирателями — лишь первые робкие шаги. Но это уже начало, один из истоков производящей экономики — человек стал культивировать растения уже в процессе собирательства. Более того, по мнению Ю. Ф. Новикова, быть может несколько преувеличенному, человек создал культурные растения еще в эпоху собирательства в итоге непреднамеренной селекции, или «докультурного отбора», по его терминологии [112].

Собирательство было более устойчивым источником пищи, чем охота, и в этом отношении, несмотря на более примитивные технические приемы и оснащение (это не относится к приемам обработки и приготовления продуктов собирательства, достаточно сложным и многообразным), оно было более перспективным видом хозяйственной деятельности, ведь вело к земледелию.

И все же австралийцы так и не сделали решающего шага, отделяющего земледельцев, даже самых примитивных, от охотников и собирателей, — не приступили к систематическому возделыванию почвы и культивации растений. И причина не в том, что в их распоряжении не было пригодных растений, как пишут иногда. Здесь произрастают те же клубнеплоды, которые издавна выращиваются на соседней Новой Гвинее, да и природные условия Северной Австралии очень близки к условиям на этом острове. К тому же между земледельцами Новой Гвинееи и Индонезии, с одной стороны, и аборигенами Северной Австралии — с другой, на протяжении столетий существовали регулярные контакты и австралийцы заимствовали ряд культурных достижений своих более развитых соседей. Но земледельцами они так и не стали. Причина в другом, и на этом мы еще остановимся.

Если усложненное собирательство австралийцев, связанное с переработкой растительных продуктов, является предпосылкой земледелия, известной на этнографическом уровне, то археологически то же самое показано А. Н. Рогачевым в применении к палеолиту Восточной Европы [135]. Собирательство, подобно охоте, развивалось и совершенствовалось на протяжении всего палеолита и занимало важное место как форма хозяйства и источник пищи.

Большое значение собирательства диких растений при традиционном для охотников и собирателей разделении труда, когда роль женщин была особенно велика в собирательстве и домашнем хозяйстве, вызвало в культуре позднепалеолитического населения Европы некоторые явления, знакомые ранним земледельцам, в обществе которых женщины играли такую же роль в земледелии. Для европейского позднего палеолита, как известно, характерны статуэтки женщин с подчеркнутыми вторичными признаками пола, иногда — в ритуальном танце, а для ранних земледельцев Восточной Европы, Передней и Средней Азии — статуэтки женских божеств, богинь-матерей, нередко таких же пышнотелых. Те и другие несомненно связаны с культами плодородия, возрождения растительности, животного мира и самого человеческого рода.

Возможно, что в основе этих культов находился близкий, родственный круг идей, сложившихся в одном случае на почве усложненного собирательства, в другом — раннего земледелия.

Технической основой усложненного собирательства была зернотерка. Другие предпосылки развития земледелия — появление мотыги (впервые в палеолите) и отшлифованных топоров, сделавших возможным подсечно-огневое земледелие. Палочно-мотыжная техника, один из самых ранних способов обработки земли, возникла еще в палеолите и была тесно связана с собирательством. Уже в мезолите, на стадии собирательства, существовали жатвенные ножи — предшественники серпов. Однако ни зернотерка, ни мотыга, ни отшлифованный топор, ни жатвенный нож сами по себе не совершили неолитической революции. Австралийцы обладали зернотеркой и отшлифованным топором в течение многих тысячелетий, и они были орудиями присваивающего хозяйства. Элементом последнего была у австралийцев и ирригация. Техника — лишь предпосылка, условие переворота, но не активный его двигатель. Активной силой являются, как всегда, сами люди, точнее — общество. А для того чтобы общество охотников и собирателей приступило к сознательным, активным поискам принципиально новых путей освоения экологической среды, оно должно испытать мощный толчок — либо в виде кризиса, резкого нарушения равновесия с этой средой вследствие резкого изменения природных условий (какое произошло, например, в постгляциальную эпоху на обширных пространствах земного шара), либо в итоге человеческой деятельности (например, истребления животных) и демографических сдвигов, либо в виде влияния извне, со стороны более развитых обществ. «Зачем нам выращивать растения, когда в мире так много орехов монгонго?» — ответили однажды бушмены на вопрос о причине отсутствия у них земледелия [491, 33]. К тому же, чтобы воспринять новое, общество должно быть подготовлено к этому, должно достичь известного уровня развития.

Если всего этого не происходит, то техника хорошо вписывается в традиционную общественно-экономическую систему, так и оставаясь на уровне предпосылки, что и случилось у австралийцев. Кризиса присваивающего хозяйства они не испытывали, других стимулов заимствовать земледелие у папуасов или индонезийцев у них не было. И в данном случае существует еще третий путь — медленный, постепенный процесс накопления явлений, ведущих к производящему хозяйству, и последнее может возникнуть как бы стихийно, независимо от воли людей, на каком-то этапе этого процесса, когда количественное накопление новых явлений превращается в новое качество. Таким новым качеством служат первые, еще неуверенные опыты производящего хозяйства. Австралийцы уже приступили к ним, были уже в пути. Дальнейшее естественное развитие данного процесса нарушила колонизация.

Названным путем прошли, вероятно, многие раннеземледельческие и раннескотоводческие общества. Это относится прежде всего к обществам, населяющим зоны с особенно благоприятными для культивации растений и domestikации животных условиями. Именно данные общества были пионерами производящего хозяйства. Н. И. Вавилов установил, что главные очаги мирового земледелия находились в горных тропических и субтропических зонах, где существовали максимально благоприятные условия для видообразовательного процесса и для жизни древнего человека. К таким зонам относится, например, Западная Азия, один из древнейших очагов производящего хозяйства. Для Западной Азии, в отличие от приледниковой Европы, значение экологических сдвигов было невелико. Напротив, последняя испытала кризис присваивающего хозяйства как следствие экологических потрясений, а возможно, и восприняла элементы производящего хозяйства из западноазиатского очага.

В. М. Массон предлагает три модели, или три основных направления, в которых протекала неолитическая революция. Первая модель характеризуется сложением земледельческо-скотоводческого хозяйства на базе высокоразвитой экономики охотников-собирателей, вторая — сложением земледельческой экономики на основе высокоспециализированного хозяйства собирателей в условиях кризиса охоты, вызванного палеоклиматическими сдвигами, третья — формированием земледельческой экономики в условиях большой роли рыболовства или морской охоты, обусловивших развитие оседлости [92, 111]. По первому пути, основанному на высокоразвитом присваивающем хозяйстве, на опыте, накопленном тысячелетиями и ведущем ко все большему овладению навыками культивации растений и domestikации животных, и прошли, вероятно, западноазиатские и многие иные общества. Второй путь был широко распространен в других областях земного шара. Третья модель имела сравнительно ограниченное распространение. Специализированное хозяйство рыболовов и морских охотников, как правило, удовлетворяет потребности общества в регулярном, устойчивом поступлении продуктов питания. Если же такое общество переходит к интенсивному производящему хозяйству, это связано обычно с кризисом присваивающего хозяйства, и тогда мы имеем дело по существу со второй моделью. Но это может быть и постепенным становлением производящего хозяйства на основе развитого присваивающего хозяйства, т. е. развитием по первому пути, вариантом первой модели. Оседлость не является необходимой предпосылкой производящего хозяйства, хотя и облегчает переход к нему. Наконец, следует иметь в виду тенденцию высокоразвитых культур к экспансии. Заимствование элементов производящего хозяйства присваивающими обществами осложняет пути неолитической революции.

Представление об охотниках и собирателях как о людях, влачащих жалкое существование чуть ли не под постоянной угро-

зой голодной смерти, глубоко укоренилось и в зарубежной, и в советской литературе. Однако оно требует пересмотра. Против него выступал еще один из первых исследователей Австралии, Дж. Грей, высмеявший подобные взгляды как «нелепые» и показавший, что дело обстоит совершенно иначе. На своей собственной земле абориген «точно знает, что она производит и в какое именно время года, он знает, какими способами обеспечить себя всем этим. Соответственно он распределяет свои посещения различных частей своей охотничьей территории; и я могу только засвидетельствовать, что в хижинах туземцев всегда царит изобилие» [385, 262]. За исключением двух сравнительно непродолжительных периодов года, самого жаркого и самого дождливого, когда аборигены действительно страдают от голода, в остальное время «они за два-три часа могут добыть достаточно пищи на целый день» [385, 263].

То, о чем пишет Дж. Грей, находится в полном согласии с сообщениями других исследователей XIX в. [316, 240; 352, 250—255]. Так же обстоит дело и в наше время в общинах австралийцев, ведущих традиционный образ жизни. Взрослые члены двух локальных групп, изученных в 1948 г. Ф. Маккарти и М. Макартур, трудились в среднем лишь 4—5 ч в день. И этого времени вполне хватало, чтобы обеспечить каждого члена группы достаточным количеством пищи, которая и по составу, и по калорийности отвечала стандартам, установленным Национальным исследовательским советом США [515, 145—194].

По данным Р. Ли, изучавшего в 1964 г. бушменов кунг, для того чтобы обеспечить достаточным количеством пищи всех членов группы, каждому взрослому достаточно было трудиться 2.5 дня в неделю, считая рабочий день, равным 6 ч, что составляет 2ч 9 мин. в день. Здесь не учтено время, затрачиваемое на приготовление пищи и изготовление орудий, и если прибавить и его к затраченному на добывание пищи, то полученная цифра будет близка к установленной Ф. Маккарти и М. Макартур. Наблюдения велись в июле и августе, т. е. в такое время года, которое является переходным от более благоприятных условий к менее благоприятным, следовательно, достаточно репрезентативным. Подсчеты показывают, что труд одного человека в охоте и собирательстве может обеспечить пищей 4—5 человек, а работоспособная часть населения составляет у бушменов 61.3% [491, 492]. По словам Дж. Вудберна, охотники и собиратели хадза, живущие в Восточной Африке, затрачивают на добывание пищи в среднем не более 2 ч в день [775, 54]. Вот почему, по мнению М. Салинса, средств, имеющихся в распоряжении первобытного доземледельческого общества, вполне достаточно для удовлетворения его потребностей. А наши палеолитические предки жили в еще более благоприятных условиях [657, 1—39].

Действительность, конечно, гораздо сложнее и противоречивее, чем представляется М. Салинсу. Многие охотники и собиратели,

населяющие области с экстремальными экологическими условиями, страдают от периодических голодовок (это относится и к земледельцам). Условия, в которых жили палеолитические общества, также были различными, неоднородными в разных частях обитаемого мира и в разные эпохи, например в ледниковые и межледниковые периоды. Но для большинства охотников и собирателей нарисованная выше картина в основном справедлива. Мнение, что жизнь первобытного общества протекала в жестокой борьбе за существование, является преувеличением. А это означает, что развитие производительных сил в первобытном обществе и переход к производящему хозяйству объясняются не только противоречием между жизненно необходимыми потребностями людей и низким уровнем развития производительных сил, как часто полагают [126, 36], но и другими факторами. Среди них важное место занимает накопительный, кумулятивный процесс развития культуры.

Культура обладает способностью к развитию по своим внутренним закономерностям на основе уже накопленных ценностей. Культурные ценности создаются обществом, испытывающим потребность в них, но и сами потребности создаются культурой. Например, у бродячих охотников и собирателей нет потребности в долговременных жилищах, гончарных изделиях, больших запасах пищи и многом другом — все это только стесняло бы их, мешало им. Им свойствен известеный минимум потребностей, обусловленный их образом жизни. Потребности в вышеуказанных и многих других вещах появляются у них лишь после перехода к производящему хозяйству и прочной оседлости. Да и в самом этом переходе тоже не возникает необходимости, пока потребности общества удовлетворяются хозяйством присваивающего типа.

Охотники и собиратели дают нам многочисленные примеры постепенного накопления явлений, ведущих к производящему хозяйству, к переходу количества в новое качество, примеры сознательного, целенаправленного воздействия на природу. Факты, с которыми познакомили нас аборигены Австралии, очень характерны. Не менее любопытны в этом отношении тасманийцы — единственное общество, сохранившееся к началу европейской колонизации на уровне позднего палеолита. Даже австралийцы по своему развитию в целом стояли несколько выше их. Согласно многочисленным свидетельствам, тасманийцы и австралийцы сознательно выжигали на своих охотничьих угодьях старую траву, чтобы обеспечить для кенгуру, на которых они охотились, пастбища со свежей, зеленой травой. Причем они предусмотрительно старались сохранить группы деревьев или небольшие рощи, которые служили бы для животных укрытием. Все это вновь привлекало сюда стада кенгуру и способствовало увеличению их поголовья, а следовательно, в этом сказывалась сознательная забота охотников о поддержании главного источника мясной пищи на оптимальном уровне [58, 116—119]. Такое стихийное постижение

некоторых закономерностей природы, понимание связи причин и следствий, отдаленных друг от друга значительным промежутком времени, — замечательная черта, якобы несвойственная, как считают многие, первобытным охотникам. Р. Джонс даже называет это «земледелием с горячей головней» [437]. Деятельность эта, конечно, не была земледелием, скорее ее следовало бы назвать примитивным животноводством, но по своим последствиям, по воздействию на природу она в какой-то мере сравнима с земледелием. Стихийно создавалась новая, искусственная среда, дело воли и рук человека, — и это задолго до земледелия, с которым мы привыкли связывать появление антропогенного, «очеловеченного» ландшафта. Т. Митчелл, один из первых исследователей Австралии, пишет в своих записках: «Огонь, трава, кенгуру и люди — в Австралии все они зависят друг от друга, и если чего-либо одного недостает, остальное тоже не смогло бы существовать» [554, 306, 412—413]. Если это и преувеличение, все же данные слова указывают на существование в Австралии своего рода экологического равновесия, активным фактором которого является сам первобытный охотник. Будучи частью экосистемы, он в то же время выступает в ней силой, регулирующей в своих интересах взаимодействие остальных частей.

Однако вследствие активного и систематического воздействия человека на экосистему экологическое равновесие рано или поздно нарушается. Выжигание травы было причиной периодических пожаров, которые охватывали огромные площади. Экологический эффект этих пожаров очень велик. На обширных пространствах Тасмании сменилась растительность, влажные леса уступили место кустарникам и открытым саваннам, изменились характер почвы, климат. Огонь освободил от непроходимых лесов целые области (что было большим преимуществом для охотников-тасманийцев), растительный покров на значительных площадях был разрушен, усилилась эрозия. Все это говорит о том, что даже на таком раннем этапе общественно-экономического и культурного развития люди не только пассивно приспосабливаются к природной среде, но и активно воздействуют на нее, производя в ней далеко идущие по своим последствиям перемены, которые, конечно, еще не могут предвидеть. И делают они это не просто самим своим присутствием как часть экосистемы, но нередко совершенно сознательно. Огонь был наиболее эффективным орудием первобытного человека для воздействия на природу в его интересах, хотя он и не мог предвидеть все те отдаленные последствия, которые произойдут по вине его вмешательства в течение естественных процессов.

Каким бы путем не пришли люди в разных местах земного шара к земледелию (вследствие наличия благоприятных естественно-географических условий, кризиса присваивающего хозяйства или других причин), можно утверждать, что оно возникло на основе собирательства, достигшего высокой степени развития, нередко специализированного.

Оседлость часто рассматривается как одна из важных предпосылок перехода к производящему хозяйству. Действительно, оседлость — условие, способствующее его возникновению как в сфере земледелия, так и, быть может еще в большей степени, скотоводства. Но известны и полукочевые формы земледелия, где последнее само становится предпосылкой оседлости. Еще Н. И. Зиббер отметил, что «этот род первоначального бродячего земледелия одинаково удобно совмещается как с охотничьим и кочевым бытом, так и с зачатками оседлого» [54, 40]. Переход к производящему хозяйству и постепенное оседание общества — процессы, взаимосвязанные и взаимообусловленные. Оседлость в условиях присваивающего хозяйства, полная или периодическая, — явление, возможное лишь в особенно благоприятных условиях. Это относится, например, к оседлым рыболовам и охотникам Дальнего Востока и Северо-Западной Америки. В таких условиях, вероятно, обитали и позднепалеолитические охотники Европы. Но в условиях относительного изобилия пищи охотники, рыболовы и собиратели не испытывают потребности в переходе к производящему хозяйству. Приручение ими животных (собак, оленей, верблюдов) не определяет основного направления их хозяйства. Оно остается в целом хозяйством присваивающего типа, притом в ряде случаев высокопродуктивным. А продуктивное присваивающее хозяйство может на протяжении многих поколений воспроизводить себя, так и не делая решительного шага в сторону производящих форм хозяйственной деятельности. Это, вероятно, относится и к оседлым, и полуоседлым охотникам Европы эпохи позднего палеолита. Лишь резкие перемены в экологических условиях в мезолите привели к перестройке хозяйства и всего образа жизни теперь уже полукочевых охотников и собирателей, а в конечном счете к кризису охотничьего хозяйства. Это и обусловило в дальнейшем их переход к производящему хозяйству.

Этнография располагает обширными материалами, характеризующими общества, которые находятся как бы на рубеже присваивающего и производящего хозяйств. Они уже не вполне охотники, рыболовы и собиратели, но еще не совсем земледельцы. Немало таких обществ в Южной Америке. Племена, совершенно незнакомые с земледелием, здесь очень редки. В большинстве случаев мы находим у них рудиментарные формы земледелия, которые не вытесняют полностью присваивающих форм хозяйства, представленных в той или иной степени. Одно из таких племен — намбиквара (Бразилия). Некоторые его группы незнакомы со строительством постоянных жилищ и гончарством и кочуют небольшими коллективами, по 5—6 семей, а иногда одной малой семьей, иными словами — хозяйственными группами, подобно типичным собирателям и охотникам. В сухой и дождливый сезоны образ жизни этих групп различен. В зависимости от времени года в хозяйстве намбиквара основную роль играют либо собиратель-

ство и охота, либо земледелие. В течение пяти дождливых месяцев они живут оседло, локальными группами (или общинами) по берегам рек, и обрабатывают небольшие участки земли. В это время собирательство и охота имеют второстепенное значение. В сухой период они небольшими хозяйственными группами бродят по саванне, занимаясь исключительно собирательством и охотой. И как это свойственно многим другим охотникам, в обществе намбиквара мужчины занимают первенствующее положение и каждая группа имеет своего главу — хорошего охотника, а брак вирилокален [26; 499, 109—110]. В сущности намбиквара — полuosедлые охотники, для которых примитивное земледелие — временное занятие.

Примером общества со слабо развитым мотыжным земледелием при сохранении преобладающей роли охоты и собирательства являются и племена сирионо, живущие в лесах Восточной Боливии полукочевыми общинами, насчитывающими от 30 до 120 человек [416, 573].

Р. Л. Карнейро отметил, что индейцы Амазонки, земледелие у которых появилось за 1.5 тыс. лет до н. э., еще и до сих пор не перешли к нему полностью, и попытался объяснить различия в степени перехода к земледелию у отдельных племен. Так, например, индейцы амахауака получают около 50% средств существования от земледелия и около 40% от охоты; остальное дают рыболовство и собирательство. Выясняется, что в прошлом, до введения металлических орудий, затраты труда в охоте (в расчете на 1 млн калорий) были ненамного выше, чем в земледелии. Сами по себе преимущества земледелия здесь недостаточны, чтобы привести к его полному преобладанию. Основная масса белков поставляется охотой, которая несовместима с оседлой жизнью в деревнях. Перекочевка групп в поисках пищи все еще определяет образ жизни и амахауака, и сирионо. Племена, живущие вдоль больших рек, являются сравнительно оседлыми рыболовами, а оседлость благоприятствует развитию у них земледелия. Таковы, например, индейцы куикуру верховьев Шингу в Центральной Бразилии. 15% потребности куикуру в средствах существования удовлетворяется за счет рыболовства, не менее 80% — за счет земледелия (выращивание маниока). Если для амахауака характерны общины примерно в 15 человек, то число жителей в деревне куикуру составляет около 145 человек, т. е. почти в 10 раз больше [59, 273]. Подсечно-огневое земледелие Амазонки не является чисто оседлым типом хозяйства — это относится даже к рыболовам, таким как куикуру. И все же расселение вблизи крупных рек повышает роль рыболовства и земледелия, что в свою очередь способствует дальнейшему оседанию и концентрации населения, а расселение вдали от рек ведет к усилению роли охоты и собирательства и к атомизации общества. Здесь, как и повсюду в мире, переход к производящему хозяйству в значительной мере определялся экологическими факторами.

Основой хозяйства большинства индейцев Бразилии было подсечно-огневое земледелие в сочетании с рыболовством, охотой и собирательством. Многие индейцы лишь недавно начали осваивать земледелие. В конце XIX в. бакаири еще помнили, что их деды «ничего не знали о маисе и маниоке», а охотники-бороро относились к посевам соседей-земледельцев, как и к другим дарам природы: при любой возможности они вырывали корни молодого маниока, пекли на огне и ели [713]. В прошлом земледельцы расчищали лес с помощью каменных топоров, землю разбивали деревянными палицами, углубления в земле для посадки растений делали острыми палками. И орудия труда, и сама технология производства были заимствованы еще из периода собирательства. Каждые 6—8 лет общины переселялись на новое место, так как земля вблизи селений полностью истощалась. Роль присваивающих форм хозяйства была еще очень велика. И в земледелии, особенно при расчистке леса, и в рыбной ловле, и в охоте значительное место принадлежало коллективным формам труда, в которых принимали участие все мужчины общины [151, 8—11]. Разделение труда и формы совместного труда, роль мужских коллективов в производстве — все это сближало переходное (в экономическом смысле) общество индейцев Бразилии с типичными охотниками, рыболовами и собирателями. С этим, вероятно, связано преобладание у бразильских индейцев отцовскородовой организации. Земля принадлежала общинам, но участки, обрабатываемые малыми семьями, находились в распоряжении отдельных семей. Следует отметить, что и для других ранних земледельцев характерно более заметное, чем у охотников, место семьи в экономике. Однако потребление часто носило еще коллективный, общинный характер [151, 13—14]. Как и для многих народов с присваивающей экономикой, для индейцев Бразилии типичными являются наряду с локальными родовыми, видимо, также гетерогенные общины, т. е. общины, состоящие из представителей различных родов.

Примечательные процессы выявлены, в частности, у индейцев верховьев Шингу. Основным производящим и потребляющим коллективом была у них община, и формы совместного труда в земледелии, охоте и рыболовстве занимали здесь, как и у индейцев других районов Бразилии, значительное место. Но уже к концу XIX в., а может быть и значительно раньше, община подразделялась на домохозяйства, состоящие из 3—8 парных семей и играющие важную социально-экономическую роль. По мнению Л. А. Файнберга, выделение из общины домохозяйств — признак распада материнского рода [151, 90]. В действительности же состоящие из нескольких малых семей домохозяйства ранних земледельцев, у которых переход от присваивающего хозяйства к производящему еще не завершен, являются переходной формой от нестабильных хозяйственных групп охотников-собирателей к более стабильным родственно-трудовым объединениям земле-

дельцев. В функциях домохозяйств (одна из главных функций — совместная обработка земли) хорошо видно, как ведущая форма хозяйства — земледелие — определяет собой характер социально-экономической структуры. Домохозяйство становится основным производственным коллективом [151, 97], оно стремится подменить общину, встать на ее место. Этого не было и не могло быть в общине охотников-собирателей.

Вот почему Л. А. Файнберг ошибается, когда, опираясь на внешнее сходство в образе жизни, типе жилищ, обеспеченности средствами существования охотников позднего палеолита и мотыжных земледельцев, считает возможной реконструкцию охотничье-собираТЕЛЬСКИХ общин прошлого на основе данных по общинам мотыжных земледельцев [124, 76—77]. Между ними не только хронологический разрыв, но, что гораздо важнее, они принципиально, качественно различны по своей структуре. Файнбергу можно возразить словами А. М. Хазанова: «Переход к производящему хозяйству и связанное с ним развитие производительных сил вызвали качественные изменения в жизни тех обществ, которые этот переход совершили» [124, 88].

В Северной Америке самые первые шаги производящей экономики зафиксированы у тех групп индейцев (оджибве, ассинибойн), которые не только собирали урожай дикого риса (об этом говорилось выше), но и знали некоторые приемы его возделывания. Отдельные участки поля находились в собственности семей, их заселявших. Неудивительно, что у оджибве начали складываться отношения семейной собственности и на участки дикого риса [431]. Явление это характерно скорее для ранних земледельцев, но ведь мы имеем дело с обществом, вступающим в эпоху производящей экономики.

Первые шаги производящего хозяйства отмечены и у береговых селищ (северо-западное побережье Америки). Традиционное рыболовство в сочетании с собирательством дают им возможность жить относительно оседло, полгода в одном месте, а полгода в другом, на расстоянии двухдневного перехода. А это в свою очередь позволяет женщинам ухаживать за посадками картофеля, проникшего к ним недавно, без помех для привычного образа жизни [724].

Примером африканского общества, вынужденного силой внешних обстоятельств оставить бродячий образ жизни охотников-собираателей и приступить к неустойчивому земледелию, являются ики (Северная Уганда) [743]. Для некоторых групп банту в экваториальной Африке еще недавно было характерно экстенсивное полукочевое подсечно-огневое земледелие. За пределами истощенной земли рядом с новым полем сначала возводили временное селение, а со временем община полностью переселялась туда. Весь цикл продолжался почти 20 лет [104, 93].

Оседлые группы веддов — охотников и собирателей Шри Ланки — частично подошли к подсечно-огневому земледелию,

возможно, под воздействием своих более развитых соседей — сингалов. Начатки возделывания растений, посадки фруктовых деревьев, дикого ямса засвидетельствованы у охотников и собирателей п-ова Малакка — семангов, сакаев, сеноев [142, 15—16].

Хотя охота не является жизненно необходимым занятием для земледельцев — папуасов Новой Гвинеи и меланезийцев, она занимает все еще большое место в их жизни [258], а маори Новой Зеландии сочетали выращивание кумары с собирательством урожая корней дикорастущего папоротника [699].

Существуют и такие формы хозяйства, которые находятся как бы между охотой и животноводством. Так, в Индии некоторые группы ченчу, переняв у соседей домашних животных, живут главным образом за счет охоты и собирательства [369]. Мы не говорим уже об охотниках, у которых заимствованные или прирученные домашние животные (лошади, олени, верблюды) способствовали интенсификации самого охотничьего хозяйства — такие примеры хорошо известны в Северной и Южной Америке, Сибири, на севере Африки.

Все это — различные этапы процесса перехода от присваивающего хозяйства к производящему. Мы находимся то в начале процесса, то в середине или в самом конце его. Что же происходит при этом в социальной сфере, в структуре общества? К сожалению, данные, которыми мы располагаем, не очень обильны. Некоторые были приведены выше. Они говорят о том, что, вступив на этот путь, общество преобразуется и общество ранних земледельцев во многом уже отличается от общества охотников-собираателей. По мнению Дж. Уотсона, распространение культуры сладкого картофеля на Новой Гвинее повлекло перемены в демографии, социальной структуре, технологии, религии и магии, мифологии, в характере мужского доминирования [753]. Величина общины охотников-собираателей ограничена доступным запасом животных и растительных ресурсов на ее территории. Улучшение техники добывания пищи, интенсификация охоты ведут к прогрессирующему истреблению дичи. С возникновением производящего хозяйства появляются невиданные ранее возможности увеличения количества пищи, контроля над ее воспроизводством. Это ведет к демографическим сдвигам — резко возрастает плотность населения, меняется соотношение численности группы и осваиваемой ею территории, общины становятся устойчивее и крупнее, хотя величина их ограничена размерами и плодородием полей. Намечается тенденция к оседлости, которой вначале мешает полукочевое экстенсивное земледелие. Мировая средняя величина локальных групп охотников-собираателей 50—100 человек, тогда как для земледельцев 100—150 человек, а верхний ее предел — примерно 350—400 человек. В непосредственной связи с этими процессами растет уровень социального и культурного развития. С ростом общин и увеличением плотности населения увеличивается социальная интеграция и возрастает социальное и культурное

взаимодействие общин, идет процесс образования более крупных и более интегрированных этнических общностей.

Если полукочевые или оседлые формы развитого присваивающего хозяйства были предпосылкой перехода к земледелию, то полукочевые формы земледелия были предпосылкой оседлости, точнее — возрождения ее на новом, более высоком уровне развития, потому что полная или сезонная оседлость существовала и в палеолите. Образцом такого полукочевого раннеземледельческого общества являются байнинги о-ва Новая Британия в Меланезии [56]. Для них характерно подсечно-огневое залежное земледелие на основе деревянной и каменной неолитической техники, одна из самых ранних форм земледелия, свойственных зоне тропических лесов. Байнинги переходят с одного места на другое, когда земля, ничем не удобряемая, кроме золы от сгоревших на ней деревьев и кустарников, перестает давать урожай. Обычно это происходит через два-три года после начала эксплуатации участка. Крайне отсталый характер земледелия и низкое плодородие почвы в горных районах не дают байнингам возможности завершить переход к оседлости.

Участки байнингов, на которых они выращивают клубневые культуры — таро, ямс, бататы, а также бананы, сахарный тростник и эйбику, расположены обычно недалеко от селения. Но если вблизи селения не находится более удовлетворительной земли, то они отыскивают в пределах принадлежащей им территории новое подходящее место, расположенное иногда далеко от прежнего, разбирают свои примитивные хижины и переносят их поближе к новому участку. Старый участок зарастает сорной травой.

Отыскав участок леса, пригодный для расчистки, байнинги вырубают на нем деревья, обламывают ветви и сучья, складывают их между поваленными стволами и оставляют для просушки. Высохший лес поджигают. После этого участок обрабатывают либо целиком, либо разделив предварительно на полосы соответственно числу хижин селения и величине живущих в них семей. Если расчистка участка и подготовка земли осуществляются общими усилиями, то в дальнейшем семьи сами трудятся на своих участках и сами снимают с них урожай. Землю обрабатывают при помощи простой палки — архаичного орудия, свойственного еще доземледельческому, собирательскому хозяйству.

Подсечно-огневое земледелие в его наиболее ранней, первобытной форме, обнаруженной у байнингов, уже в среднем неолите существовало во многих лесных областях земного шара. Этот нерациональный, губительный способ обработки земли (известный в Индокитае под названием *рэй*, а в Мesoамерике — *мильпа*) был широко распространен в недалеком прошлом в Юго-Восточной Азии (откуда он, вероятно, проник в Океанию), на Мадагаскаре, в Африке, в Южной и Центральной Америке. Лес вырубали, затем в конце сухого периода сжигали, а в начале периода дождей

засевали участки, покрытые золой. Года через три урожайность такого участка резко падала, и земледелец переходил на новое место. Одна из вероятных причин исчезновения древней цивилизации майя на Юкатане кроется в истощении тропической почвы вследствие господства подсечно-огневой системы земледелия. Но еще и до сих пор эта экстенсивная форма землепользования кормит до 200 млн человек [304].

В качестве главных собственников земли у байнингов выступают территориальные группы, которые и составляют в совокупности эту этническую общность. В пределах территорий групп земля распределена между отдельными общинами, состоящими из одной или нескольких больших семей и существующими более или менее изолированно друг от друга. Каждая большая семья может по своему усмотрению выбрать пустующий, никем не занятый участок, расчистить его и пользоваться им. Но такое право признается за нею лишь до тех пор, пока она обрабатывает данный участок. Когда последний перестает давать урожай и семья или община покидает его, он возвращается в распоряжение всей территориальной группы.

Плотность населения у байнингов очень низкая. Ф. Бургер рассказывает, как ему приходилось часами карабкаться по горам, чтобы посетить разбросанные поселки, в которых жили большие семьи, принадлежащие одной общине [260, 261]. Поселок большой семьи может состоять из одной или нескольких хижин, и каждая из них вмещает одну или несколько малых семей. Обычно малая семья имеет свой собственный очаг — средоточие семейной жизни. Некоторые поселки состоят из 10—12 хижин, и все обитатели такого поселка в совокупности составляют большую семью [625]. При всех передвижениях большие семьи сохраняют контакт и образуют в свою очередь общину [485].

В далеком прошлом байнинги, коренное население п-ова Газели, говорящие на одном из так называемых папуасских языков, были оттеснены в глубь его меланезийцами. Область их расселения ограничилась внутренними горными районами полуострова. Ни охота с помощью примитивного оружия — копий и палиц, ни собиранье диких растений не могли более обеспечить их достаточным количеством пищи. Наступил кризис охотничье-собирательского хозяйства. И познакомившись через соседей-меланезийцев с простейшими приемами земледелия, они сами постепенно стали земледельцами. В настоящее время охота является для них второстепенной, подсобной отраслью хозяйства.

По словам Р. Паркинсона, байнинги по своему культурному развитию представляются самым примитивным народом из всех, встреченных им в Океании [600, 156]. Не случайно их сближали с тасманийцами — одним из наиболее отсталых в культурном отношении народов земного шара. Это относится не только к бедности и ограниченности культурного инвентаря, отсутствию лука и стрел, простейшим копьям без наконечников, но и к социальной

организации. Расселение небольшими локальными группами, низкая плотность, аморфная общественная структура, отсутствие племенной организации — все это напоминает и тасманийцев, и других охотников-собирателей. Территориальные группы байнингов очень близки по типу к племенам тасманийцев [58, 142—149]. Это совокупности общин, которых связывают между собой лишь общность языка и территории, а также единое самоназвание (в нем выражено самосознание членов группы как некоего единства) да еще совместное участие в военных предприятиях.

Такой выступает территориальная группа у байнингов. У тасманийцев к этому можно еще добавить периодические сборы членов племени для совместных охот, обрядов или иных целей. В остальном различий между ними нет. Ни тасманийское племя, ни территориальная общность байнингов не выступают как единое целое в организационном отношении. Это социальные образования, свойственные одной из ранних стадий процесса становления племени как общественного института.

Характер отношений собственности на землю также сближает байнингов с охотничьими народами. Так, семейное право на землю сохраняется у тех и других лишь до тех пор, пока земля обрабатывается или используется для охоты, после чего она возвращается в распоряжение всей общины.

Конечно, между байнингами и тасманийцами существуют и существенные различия, например неолитическая техника обработки камня у первых и палеолитическая — у вторых. Но самое главное — земледелие. Общество байнингов — общество вчерашних охотников и собирателей, едва переступивших рубеж производящего хозяйства. Но шаг этот во многом уже преобразовал их общество. Появились относительная оседлость, несвойственная охотникам и собирателям данной географической зоны, а с нею и более долговременные жилища, в отдельных случаях даже длинные дома, каждый из которых населяет большая семья. Земледелие и относительная оседлость при сохраняющейся разобщенности общин еще более изолировали последние друг от друга. У байнингов это связано к тому же с жизнью в горной местности и низкой плотностью населения. Тенденция к социальной интеграции и сближению общин, характерная для земледельцев, для байнингов — дело далекого будущего.

Мы только что отметили, что единственное, чем отличалось тасманийское племя от территориальной группы байнингов, — участие в совместных охотах, обрядах и других коллективных актах. Земледельцы-байнинги совместных охот не устраивали, и члены территориальных групп собирались вместе лишь для участия в военных предприятиях. Они, пожалуй, еще большие индивидуалисты, чем охотники. Община у байнингов еще сохраняется, но в отличие от охотничьей общины представляется довольно аморфным социальным организмом. Ее значение падает, и на смену ей приходит большая семья как главный землеполь-

зователь, как центр общественного производства. Местами большие семьи и сами являются уже самостоятельными общинами. Все это очень похоже на то, что происходило у других ранних земледельцев — индейцев верховьев Шингу.

На основе земледелия и обусловленной им возможности создания избыточного продукта, иными словами — на основе имущественной дифференциации у байнингов прослеживаются первые признаки социального расслоения: выделяются главы отдельных, наиболее зажиточных больших семей, и некоторые из них становятся влиятельными людьми не только в своей общине, но и за ее пределами. Этот процесс, в целом чуждый еще обществу охотников и собирателей, характерен уже для ранних земледельцев.

Становление первобытной социальной структуры — одна из важнейших предпосылок производящей экономики. Будучи двигателем коренных социальных преобразований, производящая экономика сама формируется на основе достигшей определенной степени развития социальной базы. Если оседлость не служит необходимой предпосылкой перехода к земледелию, то все же такой предпосылкой следует считать известную стабильность, устойчивость социальной структуры, тесную связь социума с определенной территорией, правильное чередование хозяйственной деятельности в соответствии с природным циклом. Все эти явления, без которых переход к производящему хозяйству едва ли возможен, обеспечивает типичная структура охотничье-собирательского общества накануне перехода к земледелию. Основные элементы этой структуры — община как относительно стабильная, постоянная локализованная группа, как субъект собственности на землю и ведущих производственных функций, а также хозяйственные группы, состоящие из одной или нескольких семей. Осваивая определенную территорию, обеспечивающую ее жизненно необходимыми ресурсами, община периодически, в соответствии с экологическими условиями, распадается на хозяйственные группы. Совокупность хозяйственных групп и есть община в действии, в процессе активного приспособления к условиям жизни и хозяйственной деятельности. Хозяйственная группа непостоянна в своих размерах, ее динамика экологически обусловлена. Это — форма активной адаптации первобытного общества на стадии присваивающего хозяйства к меняющимся от места к месту, от сезона к сезону условиям. Развернутая характеристика этих основных элементов структуры общества охотников и собирателей накануне перехода к земледелию дана нами в других работах [57; 58, 125—142, 151—152].

Следует еще добавить, что доземледельческая община, кроме того, делится на коллективы по половозрастному признаку, что ее ведущие производственные функции основаны на естественном, половозрастном разделении труда. Наконец, необходимо упомянуть племя как совокупность общин и как верховного собственника племенной территории, осваиваемой всеми этими общинами.

Характеристика племени на уровне, соответствующем охоте и собирательству, и на раннеземледельческом уровне была дана выше — мы отметили, что существенной разницы между ними нет. Племя на данном уровне развития — в основном этническая общность, обладающая, однако, некоторыми социально-экономическими признаками. Главный из них — собственность на землю.

Все названные элементы структуры охотничье-собирательского общества в своей совокупности и составляют социальную или, точнее, социально-экономическую базу формирующейся производящей экономики. В этом комплексе явлений, значение которых в интересующем нас процессе неоднозначно, необходимо особо выделить общину — основную производственную ячейку доземледельческого общества, оптимально приспособленную к экологическим условиям. Данный социальный институт, наследуемый раннеземледельческим обществом у предшествующего ему доземледельческого, и есть одна из важнейших предпосылок производящей экономики.

С переходом к земледелию, с изменением форм социальной адаптации вся социальная структура постепенно меняется. И эти качественные сдвиги намечаются прежде всего внутри общины. Некоторые из них были отмечены нами у байнингов, индейцев верховьев Шингу и на других примерах. Еще раз обратим внимание на тот радикальный сдвиг, с которого и начинается вся цепь изменений. Структура общества полуохотников-полуземледельцев намбиквара сохраняет некоторые характерные черты присваивающего общества, и их общины в определенное время года распадаются на подвижные, нестабильные хозяйственные группы, подобно общинам типичных охотников. Переходной формой от хозяйственных групп охотников-собирателей к производственным объединениям, свойственным раннеземледельческому обществу, являются так называемые домохозяйства индейцев верховьев Шингу. С окончательным переходом к земледелию исчезает система хозяйственных групп как форма адаптации первобытной доземледельческой общины к меняющимся условиям. На ее место приходят иные формы организации раннеземледельческой общины в целях производства, основанные на внутреннем членении общины по половозрастному и семейному признакам. Хозяйственные группы тоже основывались на членении общины на отдельные семьи, но в отличие от производственных объединений раннеземледельческого общества они были не просто производственными объединениями, а в своей совокупности самой общиной в действии; в этом их принципиальное различие. С исчезновением хозяйственных групп как формы существования доземледельческих общин все более видную роль в структуре земледельческого общества играет индивидуальная семья. Вот почему семьи в раннеземледельческих обществах в большей мере, чем в охотничьих, имеют тенденцию к укрупнению

(образование больших семей), что хорошо видно на примере байнингов.

Важнейшей предпосылкой производящей экономики было также формирование коллективной собственности на основное средство производства — землю. Присущая доземледельческому обществу иерархическая структура отношений собственности на землю (собственность племени как совокупности общин, собственность отдельных общин) наследуется ранними земледельцами и затем преобразуется вместе с преобразованием самой общественной структуры и процессом социальной дифференциации. С переходом к производящему хозяйству меняются характер отношений производства и обмена, разделения труда, роль мужчин и женщин в общественной, экономической и религиозно-обрядовой сферах, относительная подвижность населения. Но предпосылки всех этих перемен складываются в предшествующую эпоху.

О том, как переход к производящей экономике преобразует традиционное общество охотников-собирателей и делает это по-разному в зависимости от различий в системе производящего хозяйства, мы узнаем из сообщения о двух характерных случаях. Два индейских племени из засушливых районов Аризоны — пима и папаго, — живущих в различных природных условиях, еще до европейской колонизации совмещали земледелие с охотой и собирательством, которые продолжали играть большую роль в их жизни. Земледельческое хозяйство этих племен зависело в одном случае от ирригации, использования речных вод, а в другом — от дождей и ручьев. Соответственно у них развились и различные формы общественного строя: у пима — большие селения, зависящие от единой ирригационной системы, с тенденцией к политическому объединению; у папаго — небольшие деревни и аморфная политическая организация. У некоторых групп папаго земледелие еще долго имело примитивный подукочевой характер [388]. Следовательно, общественная организация папаго, в отличие от пима, живущих в других условиях и по-иному строящих свои отношения со средой, во многом еще сохраняла черты общественной организации, свойственной обществу переходного типа.

Системообразующие элементы разных хозяйственно-культурных комплексов различны — охота и собирательство, сбор урожая диких растений, земледелие. В каждом отдельном случае вся система общественных связей строится вокруг этих системообразующих элементов различным образом, функционирует различно.

Известно, что и на основе присваивающего хозяйства некоторым народам удалось достичь сравнительно высокого уровня общественного и культурного развития, несвойственного большинству других народов, ведущих хозяйство присваивающего типа. Таковы индейцы Северо-Западной Америки, калуза Южной Флориды,

алеуты, ительмены, береговые чукчи и коряки, некоторые группы эскимосов, нивхи. Местами имущественное и социальное расслоение зашло у них весьма далеко, и есть основание говорить о разложении первобытнообщинных отношений и начале процесса классообразования, что позволяет ставить названные народы на один уровень с представителями ранних форм производящего хозяйства. Объясняется это особым направлением хозяйственной деятельности: все они преимущественно оседлые рыболовы и охотники на морского зверя. Но главное состоит в том, что деятельность эта протекает в особо благоприятных экологических условиях. То, что далеко не все, а лишь некоторые народы, в хозяйстве которых рыболовство и охота на морского зверя играют значительную роль, поднялись до уровня имущественного и социального расслоения, нехарактерного в целом представителям присваивающей экономики, связано именно с такими исключительными условиями. Большую роль здесь играют периодический избыток продуктов рыболовства, превышающий непосредственные потребности, а также умение запасать их впрок. С этими же условиями связана и прочная оседлость, возможная для охотников лишь в подобных же особенно благоприятных условиях. Примером полностью или периодически оседлых охотников прошлого могут служить европейцы эпохи позднего палеолита. В настоящее время такой оседлый народ, как айны о-ва Хоккайдо, представляет еще один образец присваивающей экономики смешанного типа, основанной на рыболовстве и охоте, но не на морского, как у перечисленных выше народов, а на лесного зверя (медведя, оленей). Лососи, основа питания айнов, нивхов, индейцев Северо-Западной Америки, периодически в огромных количествах поднимались в реки побережья, и эту периодичность и изобилие можно сравнить разве только с периодическим урожаем продуктов земледелия у народов-земледельцев. Техника рыболовства у вышеназванных народов достигла большого совершенства, и это ставит их рыболовство на неизмеримо более высокую ступень, чем, например, примитивное рыболовство австралийцев. Индейцы запасали на зиму до 1000 лососей на семью и до 2000 л жира на человека, а семья нивхов, согласно Е. А. Крейновичу, заготавливала на зиму до 3840 лососевых, причем на каждого человека в семье приходилось более 400 рыб, на корм собакам оставалось около 2000 [69, 465; 107, 155]. Эти народы были настоящими собирателями «урожая» лососевых. И «урожай» сам приплывал в их снасти. Прimitивные рыболовы — типичные представители присваивающего хозяйства — не делают подобных запасов.

Высокий уровень развития производства, сравнимый только с уровнем его развития у народов с производящей экономикой, и был у индейцев главным условием имущественной и социальной дифференциации, ранних форм рабовладения, оживленного обмена. Более того, у индейцев существовали зачатки земледелия (разведение табака) и животноводства (разведение собак на шерсть).

Часть орудий труда изготовлялась из меди. Все это также делает их несравнимыми с типичными представителями присваивающей экономики.

Оседлые рыболовы и охотники на морского зверя — это социально-экономические структуры особого типа, и их нельзя не отличать от типичных охотников и собирателей, полуседлых или бродячих рыболовов, таких, например, как некоторые группы эскимосов или австралийцев. По своему типу общества оседлых рыболовов тесно примыкают к народам с производящей экономикой, мало чем отличаются от оседлых земледельцев. Продуктивное рыболовство и охота на морского зверя в условиях оседлости, на основе высокоразвитой рыболовной техники, избыток прибавочного продукта — вот что обусловило имущественное и социальное расслоение у индейцев. В обычных условиях, в которых живет и жило в прошлом большинство представителей присваивающих форм хозяйства, то и другое попросту было бы невозможно.

Надо признать, впрочем, что в древности данный тип присваивающей экономики был распространен, вероятно, значительно шире, чем теперь. Об этом говорят, например, археологические культуры северного неолита — культуры оседлых рыболовов и зверобоев Севера. Прибавочный продукт создавался и здесь в значительном количестве, а на его основе местами развивался процесс социальной дифференциации — вспомним хотя бы такой памятник, как Оленеостровский могильник.

Принимая все это во внимание, справедливо, видимо, говорить о двух основных путях развития присваивающего хозяйства; один путь представляет собой генеральную линию развития, другой складывается в особых условиях. Первый более перспективен, ибо ведет в конечном счете к становлению производящей экономики и на ее базе — новых общественных форм. Второй достигает этого на основе присваивающей экономики и является своего рода тупиком (конечно, в каждом отдельном случае такова лишь ведущая тенденция). Он как бы исчерпывает заложенные в нем возможности, не поднимаясь не более высокую ступень социально-экономического развития.

Исследования археологов в разных частях света дают возможность проследить развитие отдельных обществ по первому пути — по пути постоянного перехода от охоты и собирательства к земледелию и продуктивному животноводству. Подобно этнографии, археология показывает, что этот переход был подготовлен еще на стадии присваивающей экономики.

К наиболее впечатляющим исследованиям относятся раскопки Р. Макнейша в Южной Мексике, в долине Техуакан. Здесь в ряде пещер обнаружены многочисленные культурные слои, уходящие в прошлое вплоть до XII тыс. до н. э. и свидетельствующие о непрерывном развитии центральноамериканской цивилизации от самого ее зарождения в среде полукочевого населения, ведущего охотничье-собирательское хозяйство и меняющего места стойбищ в за-

висимости от времени года, вплоть до расцвета этой цивилизации в I тыс. до н. э.—I тыс. н. э., цивилизации оседлой, земледельческой, городской. Своим расцветом она была обязана земледелию, которое, как свидетельствуют раскопки, зародилось здесь в VII—VI тыс. до н. э. на базе высокоразвитого специализированного собирательства. Собиратели и охотники Техуакана перекочевывали в определенном, сравнительно ограниченном районе. В большинстве стоянок они обитали лишь в течение одного сезона и занимали площадь менее 30 м², причем на каждой из них было найдено по два очага. Отсюда Макнейш делает вывод, что на стоянке одновременно жило не более 2—3 семей. Некоторые стоянки населяли группы из 3—8 семей. Во время сухого сезона люди отправлялись небольшими группами в ту часть своей территории, где было наибольшее количество пищи. В остальное время они вели оседлое существование.

Все это изменилось с появлением зачатков земледелия. Уже сама обработка участков привязывала людей к определенному месту. Последние сезонные стойбища в пещерах восходят к VII тыс. до н. э. Их обитатели — еще охотники и собиратели. На следующей стадии (VII—V тыс. до н. э.) появляются признаки культивации растений и люди постепенно, в ходе длительной эволюции, переселяются из пещер в открытые, наземные, постоянные, оседлые земледельческие поселения. Но еще в IV тыс. до н. э. собирательство и охота по-прежнему играют преобладающую роль в их хозяйстве. Вся эпоха становления производящей экономики длилась в Месоамерике 3—4 тысячелетия, от VII до конца III тыс. до н. э. [41, 48—50; 64, 94—99; 518—520].

В отличие от Старого Света, где с самого возникновения производящего хозяйства большую роль играло скотоводство, а набор культурных растений был сравнительно невелик, в Новом Свете, напротив, скотоводство играло ничтожную роль, но зато набор культивируемых растений был неизмеримо разнообразнее, что имело большое значение для развития центральноамериканской цивилизации. Открытия археологов показывают, что высокая цивилизация Центральной Америки обязана своим происхождением не мифическим жителям Атлантиды или пришельцам из космоса, а медленному, постепенному, непрерывному развитию из первобытного состояния, обусловленному земледелием.

Своеобразное сочетание рыболовства, морской охоты и собирательства с земледелием (главным образом возделывание маиса) в III—II тыс. до н. э. обнаруживают археологические раскопки на побережье Перу. Производящая экономика постепенно развивалась и здесь на основе присваивающей [47; 92, 130—133].

Археологические исследования В. М. Массона в Средней Азии обнаружили существование древних вародев-земледельцев, у которых предшествующие земледелию формы хозяйства, особенно охота, играли еще значительную роль. Раскопки в Джейтуне выявили оседлую общину, состоящую из отдельных малых семей, в ко-

торой архаические формы земледелия и скотоводства сочетались с охотой [92]. Аналогичный джейтунскому тип раннеземледельческой общины открыт в Иерихоне (VII—VI тыс. до н. э.), Эриду (Шумер, V тыс. до н. э.) и других местах Передней Азии. На основе комплексной экономики охотников, собирателей и земледельцев складывается оседлоземледельческая культура Чатал-Гуюка (VII—VI тыс. до н. э.). Зарождение производящего хозяйства, скотоводства и земледелия, прослеживается раскопками в Шанидаре и некоторых других памятниках этого региона, принадлежавших охотникам и собирателям X—VIII тыс. до н. э. Мезолитические натуйфийцы Палестины и Иордании (X—IX тыс. до н. э.), оседлые рыболовы и охотники, регулярно собирали урожай дикорастущих злаковых (эммера и ячменя) с помощью кремневых жатвенных ножей, предшественников серпов, а возможно, и сами производили посевы. Они стояли как бы у самого порога производящей экономики. Подобно собирателям и охотникам Техуакана, они обитали в пещерах, но им была свойственна, видимо, более прочная оседлость. Эпоха полужемледельческого, полупастушеского хозяйства при значительной роли охоты и собирательства длилась в странах Передней Азии 3—4 тыс. лет [92, 112—120].

Демографические сдвиги, изменения в образе жизни, в относительной подвижности населения, в величине общин, в характере поселений — внешние проявления тех глубоких внутренних перемен, которые начинаются в сфере экономики и затем захватывают всю систему социальных отношений. Археология Месоамерики и Передней Азии, древнейших очагов земледелия, свидетельствует об этом. Следы деятельности охотников-собирателей залегают здесь в нижних горизонтах многослойных пещерных памятников, вплоть до XII—X тыс. до н. э. Группы палеолитических охотников-собирателей Передней Азии насчитывали 15—20 человек, а плотность населения составляла менее 0.1 человека на 1 км². На ранней стадии земледелия пещерные жилища еще сохранялись, но наряду с ними, как и в Месоамерике, появились открытые постоянные поселения, состоявшие из глинобитных хижин. В таких поселениях жило около 50—100 человек. Выросла и плотность населения. Зачатки пастушества принуждали эти группы после сбора урожая переселяться во временные стоянки, в стороне от основных поселений. Нередко такими временными стоянками были пещеры, которые в прошлом служили жилищами охотникам [142, 34].

В Юго-Восточной Азии раскопки Ч. Гормана в Пещере Духов, на севере Таиланда, позволили проследить постепенный переход от охоты и собирательства к раннему земледелию в X—VI тыс. до н. э. Нижний культурный слой дал остатки сливы, бобов, гороха, бетеля и иных растений с признаками их культивирования. Возраст этого слоя, по радиоуглероду, 9180 ± 860 лет до н. э. Он сопровождается каменными орудиями мезолитического, хоабиньского типа. В позднейших слоях обнаружены семена и других полезных растений [382]. Таким образом, производящее хозяйство

в Индокитае зародилось не позднее, чем в Передней Азии или Месоамерике. Замечательно это совпадение во времени начальных этапов производящей экономики в трех таких удаленных друг от друга областях земного шара!

Знакомые нам процессы и явления имели место и в Европе. «Земледелию в Европе, особенно в северных ее областях, предшествует. длительная кумулятивная стадия замедленного вызревания и вырастания культуры из глубоких недр тысячелетнего быта охотников приледниковой зоны» [142, 96]. Здесь обнаружены археологические культуры с хозяйством смешанного типа, где производящие формы хозяйства еще не играли ведущей роли, где интенсивная охота, собирательство и рыболовство сочетались с зачатками земледелия и животноводства. Переход к преобладанию производящей экономики занял в Европе в целом около 3 тыс. лет [64, 18—19].

Раскопки неолитического земледельческого поселения Кельн-Линденталь на берегу Рейна (близ Кельна) показывают, что обитатели его первоначально только наведывались к полям для разрыхления земли, посева, сбора урожая зерновых. Возле полей возводились амбары для хранения зерна. Поселки находились где-то в стороне. Позднее рядом с амбарами появились временные хижины-полуземлянки, а в дальнейшем сюда переселилась и вся община численностью около 150—200 человек [142, 98—99]. Это напоминает земледелие у банту экваториальной Африки, о которых говорилось выше. И у банту, и в Европе оно было подсечно-огневым. Видимо, ранние земледельцы Европы нелегко расставались с издавна освоенными охотничьими, собирательскими и рыболовными угодьями. Как и во многих других частях света, их земледелие сначала имело, вероятно, еще вспомогательный характер. Но со временем оно преобразовало весь образ жизни местного населения, а соответственно и его общественную структуру.

Примерно то же самое наблюдалось и в Месоамерике, там, где господствовало подсечное земледелие — мильпа. Индейцы вынуждены были разбивать участки иногда в 70—80 км от своего постоянного поселения. По мере удаления участков индейцы приносили домой все меньше продуктов урожая, все больше съедая их на самих участках. Наконец, земледельцы и сами переселялись на новые места, ближе к участкам. При системе мильпа для существования одной семьи требовалась территория от 400 до 4000 км² [305, 307—326]. Эта экстенсивная форма земледелия типологически близка еще к таким присваивающим формам хозяйства, как охота и собирательство.

Дунайские племена Центральной Европы выбирали для своих поселений плодородные, легкие для обработки лёссовые почвы. Но плодородие полей со временем истощалось, их забрасывали и возделывали новые. Когда вокруг селений вся пригодная земля была использована, люди уходили на новые места и основывали поселения [35, 19]. Перед нами типичная картина раннего полукочевого земледелия, социально-экономические основы которого

во многом еще близки к предшествующей стадии, основанной на хозяйстве присваивающего типа.

Начальной формой земледелия в Скандинавии было *швенде* — поле, кочующее из года в год среди леса, на территории общины.

На ранних этапах трипольских археологических комплексов Юго-Восточной Европы земледелие и скотоводство сочетались с охотой, которая, как в Передней и Средней Азии или Месоамерике, играла еще значительную роль [20].

* * *

Предпосылки производящей экономики не ограничиваются материально-производственной и социальной сферами, они включают также сферу гносеологическую, обширную область познания первобытным человеком окружающего мира, земли и космоса, систему представлений о мире в его становлении и развитии. Организуя общественный опыт, внося порядок в хаос явлений, она помогала обществу практически овладеть миром. Исследования А. Маршака, обобщенные в его труде «Корни цивилизации» [532], показали, что человек начал накапливать систематические знания о растительном и животном мирах за десятки тысяч лет до неолитической революции, что уже 15 тыс. лет тому назад, а возможно и раньше, первобытные охотники и собиратели были знакомы с цикличностью жизни растений и животных и вели тщательные наблюдения за нею, а это служило необходимой подготовкой к земледелию и животноводству. Первобытному человеку были известны рудименты письма и счета [152]. Невозможно себе представить становление производящего хозяйства как нечто полностью лишенное сознательного отношения к природе и происходящим в ней процессам, к вечному круговороту жизни. О понимании человеком некоторых закономерностей природы свидетельствуют не только археологические памятники, но и данные этнографии — достаточно лишь напомнить приведенные выше факты, относящиеся к тасманийцам и австралийцам, стоявшим на одной из самых ранних ступеней социального и культурного развития, известных этнографии. Человек приступил к производящему хозяйству уже вооруженный некоей системой знаний об окружающем мире, и в этой системе отложились тысячелетия наблюдений, опыта, практики.

Несмотря на то что производящая экономика, возникнув, постепенно преобразует и само общество, и его культуру (это мы и называем неолитической революцией), категорическое противопоставление народов с присваивающим и производящим типами хозяйства едва ли правильно. Такое противопоставление мы находим, например, у известного представителя культурно-исторической школы В. Кюпперса в работе «Человеческое хозяйство» [680]. Представление о том, что первобытные народы ничего не вносят в сокровищницу природы и пользуются лишь готовыми дарами ее, устарело. Мы уже говорили, что культивация растений, сначала стихийная, а затем и сознательная, началась еще на стадии при-

сваивающей экономики. То же относится к доместикации некоторых видов животных. Но даже если бы это было не так, в строгом смысле слова «чисто присваивающего» хозяйства не было никогда, ибо человек по самой своей социальной природе производящее существо. Он изготавливает орудия труда, которых нет в природе в готовом виде, и с их помощью добывает средства существования. В производстве и заключено главное отличие человеческого общества от сообществ животных. Мы убедились уже, что даже тасманийцы и австралийцы не просто пользовались готовыми дарами природы, но и вполне сознательно пытались воздействовать на нее. И речь идет не о магии, которая была одним из древнейших средств такого воздействия, а о действиях, вполне рациональных и по своим целям, и по способу их осуществления.

Человеческое общество отличается от сообществ других биологических видов присущей ему способностью к универсализации адаптивных и адаптирующих его свойств. Поэтому ему удалось приспособиться к жизни во всех экологических средах, заселить почти всю планету, что произошло уже на стадии присваивающей экономики. В этом отношении между данной стадией и стадией производящей экономики тоже нет принципиальной грани — универсальные механизмы социальной адаптации и там, и здесь остаются теми же.

Становление производящей экономики началось еще в эпоху господства присваивающих форм хозяйства. В свою очередь были и существуют, как мы знаем, народы-земледельцы, у которых предшествующие земледелию формы хозяйства играют еще значительную роль, а архаические формы земледелия сочетаются с охотой, собирательством, рыболовством. Наконец, есть и такие народы, в хозяйстве которых в зависимости от времени года основную роль играют либо охота и собирательство, либо земледелие. Все это также говорит о том, что между обществами, основанными на присваивающем и производящем хозяйстве, нет стены, они являются скорее как бы сообщающимися сосудами.

Истоки производящей экономики лежат в экономике присваивающего типа. Процесс становления производящей экономики начинается еще в палеолите и продолжается в мезолите и неолите. Исследования археологов помогают выявить основные этапы этого процесса. Этнография дает нам в руки материал для моделирования социальной структуры на разных ее уровнях, в различных общественно-исторических и естественно-географических условиях. Она помогает понять, что происходит при этом внутри общины — основной структурной единицы присваивающего общества, главной его производственной ячейки. Сочетание данных этнографии и археологии дает возможность осветить возможно более полно одну из величайших революций в истории человечества, которая начинается едва заметными сдвигами в хозяйственной деятельности первобытных охотников, рыболовов и собирателей, а завершается коренным преобразованием всей общественно-экономической структуры.

РАННИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ
ПОБЕРЕЖЬЯ
ПЕРУ

В настоящей статье рассматриваются культуры перуанского побережья I тыс. до н. э. — начала н. э., основанные на производящем хозяйстве, но не являющиеся цивилизациями. Мы считаем их раннеземледельческими, противопоставляя, с одной стороны, протоземледельческим комплексам, в которых присваивающие формы хозяйства продолжали играть большую роль, а с другой — цивилизациям. В качестве основного (хотя и не единственного) археологического критерия перехода обществом рубежа цивилизации допустимо рассматривать появление поселений, неодинаковых как по размерам, так и по своей внутренней организации, идущих на смену относительно однородной массе мелких памятников. Разнообразие памятников и особенно наличие на некоторых из них монументальной архитектуры косвенно свидетельствуют об усложнении общественной структуры и о выделении групп, не занятых непосредственно в производстве пищи. В перуанской археологии представление об особом значении типологии поселений для изучения развития общества господствовало в 40—50-х гг. [360, 761, 762]. Исследования в подобном духе появлялись и позже [673]. В последние годы этот подход подвергся критике, упор делается на более детальном и всестороннем изучении следов человеческой деятельности, обнаруживаемых при раскопках [564, 700]. Тем не менее важность типологии поселения для оценки уровня развития общества невозможно оспаривать.

Исходя из вышеупомянутого критерия, подкрепляемого в ряде случаев другими данными (уровень развития ремесла, имущественная дифференциация погребений, наличие сложных оросительных систем и пр.), можно с уверенностью относить к числу цивилизаций такие культуры, как мочика с периода III на

северном побережье Перу, лима (в тех временных пределах, в каких определяет эту культуру В. А. Башилов [15]) — на центральном и на южном, развивавшихся в начале и середине I тыс. н. э. С другой стороны, культуры гуаньяпе, салинар, пуэрто-моорин и гальинасо периодов I—II на северном побережье, раннее серро-тринидад (опять же в определении Башилова) — на центральном, паракас периодов I—VIII — на южном, датируемые I тыс. до н. э., можно считать раннеземледельческими. К этой группе культур примыкает и культура викус, хотя и синхронная мочика, но находившаяся на северной периферии перуанской ойкумены. Культуры мочика периодов I—II, гальинасо III, позднее серро-тринидад, паракас IX—X—первых веков до и после н. э. занимают во многих отношениях промежуточное положение между раннеземледельческими культурами и цивилизациями. В плане развития некоторых областей материальной культуры они ближе вторым, в отношении набора иконографических сюжетов, исследование которого является главной задачей статьи, — первым.

Особую сложность представляет типология культур II—начала I тыс. до н. э. На северном и центральном побережье открыты относящиеся к этому времени монументальные храмовые центры, некоторые из которых могли представлять форпосты горной цивилизации чавин, другие же, возможно, датируются временем, когда такое влияние еще не ощущалось. В то же время раскопки ряда поселений и могильников в тех же районах свидетельствуют как будто о существовании здесь населения, которое хотя и испытало влияние со стороны чавиноидных центров, однако сохраняло раннеземледельческий образ жизни. Культуры куписнике (на северном побережье) и раннее анкон-супе (на центральном) мы относим поэтому к числу раннеземледельческих, но будущие исследования призваны показать, верен ли такой подход, или же речь идет о сельском населении, находившемся в зависимости от того или иного крупного центра.

Культура гуаньяпе в Виру, синхронная куписнике, а на раннем этапе предшествующая ей, едва ли не единственная достаточно изученная культура этого времени из числа слабо затронутых влиянием храмовых центров. На начальном этапе экономика ее создателей, вероятно, базировалась в основном на использовании ресурсов океана. Памятники среднего и особенно позднего гуаньяпе отступают от моря, хотя и немногочисленны [722, 17—46; 762, 42—60].

Исследованиями Р. Макнейша в районе Аякучо выявлено, что уже с V, а возможно, и с VI тыс. до н. э. в Андах существовал очаг земледелия, в том числе (с конца V тыс.) центр культивирования майса [522, 38—42; 524, 37—38]. Найденные здесь сорта отличаются от месоамериканских. В то же время культурные растения, видимо, проникали в Перу и из Месоамерики. Родиной некоторых видов (маниок, сладкий картофель, арахис) считается область тропических лесов и саванн. Эти культуры могли попасть в Анды

либо из Монтаньи, либо через Эквадор. Второй путь особенно вероятен, если подтвердится мнение ряда исследователей о земледельческом характере вальдивии — культуры побережья Эквадора конца IV—III тыс. до н. э. [481, 126—130; 482].

В тех слоях аякучонских пещер, в которых найдены древнейшие остатки культурных растений, обнаружены также кости лам и морских свинок, уже domesticiрованных или находившихся в процессе домостикации [522, 38—39; 524, 37—38]. Неожиданностью для исследователей андского земледелия явилось то, что этот район предстал как родина не клубнеплодов (вопрос о времени культивирования которых пока открыт), а злаков (амарант, кивоя, кукуруза).

На побережье Перу древнейшие находки культурных растений (тыквы и фасоли) относятся к IV тыс. до н. э. [17]. С конца III тыс. здесь развивается протоземледельческая культура, достигшая расцвета к середине II тыс. Ее экономика базировалась на использовании необычайно богатых ресурсов моря в сочетании с выращиванием фасоли (прежде всего), хлопка, тыквы, перпа, арахиса, некоторых фруктов и клубнеплодов, а в конце периода в небольшом количестве в отдельных районах — кукурузы [566, 457—458]. Соотношение морского рыболовства и собирательства с земледелием неодинаково для разных поселений, но в целом земледелие не играло еще первенствующей роли. Достигнутый в указанный период уровень материальной культуры и, надо полагать, социальной организации не вполне отвечает, однако, представлению о культуре, в которой производящее хозяйство еще только складывается. Прочная оседлость, дома и архитектурные комплексы прямоугольной планировки из глины и камня, начатки ткачества — все это больше соответствует облику памятников, которые на Ближнем Востоке датируют неолитом и ранним энеолитом, а в Месоамерике — примерно рубежом раннего и среднего доклассического периода. На так называемом североцентральном участке побережья в первой половине II тыс. до н. э. появляются значительные по размерам поселения с монументальной архитектурой. Керамика в этот период, правда, неизвестна, хотя еще до 3000 г. до н. э. она распространяется на побережье Эквадора и около 2000 г. — в бассейне р. Уальяга (культура котом, этап уайра-хирка) [15, 23—24; 427; 441, 52—62; 481, 126—130].

Пока неясно, в какой мере культура рыболовов-фасолеводов явилась прямой предшественницей земледельческих культур конца II—начала I тыс. н. э., но есть основания думать, что ее роль в их сложении была велика не только в плане овладения необходимыми техническими навыками, но и в плане появления общественных структур, соответствующих образу жизни земледельцев. Дело в том, что земледелие на перуанском побережье, за исключением крохотных участков, пригодных для лиманного орошения, с самого начала было возможно только как ирригационное. Напрашивается сравнение, например у В. А. Башилова [15, 113], прибрежной пе-

руанской речной системы, состоящей из стекающих с гор небольших рек и ручьев, со схожими системами по периферии азиатских пустынь (Южная Туркмения, Южная Бактрия, Фергана и др.). Для эпохи развитой ирригации сходство и впрямь велико, но первых земледельцев эти два типа речных систем ставили в разные условия. Поскольку на перуанском побережье большинство рек, до того как их воду стали разбирать по каналам, впадало в океан, не образуя значительной дельты, а не разливалось широким веером по теряющимся в песках протокам, регулирование и обваловка русел не могли здесь практиковаться в значительном масштабе, поэтому весь процесс сложения оросительных систем должен был идти иначе, нежели в ирригационных культурах Старого Света [8, 8—76, 124, 229—230 и др.]. М. Мосли [561; 562, 111—119] выступил с гипотезой о том, что жители перуанского побережья смогли сразу перейти к строительству небольших каналов на базе той общественной организации, которая у них сложилась в протоземледельческую эпоху. К сожалению, это предположение непросто подтвердить археологически, поскольку мало надежды обнаружить каналы II тыс. до н. э., вероятно уничтоженные позднейшей ирригацией. Однако оно убедительнее, чем гипотеза о появлении в XV в. до н. э. новых поселенцев, принесших керамику и маис, и о внезапном вымирании рыболовов-фасолеводов в результате эпидемий [349, 114—115].

Материальная культура и хозяйство ранних земледельцев побережья. Сохранившиеся остатки растений позволяют определить набор культур, известных древним земледельцам побережья Перу. В I тыс. до н. э. они выращивали маис, три вида бобовых, маниок, сладкий картофель, арахис, дынную грушу, хлопок, перец, фрукты, на южном побережье — также клубни ямса (хикима) [472, 14; 473, 4; 475, 97; 612, 82; 737, 107—111, 141; 780, 60—61]. Ведущей культурой был маис, найденный практически на всех изучавшихся памятниках. По сравнению со слоями докерамических поселений, где к середине II тыс. маис уже появляется, количество найденных в том же объеме грунта початков, по оценкам авторов раскопок, значительно больше [566, 458]. Судя по частоте находок, помимо маиса наибольшее значение имели бобовые.

Для обработки почвы, очевидно, использовали палку-копалку. Имела ли она какие-нибудь усовершенствования, неизвестно, так как самих орудий не найдено, за исключением обломка деревянного лезвия в слоях раннего или начала среднего периода культуры гальинасо [722, 124]. Позже мочикские копалки представляли собой лопатки с узким лезвием, деревянным или медным. Орудий типа мотыги в доиспанский период на побережье не знали.

Ирригационные сооружения ранних земледельцев в большинстве долин побережья еще не выявлены. Долго считалось, что остатки древнейших оросительных сооружений найдены в Виру, где небольшие каналы могли быть прорыты еще в период пуэртомоорин [762, 362]. Быстрый прогресс в развитии оросительной сети

(синхронный появлению металлургии меди, стандартного формованного сырца, монументальных сооружений) относится ко времени позднего гальи́насо, когда в Виру прокладываются два магистральных канала по периферии долины [762, 362—363, 381]. Последние исследования в долине Моче свидетельствуют о том, что как в период салинар, так и ранее здесь функционировали каналы длиной в несколько километров [563, 17—21]. В эпоху мочика произошло резкое расширение ирригационной сети.

В I тыс. до н. э. жителям побережья уже была известна домашняя лама. В частности, ритуальные захоронения лам найдены на памятнике культуры гуанья́пе среднего периода [762, 56]. Возможно, однако, что мясо лам не употребляли в пищу либо ели его лишь в особых случаях. Части туш данных животных не встречаются среди погребальных даров, хотя остатки других видов пищи в погребениях обычны [472, 14—15; 473, 4].

Создатели раннеземледельческих культур продолжали заниматься рыболовством и морским промыслом. В слоях куписнике, паракас, при раскопках памятников в долине Виру и на центральном побережье во множестве встречены кости рыб и морских львов, раковины моллюсков, обрывки сетей. Судя по находкам в погребениях, значительную, если не большую, часть животных белков давали морские и наземные моллюски [472, 14—15; 473, 4].

Что касается развития ремесла, то источники лучше всего освещают производство керамики. Во второй половине I тыс. до н. э. гончары обжигали сосуды в окисляющей атмосфере, нередко применяли лощение и ангобирование. Керамика куписнике начала I тыс. до н. э., имеющая черный цвет, обжигалась, надо полагать, при более низкой температуре. Относительно того, изготавливалась ли она в формах, высказывались разные мнения [471, 2; 476, 17; 732, 545]. В дальнейшем изготовление сосудов в формах получает распространение в культуре мочика, но, по-видимому, даже в середине I тыс. н. э. не было еще известно другим жителям побережья. Методы орнаментации керамики и передачи изображений в раннеземледельческих культурах разнообразны: прорезной орнамент, обычная и негативная роспись, роспись после обжига (в паракас и позднем куписнике), лепные украшения. Высокое качество многих сосудов позволяет предполагать, что они вышли из мастерской гончара-профессионала.

В ткацком деле основным материалом служил хлопок, но использовалась и шерсть, изредка — другие волокна. Помимо простого полотняного встречаются разные типы коврового и ажурное переплетения. Последнее особенно характерно для культуры паракас, ткани которой вообще отличаются сложной техникой. Деревянные веретенца и особенно глиняные и каменные прясла — частая находка на всех раннеземледельческих памятниках, кроме принадлежащих культуре викус, где одежду, вероятно, почти не носили: большинство человеческих фигур на изображениях обнажено, хотя в погребениях найдены фрагменты текстиля [328,

32, 38, табл. 54—56]. О вероятной конструкции ткацкого станка можно лишь косвенно судить по позднему мочикскому рисунку: нижняя перекаладина станка привязана к поясу мастерицы, верхняя — к балке перекрытия.

Точеные изделия из камня (ступы и песты, сосуды, наверхшия палиц) встречаются чаще на северном побережье, прежде всего в куписнике, что связано с высокой техникой обработки камня в культуре чавин. Наконечники режущих и колющих орудий из поддающихся соответствующей обработке материалов наиболее распространены в паракас, где для этой цели использовался обсидиан [728, 688; 779, 129]. Найдены даже набор разнообразных инструментов, которые, возможно, употребляли при операциях (в погребениях паракас встречаются трепанированные черепа). Камень, кость и раковины повсеместно использовались для мелких поделок и украшений.

Металлургия меди в раннеземледельческих культурах I тыс. до н. э. только зарождалась. Отдельные находки небольших предметов из этого металла в паракас, раннем и среднем гальинасо и, может быть, в пуэрто-моорин и салинар свидетельствуют о том, что медь была редкостью и не использовалась для изготовления массивных предметов [218, 103; о датировке соответствующих памятников см.: 218, 54, 60]. Золотые украшения в эту эпоху также редки. Найденные на побережье серебряные, медно-золотые и большинство золотых изделий, датируемых первой половиной I тыс. до н. э., являются свидетельством проникновения сюда влияния культуры чавин, хотя, как указывалось, отношение ее к местному населению неясно. Впрочем, и эти вещи кованные, литые неизвестно. Раннемочикские предметы из могил в среднем течении р. Пьюра демонстрируют примерно равный чавиноидному уровень развития металлургии золота и меди [268, рис. 11, 12; 328, 39—40].

Культура викус в начале и середине I тыс. н. э. [328, 24—25] предстает как один из крупнейших для своего времени центров металлургии. Оттуда происходят золотые и серебряные вещи, а также масса кованных и литых медных изделий, включая как украшения, так орудия и оружие (наверхшия палиц, наконечники дротиков, крюки для копьеметалок, рыболовные крючки, топоры) [268, 94—97; 328, 37].

При строительстве в I тыс. до н. э. использовались битая глина, камень, но главным образом сырец конической и булкообразной формы. В цивилизациях I тыс. н. э. (мочика, позднее гальинасо, серро-тринидад, лима) на смену им приходит прямоугольный кирпич, обычно изготовленный в формах, но в наска продолжают строить из конического [721, 27—28] кирпича и лишь на позднем этапе культуры переходят к прямоугольному. Поселения раннеземледельческих культур почти не исследованы, и лишь для памятников долины Виру есть точные данные об их площади, в гуаньяне и пуэрто-моорин не превышавшей 1—1.5 га [762, 42—101]. В позднем гальинасо максимальная площадь поселений

достигает 11.5 га [762, 132, 140], в паракас IX — нескольких десятков гектаров [648, 9]. Людьми пуэрто-моорин были, видимо, построены пирамидообразные платформы, размеры крупнейшей из которых 36×16 м при высоте 8 м [762, 80—89]. Возможно, что некоторые из этих пирамид были построены еще в позднем гуаньяпе [731, 292—293]. Небольшое ступенчатое здание было обнаружено и в верховьях Ики на поселении паракас [751, 305—306]. В долине Чильки, на юге центрального побережья, найдены небольшие пирамиды, связанные с керамикой типа мирамар, т. е. относящиеся к местному варианту раннего этапа культуры серро-тринидад [604, 428]. В пуэрто-моорин имеются также остатки домов и платформ на вершинах холмов, представлявшие, возможно, укрепленные убежища [762, 92]. Мощные монументальные комплексы (до 25 м высотой) впервые (с тех пор как в середине I тыс. до н. э. были покинуты чавиноидные храмовые центры) появляются в позднем гальинасо [762, 135].

Погребения раннеземледельческих культур сконцентрированы в могильниках. Встречаются могилы двух основных типов. В большинстве культур северного и центрального побережья это ямы с подбоем, иногда выложенные камнем либо плитами (в гальинасо иногда — каменные ящики [473, 25—26]), в культуре викус — шахты глубиной от 2—3 до 9—15 м, ведущие в погребальные камеры различной формы [328, 14; 536, рис. 2, 3, табл. 3]. В паракас представлены как ямы, так и подземные камеры, в которые помещали по 30—50 покойников. В камеру вела шахта, спущенная из входной ямы, общей глубиной 5—6 м [728, 679—681]. Сравнительная оценка инвентаря позволяет в ряде случаев предполагать наличие незначительной имущественной дифференциации. Более заметны (по количеству положенных в могилу орудий и украшений, богатству одежды) различия в погребениях поздних гальинасо и паракас. В нашем распоряжении, однако, слишком мало опубликованных комплексов, чтобы делать заключения о структуре общества путем анализа состава инвентаря.

Набор сюжетов изобразительного искусства ранних земледельцев. Особенностью многих древних культур Америки, в том числе прибрежных культур Перу, является широкое распространение фигуративных изображений. Из древних захоронений здесь извлечены сотни тысяч декорированных сосудов, образцов тканей, изделий из металла, дерева и т. п. Исследования последних лет все более подтверждают тезис о том, что независимо от сюжета, явно мифологического или на первый взгляд жанрового, эти изображения носят сакральный характер, так или иначе связаны либо с мифом, либо с культовой и магической практикой [19]. Есть серьезные основания сомневаться в том, что перуанским индейцам до Колумба было знакомо в полной мере «декоративное» искусство, тем более такое предположение маловероятно для раннеземледельческой эпохи. Исследования Г. Рейчел-Долматова среди колумбийских индейцев тукано, воспроизводивших на рисунках виденное

ими в состоянии наркотического транса, возможно, приближают нас к пониманию той атмосферы, которой было окружено творчество первобытных индейских художников [635]. Эти материалы приводят к выводу (подкрепляемому тем, что мы знаем о распространённости односюжетных древних изображений, исполненных в разных материалах и функционировавших в разных условиях) о том, что сюжетный репертуар как явно сакральных, так и «декоративных» изображений, нанесенных на различные бытовые предметы, практически одинаков. Если мы все же в дальнейшем изложении употребляем по отношению к сюжетам древнеперуанского искусства определения «бытовой», «жанровой» и т. п., то делаем это совершенно условно ввиду невозможности предложить точную интерпретацию той или иной сцены.

Поскольку интересующие нас иконографические материалы разбросаны по множеству изданий и никакой их сводки не существует, мы прежде всего предлагаем читателю ознакомиться с набором изобразительных сюжетов, характерных для ранних земледельцев перуанского побережья. Описание дается по культурам.

Гуаньяне. Иконографические материалы почти не выявлены. В долине Чикама найден штамп с изображением птицы, который американские археологи связывают с культурой гуаньяне, хотя основная территория ее распространения находилась в долине Виру [650, 318, рис. 347, а].

Куписники. Среди памятников изобразительного искусства этой культуры мы, следуя за В. А. Башиловым [15, 99], выделяем две группы: копирующие образцы, свойственные горной цивилизации чавин, и самобытные. Единичные вещи, обнаруживающие аналогии с искусством храмовых центров долин Непенья и Касма (цивилизация сечин), в свою очередь близких культуре чавин, мы рассматриваем вместе с чавиноидными. В ряде случаев в отнесении сюжета к той или иной группе нет полной уверенности.

Чавиноидная группа. 1 — антропоморфное божество, во рту у него клыки, надо лбом змеи. Сосуд, на котором оно представлено, разделен по вертикали надвое, и справа показана половина головы божества в фас, а слева морда кошачьего хищника в профиль [471, рис. 77; 475, 95; 763, рис. 3—46]. Это же божество, стоя в окружении двух антропоморфизированных хищных птиц с клыками в клювах, изображено на золотой пластине [647, рис. 5]. В руках у него жезлы, от пояса и головы отходят змеи, во рту клыки, на ногах когти. Клыкастое лицо божества, обрамленное змеями, представлено и на золотой пекторали [346, рис. 10]. Обе эти вещи, вероятно, происходят не из долины Чикама (основного ареала куписники), а из более северной долины Ламбайеке, однако все детали фигур вполне куписникские. 2 — личина с зубами только в верхней челюсти. Выделяются три клыка — два по краям рта (высоко загнутым вверх) и один посередине [219, рис. 24]. Часто воспроизводимый в публикациях сосуд со сходным изображением [452, табл. 12, 1] может, по мне-

нию Дж. Роу, быть подражанием таковым второй половины I тыс. н. э. [649, 113—114]. 3 — змеи с головой хищника [474, табл. 63, d; 763, рис. 3—47]. 4 — оскаленные головы ягуара, реже — его полные фигуры [471, рис. 216; 474, табл. 64, d; 475, 97—99]. 5 — хищная птица с клыками в клюве [478, рис. 9]. 6 — антропоморфная голова с оскаленным ртом без клыков [474, табл. 62, *верх*]. Аналогичная трактовка лица (вертикальные линии выше и ниже глаз) встречается в монументальной скульптуре сечин [262, табл. 9; 729, табл. XXIII, XXIV, рис. 31]. 7 — антропоморфные фигуры с клыками во рту или без них, показанные по двое [324, рис. 17; 455, табл. 33, c—e; 647, рис. 39, 40]. Связь их с куписнике недоостоверна. Стилистически некоторые ближе к культуре сечин, а не чавин. 8 — геометрические изображения, в том числе на сосудах, разделенных по вертикали надвое, с по-разному орнаментированными половинами [763, рис. 3—45].

В клыкастых головках на ювелирных украшениях куписнике чавиноидные признаки не всегда четко выражены [471, 130]; сравнительных материалов из горной области для этого рода поделок мы не имеем. Уникально изображение двуглавого чудовища (черепахи, лягушки?), тело которого одинаково спереди и сзади [471, рис. 143; 763, рис. 3—49]. Во рту у него клыки, выступающие только из верхней челюсти.

Местная группа. 1 — скульптурные изображения существа с птичьим телом, человеческой головой, намеченными во рту клыками и клювом, выступающим посреди рта [266, 267]. Своеобразие трактовки заставляет предполагать персонаж, отличный от хищных птиц культуры чавин. 2 — реалистические изображения животных и их голов (сова, обезьяна, мышь, лиса, лама, пума или ягуар, олень, креветка, раковины моллюсков). Позы животных иногда напоминают человеческие [330, 403; 442, 31]. 3 — культурные растения (маниок, тыква, фрукты) [172, 592; 475, 94; 476, 17]. 4 — галлюциногенный кактус сан-педро [694, рис. 21; 695, 379]. 5 — дома [475, 94]. 6 — изображения людей, в том числе «портретные сосуды» (голова старухи) и фигура сидящей женщины с ребенком на руках [474, табл. 64, c; 478, рис. 10]. 7 — геометрические изображения, не имеющие аналогий в горном чавин (стилизованные переплетающиеся фигуры змей или рыб) [346, рис. 6]. Два золотых сосуда с подобным орнаментом могут, впрочем, оказаться и несвязанными с куписнике: они найдены южнее территории этой культуры, в долине Уармей.

Тембладера. Из долин Пакасмайо и Ламбайеке происходят сосуды, которые авторы различных изданий относят к поздней культуре куписнике, иногда именуя их «стилем тембладера» [344, 11; 470, рис. 31; 650]. В отличие от классических куписникских, эти сосуды окрашены. Р. Ларко Ойле выделил комплекс позднего куписнике в Чикаме, назвав его «переходным» куписнике [471, рис. 78]. Опубликованные им сосуды имеют аналогии среди найденных в Пакасмайо. Близка «переходному» куписнике

и керамика группы вачекса, обнаруженная в одной из внутренних галерей Чавин-де-Уантар и, возможно, представляющая импорт с побережья [510]. Мы будем рассматривать «переходное» куписнике вместе с тембладера.

Сюжеты этого стиля близки классическому куписнику и могут быть поделены на такие же две группы с той разницей, что чавинидная группа изображений сильнее отличается от образцов монументального искусства горного чавин.

Чавинидная группа. 1 — голова антропоморфного божества (?) [452, табл. 12, 2]. Вместо рта две обращенные друг к другу челюсти хищника в профиль. 2 — личина с рядом зубов только в верхней челюсти [650, рис. 352]. Она помещена на затылке фигур, выполненных в местном стиле. 3 — стилизованная хищная птица [467, рис. 7; 471, рис. 78]. 4 — объемные изображения кошачьего хищника или его головы [179, 3, обложка; 196, рис. 476, 477; 468, рис. 5]. 5 — голова кошачьего хищника (менее вероятно, антропоморфного божества) анфас, с оскаленным клыкастым ртом и змеями, отходящими от носа, глаз и лба [468, рис. 7]. 6 — стилизованная голова хищника с клыками только в верхней челюсти [196, рис. 474]. 7 — рыбы с головами ягуара [344, рис. 10, 15].

Возможно, что с тембладера связаны изображения на предметах из золота, найденных в Чонгояпе (долина Ламбайеке). Есть указания, будто рядом находились раннекуписникские сосуды [217, 89, табл. 18, а—с; 346, 4—5], однако это сомнительно, так как по стилю изображения отличны от куписникских, а вещи были извлечены из земли без участия археологов. На ряде предметов запечатлен антропоморфный персонаж с жезлами в руках; у пояса не змеи, а отростки с закруглениями на концах, на ногах когти, во рту клыки (в одном случае верхняя пара клыков сливается с нижней) [456, рис. 100, *справа*; 475, 88; 647, рис. 28]. Среди стилизованных элементов, окружающих голову, типичные для тембладера пасти с рядом зубов только в верхней челюсти.

Местная группа. 1 — личина с оскаленным ртом без клыков, с отходящими от верхней губы змеями [330, рис. 95]. 2 — животные: сова [650, рис. 353], лама, обезьяна, кошачий хищник, попугай. 3 — культурные растения (фрукты) [471, рис. 78]. 4 — люди, в том числе музыканты [650, табл. XXXVII] и прочие фигуры в различных позах, без явных признаков пола, в одежде, с татуировкой на лице [330, рис. 91; 344, рис. 11—13; 470, рис. 6, 7]. Не только фигуры кошачьего хищника, но и тела людей и обезьян иногда украшены характерными для искусства чавин кружками, вероятно символизировавшими пятна на шкуре ягуара [344, рис. 12; 468, рис. 3, 5].

Салинар и пуэрто-моорин. Изображения этих двух родственных культур из Чикамы и Виру мы рассматриваем вместе. 1 — четвероногое чудовище (?) на тонких лапах с большой головой. Широкая пасть без клыков оскалена [174, табл. 67, а—с;

478, рис. 29; вероятно, 722, рис. 63, *x*]. 2 — головы сов [472, 6, 7; 474, табл. 66, *g*, *i*]. 3 — полные фигуры других птиц и млекопитающих, в том числе и обезьян, напоминающие изображения тембладера, только без пятен на теле [467, рис. 19; 474, табл. 66, *a*, *b*, *f*, *k*; 67, *i*; 68, *вверху*; 478, рис. 28], налепы на керамике в виде головок животных [722, рис. 63]. 4 — культурные растения (фрукты) [172, 594; 472, 8]. 5 — галлюциногенный кактус сан-педро [695, 379]. 6 — люди (горло сосуда в виде фигуры человека, единичные сосуды-головы) [326, табл. 27, *вверху слева*], эротические сцены [470, рис. 6; 477, 130]. Уникально изображение лежащего человека и склонившегося над ним лекаря (?) [474, табл. 67, *d*]; последний, возможно, имеет мифические атрибуты (змеи у пояса?). 7 — дома [459, 132, рис. 4]. 8 — несложные геометрические фигуры [474, табл. 67, *a—c*; 478, рис. 26], сложный орнамент, представляющий искаженную и потерявшую смысл копию изображений куписнике [474, табл. 68].

Гальинасо. Поскольку разделить все изображения гальинасо по периодам затруднительно, иконография этой культуры рассматривается в совокупности. Большинство изображений, по-видимому, относится к среднему этапу (период II) [218, табл. 7—10]. 1 — антропоморфная голова с клыкастым ртом и двумя отростками снизу (пучки волос, ноги?) [302, рис. 29, *c*]. 2 — сидящее на задних лапах чудовище (огромная пума или ягуар) держит передними маленькую человеческую фигурку в богатом головном уборе [221, рис. 4, 5]. 3 — тот же хищник изображен отдельно [478, рис. 11]. 4 — вероятно, его же голова с высунутым языком [216, рис. 14, *a*; 478, рис. 27]. 5 — люди: воины [344, рис. 46; 478, рис. 23], музыканты [302, рис. 29, *f*; 326, табл. 32, *вверху*; 722, рис. 58, *c*], сосуды-головы [473, 2, 3], фигура человека с сосудом в руке [217, рис. 13, *i*]. Есть женская фигура в одежде [478, рис. 13]. Немногочисленные образцы мелкой пластики крайне схематичны (головка почти без туловища, с намеченными глазами, носом и ртом) [216, рис. 5, *f*; 722, рис. 32, *o*]. 6 — животные: обезьяна [265, табл. 13], попугай [220, рис. 1—6; 344, рис. 44] и другие птицы. 7 — культурные растения (маниок, фрукты) [455, 62—63; 473, 4, 5; 722, рис. 58, *f*]. 8 — дома и храмы [473, 8]. 9 — геометризированные фигуры змей или рыб с трапециевидной головой (росписи на керамике, рисунки и рельефы на стенах) [218, рис. 4; 672, рис. 2] и стилизованные изображения морской звезды (только на керамике?) [216, рис. 13, *j*]. В позднем гальинасо (вероятно, под влиянием горной культуры рекуай) появляются стилизованные изображения чудовища, которого В. А. Башилов предложил именовать «зверем рекуай» [15, 40; 216, 68, рис. 12, *g*, *k*; 218, 110].

Мочика I. Материалы самого раннего периода культуры мочика отсутствуют или во всяком случае плохо представлены в ее главном центре — Моче, строительство которого, вероятно, началось позже. Известны лишь отдельные и почти сплошь недокумен-

тированные находки сосудов и металлических изделий мочика I в долинах северного побережья. Вещи, близкие раннемочикским, найдены в районе Вика (долина Пьюра). Изображения на них рассматриваются нами вместе с прочими. Монументальные сооружения мочика I не выявлены, хотя они существовали, судя по изображениям на керамике [193, табл. 166; 418, 25]. Набор изобразительных сюжетов периода I и, видимо, также II (отнесение некоторых изображений к тому или другому периоду предположительно) во многом ближе куписнике и салинар, чем репертуару изобразительного искусства мочика на более поздних этапах развития этой культуры. 1 — зверь рекуай (около половины всех явно мифологических изображений) [268, рис. 11; 451, табл. 58, с; 452, табл. XII, 3; 477, 111; 486, табл. 91, b, с; 650, рис. 389, a; 669, рис. 36, слева; 671, рис. 21, 109]. В одном случае он показан внутри лежащего горизонтального лунного серпа, склонившись над обнаженным человеком [323, рис. 4]. Форма сосуда, на котором запечатлена эта сцена, нехарактерна для мочика. Другой подобный сосуд, также с рельефной фигурой зверя рекуай, происходит из Кальехон-де-Уайлас — горной долины, в которой жили создатели культуры рекуай [650, рис. 385]. 2 — антропоморфные демоны [268, рис. 12; 344, рис. 24; 468, рис. 16]. 3 — змея с головой хищного зверя на обоих концах тела [344, рис. 25, 29]. 4 — антропоморфное божество с клыками во рту, которое сражается с демонами или отсекает ритуальным ножом головы людям [442, 36; 469, рис. 360; 474, табл. 70, с]. Голова божества бывает представлена и отдельно [669, 23]. 5 — стоящий на задних лапах оскаленный ягуар, опирающийся передними о человеческую голову на ножках [221, рис. 9, 10]. 6 — животные: кошачий хищник (оскалив пасть, готовится к прыжку, лежит, терзает ламу), поугай, утка, летучая мышь, кролик, раковины моллюсков, рыба, морской лев, олень, кондор и особенно часто совы и лягушки [193, табл. 114; 328, табл. 27, b, с; 28, b, с; 30, a; 33, d; 346, рис. 15, 16; 467, рис. 10—17; 470, рис. 204; 265; 275; 470, рис. 29; 567, табл. 22, b; 599, 3, 4]. 7 — люди; преобладают эротические сцены и невыразительные сидящие фигуры [442, 36, 37; 467, рис. 28; 468, рис. 19; 470, рис. 43, 44; 477, 40, 46], реже показаны воины [467, рис. 29], пленники [470, рис. 37], музыканты [442, 37], люди в бытовых ситуациях [470, 34]. 8 — уже упоминавшиеся храмы на пирамидах. 9 — изображение черепа [469, рис. 288].

Викус. 1 — антропоморфный персонаж без клыков во рту, в пышном головном уборе (видимо, с отростками, отходящими прямо от головы). Рядом с ним змеи [268, рис. 8, 9]. 2 — он же (?) в более скромном уборе, держит над головой змею с головами хищника на обоих концах тела [328, табл. 16, a, b]. Аналогичные сцены есть и в мочика IV. Возможно, и в культуре викус они появляются под мочикским влиянием. 3 — стоящее существо с человеческим телом, головой хищника (без клыков), змеями у пояса и с ногами, оканчивающимися головами змей [268, рис. 10].

4 — сидящее чудовище с зубастой пастью, высунутым языком и отростками на голове, напоминающее зверя рекуай [268, рис. 9]. Вероятно, его же упрощенное скульптурное изображение есть на сосуде с вогнутым туловом (т. е. внутри лунного серпа, как у мочика?) [241, рис. 7; 327, рис. 196, *верху*]. 5 — четвероногий зверь с человеческой головой [268, 94]. 6 — змееобразное существо с головами куницы или ласки на обоих концах тела (=двуглавой змее в руках божества?) [328, 30—31, табл. 34; 468, рис. 15; 763, рис. 3—58]. В одном случае в лапах у него стоящая человеческая фигура. 7 — личина со змееобразными отростками, отходящими из-под глаз [328, табл. 46, *b*]. 8 — многочисленные изображения животных (утки, кондоры, олени, лисы, обезьяны, кошачий хищник, игуана). 9 — культурные растения (тыква, фрукты) [308, 59, *внизу справа*; 328, табл. 26, *a*]. 10 — люди. Много эротических сцен [477, 20, 23, 82, 83, 85, 102, 122, 123, 129; 599, 6], есть изображение человека, плывущего на бурдюке [468, рис. 50; 478, рис. 132], сцена охоты на оленя [325, 81], фигуры пленников и воинов [325, 123; 328, табл. 17, *c, d*; 38, 39; 477, 85], сосуды-головы (некоторые, возможно, черепа) [328, табл. 44; 45, *a, c*; 478, рис. 130; 599, 1, *обложка*], невыразительные изображения стоящих и сидящих людей. В могилах часто встречаются мужские и женские статуэтки (те и другие в равной пропорции) с выделенными признаками пола [536, 109—110, табл. 7].

Чавиноидные памятники центрального побережья.

В последние годы высказывалось мнение, что чавиноидные памятники центрального берега типа раннего анкона обнаруживают наибольшую близость к Чавин-де-Уантар [509, 52—53]. Результаты этих раскопок еще не появились в печати, но некоторые материалы есть и в старых публикациях. Как и в куписнике, прослеживаются две группы сюжетов.

Ч а в и н о и д н а я г р у п п а . 1 — голова антропоморфного божества либо кошачьего хищника с клыками во рту (сохранился лишь фрагмент рта) [764, рис. 3, *a*]. 2 — головы хищных птиц с клыками в клюве [764, рис. 23, 24]. 3 — геометрический чавиноидный орнамент.

М е с т н а я г р у п п а . 1 — бог-краб (граффити на костяной палетке) [455, рис. 5, *a*]. Помимо крабьих у него есть человеческие ноги; рот чавиноидный (с тремя клыками в верхней челюсти), но в целом образ не имеет аналогий в искусстве горного чавин. 2 — животные (фрагменты изображений) [764, рис. 1, *g*; 2, *a, b*]. 3 — люди (фрагменты изображений) [764, рис. 2, *f*; 8, *d*], в том числе женские статуэтки без подчеркнутых признаков пола (одна целая и фрагменты) из Кураяку; тело целой фигурки вылеплено обобщенно, лицо и прическа — живо и реалистично [347, рис. 9, 13].

Серро-тринидад. Между памятниками эпохи чавин и существовавшей позже на центральном побережье культуры серро-тринидад нет преемственности. Ранние материалы серро-тринидад

синхронны последним периодам паракас и началу наска [603, 98—99]. Сюжетных изображений они почти не дают. Мы приводим данные лишь по позднему этапу, связанному с началом цивилизации. В росписи на стене монументального сооружения в Серро-Кулебра было изображено несколько антропоморфных существ. Опубликованы три изображения: 1 — личина с круглыми глазами, от подбородка которой отходят змеи; 2 — божество с оскаленным ртом без клыков, поднятыми руками, также оканчивающимися головами змей; 3 — божество в такой же позе, но с треугольной головой (трактовка рта неясна — закрыт?) и четырехпальными руками [237, рис. 19—21]. Лицо второго из этих существ, по-видимому, в ореоле из лучей, изображено и на одном из сосудов [453, табл. 88, *f*]. На керамике встречаются обобщенно переданные фигуры: 4 — людей [453, табл. 90, *e—h*; 723, рис. 15] и 5 — животных [453, табл. 90, *a—c*]. 6 — основной мотив вазовых и стенных росписей — орнамент из переплетающихся фигур змей с трапециевидными головами [239, рис. 19—24]. Реже попадаются рыбы с примерно такой же, но несколько реалистичнее нарисованной головой [453, табл. 88, *b, e*]; при желании в ней можно усмотреть антропоморфную личину.

Паракас. Иконография паракас лучше всего изучена не по находкам на полуострове, давшем название культуре, а по материалам из долины Ика. Хронологически они распределяются по 10 периодам. В периоды VIII и IX в иконографии паракас (да и во всей культуре) происходят важные изменения, поэтому материалы поздних этапов (IX и X) описываются отдельно. Так как иллюстративный материал по паракас сосредоточен в небольшом числе изданий [344, 10—14; 457; 550; 670; 671, 69—121], мы указываем источник лишь при упоминании относительно редких сюжетов.

Паракас I—VIII. 1 — антропоморфное божество с оскаленным клыкастым ртом и змеями надо лбом и у пояса. Его голова представлена на двух сосудах (один из них серебряный) периода I, в происхождении которых с южного побережья нет полной уверенности [331, табл. 235; 444, табл. 196, *в*]. Есть профили его головы на сосудах рубежа периодов II и III и периода V и полнофигурное изображение периода V [196, рис. 479; 550, рис. 27, *a*; 30, *a*; табл. 4, *b*; 647, рис. 48, 52]. Это же божество в окружении двух антропоморфизированных хищных птиц с клыками в клювах представлено на ткани (периода III?), найденной в низовьях Ики [647, рис. 29]. 2 — антропоморфная личина (период II) с тремя клыками в верхней челюсти, один из которых посреди рта [550, рис. 1, *с*; 647, рис. 30, 49]. Божество и личина имеют близкие аналогии в куписнике. 3 — слегка антропоморфизированная морда кошачьего хищника (периоды I—VII). В период VIII на ее основе возникает новая иконографическая модель: к верхней половине морды снизу присоединено ее зеркальное повторение [550, рис. 45, *b*; 645, табл. II]. 4 — «глазастое существо»

(Oculate being). Появляется в период VIII в средней части долины Ика и сперва изображается без тела. У него большие круглые глаза, «улыбающийся» рот без клыков, направленные вниз усы на скулах, отростки на голове. В отличие от более поздних изображений язык во рту не показан. По данным Д. Менцель, Дж. Роу и Л. Доусона [550, 270], везде, где появляются изображения глазастого существа, исчезает восходящая к культуре чавин морда кошачьего хищника (в низовьях Ики — ее дериват). 5 — червь или змея с головами на обоих концах тела (период V). 6 — полнофигурные изображения кошачьего хищника (с периода V); посреди лба обычно острый или прямоугольный выступ. 7 — сокол (с периода II). 8 — лис (с периода VII). Есть маска лиса периода VIII [467, рис. 104], на которой сверху изображены 13 стоящих человеческих фигур, тоже в масках, но антропоморфных, и перед ними лиса. 9 — обезьяны (период VIII). 10 — люди. В период III появляются лица на боковых поверхностях чаш; трактовка лиц напоминает изображение культуры сечин на северном побережье (вертикальные полосы выше и ниже глаз, рот иногда оскален, но без клыков) [550, рис. 28, *a, b*]. Не исключено, что это лица мифологических существ. С периода IV — невыразительные стоящие фигуры людей, в период VIII — фигуры с жезлами, в головных уборах, украшенных личиной хищника, иногда с изображением ножа под подбородком [550, рис. 48; 645, табл. V, *a, b*]. Есть изображение человекоподобного существа с жезлами в руках, с головой хищника. Это может быть жрец в маске либо мифологический персонаж [645, табл. V, *c*].

Паракас IX и X. 1 — глазастое существо. С периода IX в долине Ика его изображения распространяются повсеместно. В отличие от рисунков периода VIII голова показана вместе с человекообразным телом, которое присоединено к ней сбоку. На керамике это соединение выглядит крайне неуклюже, на тканях — более естественно. Из рта высовывается длинный язык, в руке нередко видна отрубленная голова [277, рис. 3, *b, c*; 550, рис. 52, 56, 58, 59; 651, рис. 111, 112, 122—128; 781, рис. 36]. В одном случае во рту у персонажа отмечены клыки нехарактерной для паракас формы [671, рис. 112]. 2 — мифологический персонаж с головой, как у глазастого существа, и с хвостом, напоминающий обезьяну. По мнению А. Сойера, его прототипом послужил примат из рода капуцинов [670, 278, 498]. В руке он обычно держит нож и (или) отрубленную голову. Встречается, вероятно, только на тканях, причем в двух вариантах. 2а — положение тела горизонтальное, как у глазастого существа, но тело соединено с головой более органично. Возможно, что этот иконографический вариант представлен и на керамике [671, рис. 120]. Язык, как правило, оканчивается головой-трофеем, часто вообще не показан [782, рис. 26, *a, c*]. 2б — персонаж изображен сидя (стоя?) на задних лапах. Язык не показан [272, рис. 3, *e*; 782, рис. 26, *e*]. 3 — божество, соединяющее черты персонажа эпохи чавин (стоя-

шая антропоморфная фигура без хвоста, иногда со змеями, отходящими от пояса и лба) и глазастого существа (форма глаз и рта, оскаленного, но без клыков, усы на скулах, отростки, идущие от щек, головы-трофеи на концах отростков). Головы-трофеи божество нередко держит в руках. Оно бывает показано в окружении двух обезьяноподобных существ варианта «2б» или двух кошачьих хищников [227, табл. 68—70; 277, рис. 3, f—i; 344, рис. 172; 596, рис. 2]. Данные изображения встречаются только на тканях, в основном на кусках материи, спеленывавших мумию в погребениях. 4 — двуглавая птица (есть только на тканях)¹ [782, рис. 16, 26, d]. 5 — червь или змея с головами на обоих концах тела. 6 — полнофигурные изображения кошачьего хищника; в период IX отмечен выступ надо лбом в виде ножа, в период X выступа нет. 7 — сокол. 8 — лис. 9 — кит касатка с человеческой рукой (период X). 10 — различные рыбы (период X) и птицы. 11 — съедобные растения (тыква, перец, фрукты) [550, 200, 216, 249]. 12 — люди: невыразительные стоящие фигуры (12а); сосуды в виде головы живого человека (12б) [426, рис. 429, *внизу слева*] или мертвеца (12в) [507, рис. 3; 752, рис. 2]; стоящие фигуры с жезлами (12г) и обычно с головами-трофеями в руках, в масках (?) глазастого существа [193, табл. 32; 194, рис. 100; 331, рис. 239; 550, рис. 60, с; 671, рис. 111, 122] и в одном случае лисы [550, рис. 60, d]. Изображены ли жрецы или сами мифологические персонажи, неясно, но скорее всего, что первые: все наиболее «сверхъестественные» признаки (длинный высунутый язык, отростки на теле и на голове), как правило, отсутствуют. В тех же случаях, когда они есть, похоже, что изображена маска [331, рис. 239; 671, рис. 111, *справа*]. 12д — воины (?) с дротиками. В трактовке лиц изображений воинов (?) на тканях заметны черты глазастого существа [782, рис. 3]. 12е — статуэтки обнаженных женщин с лицами монстров (?) и подчеркнутыми признаками пола [265, табл. 21; 550, 225; 752, рис. 7]. 12ж — грубо вылепленные женские статуэтки с подчеркнутыми признаками пола [730, рис. 7]. Статуэтки этого типа отнесены нами к поздним этапам паракас совершенно предположительно. Возможно, они датируются более ранним временем. 13 — геометрические изображения (стилизованные фигуры змей или рыб с трапецевидными головами); может быть, на тканях встречаются и ранее периода IX.

Ранняя группа тканей некрополис. Материалы из могильника Некрополис на п-ове Паракас были первоначально выделены в отдельную культуру [15, 162]. Позднейшие исследования показали, что среди тканей некрополис имеются две группы: ранняя, орнаментация которой стилистически близка изображениям паракас IX и X, и поздняя, с полихромными вышивками, соответствующая началу культуры наска [см., например: 712, табл. 2—6, 19, 23], с изображениями «геометрического» стиля, близкого паракас, и изображениями «условного» стиля [712,

табл. 7—10, 12—18, 20—22, 24—31], близкого наска. В указанном могильнике были, по-видимому, захоронены люди, жившие в долине Писко, создатели культуры, которая рассматривается американскими исследователями как локальный вариант позднего паракас [671, 89].

Сюжетные различия между изображениями на тканях паракас IX, X и поздней группы некрополис невелики. В некрополис также представлены глазастое и обезьяноподобное существа (второе в обоих иконографических вариантах), двуглавые змея и птица, кошачий хищник, воины с дротиками и антропоморфные мифологические фигуры [277, рис. 7—10]. Последние, однако, обладают большим иконографическим разнообразием, что, возможно, свидетельствует о наличии нескольких антропоморфных божеств [277, рис. 8, *b—e, h, i*].

Специфика идеологии ранних земледельцев побережья по иконографическим данным. Рассмотрев сюжетный репертуар изобразительного искусства ранних земледельцев перуанского побережья, попытаемся определить иконографическую специфику соответствующих культур как земледельческих, с одной стороны, и как раннеземледельческих, существовавших до появления цивилизаций с их гораздо более крупными оросительными системами, — с другой.

К сожалению, на побережье Перу пока нет изобразительных памятников, датируемых ранее III тыс. до н. э. Что касается иконографии эпохи оседлых рыболовов-собираателей-земледельцев III—II тыс. до н. э., то она также представлена небольшой группой изображений. Сравнивая их с памятниками иконографии ранних земледельцев, можно лишь заключить, что принципиальных отличий в тематике между ними нет. В обоих случаях основным объектом изображения являются животные, реже встречаются антропоморфные фигуры. Тела животных нередко образуют орнаментальные композиции. Мифологический характер всех этих изображений иногда проявляется весьма наглядно. Среди изображений протоземледельческой эпохи последнее, в частности, относится к фигуре хищной птицы в «геральдической» позе, в животе которой лежит свернувшаяся кольцом змея [226, рис. 61], и к фигурам хвостатых существ, похожих на обезьян, держащих в руках какие-то длинные предметы [348, рис. 198]. Мифологический характер изображений животных в раннеземледельческих культурах также доказывается рядом обстоятельств. Во-первых, представители фауны, встречающиеся на изображениях I тыс. до н. э., позже, в эпоху цивилизаций, изображаются в виде зооантропоморфных божеств; во-вторых, у ранних земледельцев бытовали обряды, во время которых люди надевали костюмы животных (маска лиса в паракас); в-третьих, среди изображений культур I тыс. до н. э. — начала н. э. есть такие, на которых животные показаны в позах, напоминающих человеческие (совы в ранней культуре мочика).

В то же время ни в протоземледельческую эпоху, ни в эпоху ранних земледельцев I тыс. до н. э. на изображениях (исключая подражающих образцам чавин) нет особых знаков, маркирующих фигуры мифических персонажей, четко выделяя их среди фигур людей и животных. Исключение составляет силуэт ножа надолбом кошачьего хищника в паракас, однако эти изображения появляются лишь в период IX, когда на южном побережье уже идет процесс сложения цивилизации.

Остановимся теперь на различиях между изобразительными памятниками раннеземледельческих культур и цивилизаций (см. таблицу).

Почти во всех культурах северного побережья (как раннеземледельческих, так и цивилизаций) встречаются изображения домов, отсутствующие на центральном и южном побережьях. Эта особенность явно не носит стадияльного характера.

В поздних цивилизациях северного и южного побережий появляются многочисленные изображения съедобных культурных растений, в том числе маиса. Только в наска встречаются изображения технической культуры — хлопка. Как в мочика, так и в наска распространяются фигуры мифологических персонажей с растениями в руках или с растениями, выступающими из их тел. Эти фигуры можно интерпретировать как изображения мифических дарителей культурных растений, покровителей плодородия. У ранних земледельцев изображения растений редки, изображения маиса и фигуры мифологических дарителей растений не встречаются вовсе. Относительно многих изображений плодов в раннеземледельческих культурах нельзя быть уверенными, что это не плоды дикорастущих фруктовых деревьев. В культурах чавин и лима I тыс. н. э. на центральном побережье соответствующие растительные сюжеты представлены лучше, чем у ранних земледельцев, но хуже, чем в цивилизациях мочика и наска.

В целом распространение изображений культурных растений и мифологических персонажей — дарителей растений, по-видимому, связано со сложением цивилизации, хотя степень развитости земледельческой иконографии в разных цивилизациях неодинакова.

В большинстве цивилизаций как I тыс. до н. э., так и I тыс. н. э. представлены изображения нескольких антропоморфных мифических существ, тогда как в иконографии ранних земледельцев, за отдельными сомнительными исключениями, фигурирует лишь один иконографически различный персонаж такого рода. В культурах салинар и раннее гальянасо, в эпоху существования которых в Перу не было синхронных им цивилизаций, наличие изображений антропоморфных божеств вообще сомнительно. Образы антропоморфного божества в куписнике, тембладера и раннем паракасе возникли в результате влияния культуры чавин, в то время как на иконографию культуры викус, по-видимому, повлияла мочика. Хотя ранние земледельцы побережья Перу наверняка представ-

Таблица

№ п. п.		Встречаемость групп изображений в разных культурах перуанского побережья																
		северного								центрального				южного				Топный чавин
Тематические группы изображений		купненике	темплера	салинар, пуэрто-морин	галынасо	викеу	мочика I, II	мочика III—V	раннее анкон-супе	сепро-триндад	ранняя тима	поздняя тима	паракас I—VIII	паракас IX, X	ранняя наска	поздняя наска	ежич и береговой чавин (Уака-де-лос-Рейес, Тарапай)	
1	Люди	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	р
2	Животные	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	р
3	Дома	+	—	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
4	Растения (кроме маиса)	р	р	р	р	+	—	+	—	—	+	р	—	+	+	+	?	р
5	Маис	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	р	—	—	+	—	?	р
6	Мифические существа — дарители растений	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	р	—	—	+	+	?	р
7	Один антропоморфный мифологический персонаж	+	+	?	?	р	р	+	?	+	+	+	+	+	+	+	+	+
8	Несколько антропоморфных мифологических персонажей	—	?	—	—	?	—	+	—	+	?	+	—	?	+	+	+	+
9	Зооантропоморфные существа	?	—	—	—	—	—	+	р	—	—	+	—	—	+	+	+	+
10	Чудовища	?	—	?	+	+	+	+	—	?	+	+	?	?	+	+	?	?

Примечание. Знак плюс (+) означает наличие изображения; минус (—) — отсутствие его; буква «р» — редкую встречаемость; знак вопроса (?) — неуверенность в отнесении персонажа к данной категории или в интерпретации характера изображений.

ляли героев своих мифов в антропоморфном облике, на изображениях мы не в состоянии отделить их фигуры от фигур людей.

Только в искусстве создателей цивилизаций встречаются зооантропоморфные образы. Единственным исключением, казалось бы, служит граффити с изображением бога-краба на палетке из Супе. Надо, однако, учесть, что разделить памятники «берегового чавин» и ранних земледельцев, живших в ту же эпоху на побережье, не всегда удастся. Бог-краб явно принадлежит к тому же кругу образов, что и фигура зооморфного божества (насекомого или, возможно, рыбы) с человеческими конечностями на раскрашенном рельефе в храме Гарагай [626, рис. 20]. Если даже культуру обитателей небольших поселков в Анконе и Супе надо рассматривать отдельно от культуры создателей храмовых центров, в чем далеко нет уверенности, то палетка с изображением божества могла быть изготовлена именно в храмовой мастерской.

Можно полагать, что древним перуанцам всегда были известны зооморфные мифологические герои, однако в раннеземледельческих культурах подобные персонажи представлены в облике обычных зверей и птиц, тогда как для цивилизаций характерно появление изображений, объединяющих в одной фигуре признаки какого-то определенного животного и человека.

В иконографии всех культур независимо от их хронологического, ареального и стадияльного положения встречаются изображения чудовищ, т. е. зооморфных фантастических существ, нередко химер. Для некоторых раннеземледельческих культур такого рода изображения единственные, чей мифологический характер заведомо не вызывает сомнений.

Точно так же во всех культурах встречаются изображения людей, причем в самых разных позах: сидя, стоя, откинувшись назад и пр. Среди мужских фигур представлены воины, а также, вероятно, исполнители ритуальных действий. Как мужские, так и женские фигуры обычно лишены подчеркнутых признаков пола. Во многих культурах северного побережья отмечено, правда, значительное число эротических изображений, но и в этих случаях художников главным образом интересует сюжет (вероятно, имеющий отношение к обрядовым действиям), а не анатомия отдельных фигур.

Несмотря на появление в изобразительном репертуаре создателей цивилизаций зооантропоморфных фигур, в нем сохраняются и натуралистические изображения животных, хотя по крайней мере в ряде случаев связь последних с магической практикой или с сюжетами мифов почти так же несомненна, как и соответствующая интерпретация образов, совмещающих признаки животного и человека.

В целом можно заключить, что на побережье Перу репертуар изобразительного искусства создателей раннеземледельческих культур и цивилизаций довольно схож. В иконографии ранних земледельцев нет ни одного сюжета, который бы не был представ-

лен и позже. Различия между двумя группами культур в исследуемом плане связаны исключительно с постепенным обогащением репертуара новыми сюжетами, освещающими образы различных мифологических персонажей и касающимися земледельческой тематики.

Так, распространение в эпоху цивилизаций зооантропоморфных образов и наделение индивидуальными иконографическими признаками антропоморфных существ, по-видимому, связано с формированием кодифицированных пантеонов и косвенно свидетельствует о становлении жречества как одной из ведущих общественных групп. Если в дожреческой мифологии представления о мире и божествах являются системой лишь объективно и получают выражение через множество внешне не связанных друг с другом текстов, то жрецами эта системность впервые субъективно осознается. Религиозно-мифологические представления не только унифицируются, но и подвергаются более или менее сознательной обработке. Конструируются космогонические мифы, описывающие создание мира в целом, а не только происхождение отдельных объектов и явлений. Выработка устойчивой иконографии, подчеркивающей индивидуальные признаки мифологических персонажей и такие их внешние особенности, которые отличают божества от любых существ, населяющих земной мир, по-видимому, соответствовала отбору, кодификации жрецами мифологических текстов, выработке устойчивых норм культа отдельных божеств, обязательных для всей территории, находившейся под контролем того или иного политического объединения или в зоне влияния определенного храмового центра.

Конкретный механизм того процесса систематизации религиозно-мифологических представлений, о котором идет речь, может быть понят на примере, приводимом Г. Рейчел-Долматовым [634, 249—250]. Его информатор из племени десана, в юго-восточной части Колумбии, отметил, что среди соплеменников может выделить четыре неравные по численности группы, различающиеся не столько знанием мифов и ритуалов, сколько степенью понимания их подлинного смысла, включения отдельных сведений в рамки единой концепции. К высшему слою принадлежат почти исключительно жрецы. Сам информатор относил себя первоначально ко второй группе, но после завершения работы с этнографами заявил, что отныне принадлежит к высшему слою. Иначе говоря, необходимость изложить весь набор мифов и верований привела к их осмыслению, систематизации и, можно не сомневаться, к некоторому искажению того более аморфного, обширного и противоречивого материала, который составлял первоначальный запас знаний индейца.

Разработка в эпоху цивилизации иконографических образов, реализация которых в живописи и скульптуре представляла довольно сложную художественную и техническую задачу, свидетельствует и о появлении мастеров-профессионалов, изображав-

ших персонажей пантеона, согласно твердому жреческому канону. Будучи раз выработан, такой канон оказывается необычайно устойчивым, о чем свидетельствует сохранение на протяжении тысячелетий основных признаков, служивших знаками принадлежности персонажей к миру божеств в иконографии древнейшей андской цивилизации чавин. К числу таких признаков относятся клыки ягуара во рту, змеи, отходящие от головы и от пояса антропоморфного персонажа, наделение змеи головой хищного зверя, а также некоторые традиционные композиции: стоящий персонаж в фас, держащий в обеих руках жезлы; центральный персонаж в фас с двумя профильными фигурами справа и слева от него. Проследить процесс передачи канона от культуры к культуре в ряде случаев чрезвычайно трудно. Весьма загадочной представляется, например, связь зооантропоморфных изображений, созданных в конце II—начале I тыс. до н. э. на центральном побережье (бог-краб, бог-рыба или насекомое), с аналогичными изображениями мочика первых веков нашей эры на северном побережье. Возможно, что в качестве промежуточного звена здесь нужно рассматривать одно из наскальных изображений, обнаруженных на северном побережье между долинами Моче и Виру, представляющее существо с телом животного и конечностями человека, которое напоминает одновременно и хорошо известного по вазовым росписям мочикского бога-рыбу и зооантропоморфное божество на стене храма Гарагай близ Лимы [324, рис. 23]. Поскольку цивилизации побережья II—I тыс. до н. э. и I тыс. н. э. разделены полтысячелетним периодом господства раннеземледельческих культур, можно заключить, что в последних каким-то образом сохранялась информация, которая, казалось бы, должна утратиться после падения первых цивилизаций и которая была использована, как только в ней возникла потребность.

Остановимся теперь на появлении у создателей цивилизаций изображений, связанных с земледельческой тематикой. По сравнению с раннеземледельческими культурами здесь налицо и количественный, и качественный сдвиг. Изображения культурных растений делаются более многочисленными и разнообразными, воспроизводятся фигуры божеств, выступающих в качестве дарителей растений. Подобные дарители не только становятся героями мифов (это наверняка было и раньше), но и оказываются объектами почитания, относительно чего в раннеземледельческих культурах нет никаких свидетельств. По-видимому, ситуацию, существовавшую в I тыс. до н. э. на перуанском побережье, можно сравнить с тем, что нам известно благодаря исследованиям XIX—XX вв. об идеологии земледельческих племен Амазонии. Несмотря на то что земледелие занимало ведущее положение в хозяйстве большинства племен этой области и о происхождении тех или иных культурных растений рассказывались мифы, охота оставалась единственным по-настоящему престижным занятием (если не счи-

тать, конечно, военной деятельности), с ней связывалось большинство культовых действий и магических приемов.

Причины этого в основном понятны. Во-первых, одновременно с господством производящего хозяйства в экономике соответствующих племен охота продолжает играть существенную роль. Мясо диких животных служит важным источником белковой пищи, и его постоянное потребление особенно важно ввиду низкой питательности маниока — основной культуры Амазонии. На побережье Перу с более разнообразным, чем в Амазонии, ассортиментом земледельческих культур и наличием пусть ограниченного скотоводства данное обстоятельство должно было выступать менее явно. Однако и здесь в эпоху ранних земледельцев, до значительного увеличения размеров орошаемых площадей и соответственного роста объема сельскохозяйственной продукции, охота и собирательство, не говоря уже о рыболовстве, могли занимать в экономике относительно важное место.

Во-вторых, охотничий идеологический комплекс, как и всякая идеология, обладает известной самостоятельностью, так что требуются значительные общественные потрясения, чтобы его разрушить. У земледельцев Амазонии функции идеологического лидерства осуществляют жрецы и шаманы, причем последним принадлежит главная роль в руководстве практическими, повседневными делами. Одна из основных общественных функций шамана — обеспечение удачной охоты. Десана, например, полагают, что шаманы (*пажэ*), находясь в экстатическом состоянии после приема наркотиков, попадают в жилище хозяина животных Ваи-Махсэ и договариваются с ним о количестве зверей, которые будут убиты на охоте. После этого равное число людей должно умереть и превратиться в лесных зверей, заменив животных, убитых охотниками. В жилище Ваи-Махсэ шаманы совокупляются с самками животных, обеспечивая обилие дичи. Поскольку причиной болезни десана во многих случаях считают враждебность к охотнику со стороны промысловых животных, мстящих людям через того же Ваи-Махсэ, важность установления «корректных» отношений с данным мифологическим существом, осуществляемых при посредничестве шаманов, еще более возрастает. *Куму́* — жрецы десана — затяты наиболее сокровенными вопросами культа и меньше вмешиваются в повседневную жизнь, чем шаманы. Однако и они не связаны с земледелием. На праздниках, которыми руководят куму́, проводятся ритуальные раздачи продуктов, включающих, однако, лишь рыбу и дикие фрукты [633; 634, 125—139].

Переориентировка идеологии с охоты на земледелие — серьезная ломка традиции и должна сопровождаться либо значительной трансформацией социальных групп, осуществлявших прежде идеологическое руководство обществом, либо потерей ими своей первенствующей роли и возвышением иных групп. Серьезные сдвиги должны произойти во всей общественной психологии.

Благоприятный момент для подобного переворота наступает, по-видимому, в период сложения цивилизации. Во-первых, в связи с ростом производительности труда в земледелии в результате широкого развития ирригации становится очевидной полная зависимость общества от успеха именно земледельческих работ и вместе с тем обнаруживается маргинальность остальных видов хозяйственной деятельности. Во-вторых, сложение цивилизации сопровождается изменениями социальной структуры, появляется возможность возвышения одних общественных групп и деградации других. О том, что подобного рода потрясения действительно имели место, свидетельствует, в частности, сравнительный анализ репертуара изображений культуры мочика, относящихся к разным периодам ее существования [18]. Некоторые традиции охотничьей идеологии сохраняются, однако, и в цивилизациях. Охота на крупных наземных млекопитающих остается у мочика престижным занятием. Судя по изображениям среднего и финального периодов этой культуры, ею могли заниматься лишь знатные воины. В противоположность тому земледельческие работы сами по себе непрестижны. Нам известно лишь мочикское изображение божества, прокладывающего борозды землекопалкой, но не изображения людей-земледельцев.

В данной статье, посвященной перуанским материалам, мы не касаемся вопроса о том, насколько всеобщий характер носит рассмотренное явление — значительный временной разрыв между эпохами сложения земледельческой экономики и земледельческой идеологии. Хочется отметить, однако, что идеология такого эталонного раннеземледельческого памятника, как анатолийский Чатал-Гюк, судя по многочисленным найденным там изображениям, имеет чисто охотничий характер [см., например: 10, 7; 535, 75—92].

Можно заключить, что на побережье Перу ориентированный на земледелие идеологический комплекс занял господствующее положение не в эпоху первоначального проникновения сюда культурных растений (IV тыс. до н. э.) и даже не в период, когда земледелие превратилось в важнейшую отрасль хозяйства (вторая половина II тыс. до н. э.), а лишь после сложения цивилизаций. При этом в ранней цивилизации чавин (синхронной или предшествовавшей рассматривавшимся здесь раннеземледельческим культурам побережья) данный комплекс выражен слабее, нежели в поздних цивилизациях мочика и наска, развивавшихся в начале и середине I тыс. н. э. Добавим, что еще позднее, вплоть до прихода испанцев, изображения мифологических дарителей растений продолжают занимать в иконографии важное место. Это верно по крайней мере для северного побережья. Что касается южного и центрального, то здесь с конца I тыс. н. э. искусство в значительной мере теряет свой фигуративный характер.

Н. А. Бутинов

**ОБЩИННО-РОДОВОЙ СТРОЙ
МОТЫЖНЫХ
ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ**

**(ПО МАТЕРИАЛАМ НОВОЙ ГВИНЕИ
И СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ МЕЛАНЕЗИИ)**

На Новой Гвинее и в Северо-Западной Меланезии до прихода европейцев общинно-родовой строй переживал стадию расцвета. Люди занимались земледелием и рыболовством, жили оседло, изготавливали из камня, кости и дерева орудия и оружие. Постепенно складывалось *«первое крупное общественное разделение труда»*.¹ В своей классической форме это — разделение труда между земледельческими и скотоводческими племенами. В данном районе от земледельческих племен отделялись рыболовецкие, что составляло его хозяйственно-культурную специфику. Возможны и другие формы регионального разделения труда [34]. На этой почве расцвел обмен, появились местные рынки, раковинные деньги. Ремесло, однако, еще не отделилось от производства продуктов питания, и процесс зарождения имущественного и социального неравенства затронул лишь часть племен, но и там не зашел далеко. В целом общественный строй оставался общинно-родовым.

Н. Н. Миклухо-Маклай после длительного изучения жизни папуасов племени бонгу установил, что среди них не было деления на имущих и неимущих, богатых и бедных, не было даже выборных, а тем более наследственных вождей. Но это не значит, что в жизни папуасов и меланезийцев господствовало полное равенство и не существовало никаких социальных противоречий. В частности, Миклухо-Маклай отметил, что женщины племени бонгу не имели равных с мужчинами прав [101, III, 1, 83]. Исследователи, жившие среди других племен, отмечали подчиненное положение женщин, изоляцию полов друг от друга; некоторые пишут

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 160.

даже о наличии антагонизма между полами.² Ниже мы покажем, что мужчины в данной ситуации выступают как представители родового начала, а женщины (в первую очередь жены мужчин) — семейного, и мы имеем здесь дело с противоречием между родом и семьей, которое лишь на поверхности выступает как «антагонизм» между полами.

Противоречие между родом и семьей существенно осложняет характер отношений в хозяйственном коллективе. В частности, связь между совместным трудом и коллективной собственностью на землю оказывается не прямой, а опосредствованной этим противоречием. В результате полноправным собственником земли выступает не вся община в целом, а лишь ее часть — локальный род.

Цель предлагаемой статьи — дать характеристику общинно-родовых отношений, господствовавших на Новой Гвинее и в Северо-Западной Меланезии к моменту контакта папуасов и меланезийцев с европейцами. На многих островах, особенно во внутренних районах, общинно-родовой строй сохраняется по сей день. В прибрежных районах, более подверженных внешним влияниям, многие общинно-родовые институты еще продолжают функционировать. Дело в том, что экономический базис общества даже в этих районах существенно не изменился.

Хозяйство и культура местных жителей производят сейчас на исследователей сложное и противоречивое впечатление. Тот, кто ожидает найти доконтактную культуру в нетронutom виде, обычно бывает поражен радикальностью изменений и обилием новых черт. Напротив, тот, кто ожидает найти лишь остатки прежнего состояния, приходит в удивление от степени его сохранности.

Общинно-родовой строй папуасов и меланезийцев содержит в себе общие черты, свойственные определенной ступени социально-экономического развития. Но наряду с этим он имеет и свою специфику, так как связан с определенным хозяйственно-культурным типом.

Мотыжное земледелие. Мотыжное земледелие требует больших земельных площадей (после сбора урожая истощенный участок не используется много лет, пока не зарастет лесом). Клубневые культуры (таро, бататы) быстро портятся, поэтому урожай приходится держать на корню и каждый день собирать необходимое для дневного рациона количество.

Первый акт в земледелии — выбор места в лесу для огорода и рубка деревьев. Сначала рубят большие деревья. Люди племени насиои (о-в Бугенвиль) называют рубку больших деревьев особым термином — *дака*. Затем приступают к рубке подлеска, стволы и

² Исключением является К. Веджвуд, полагающая, что мнение о принятом положении женщин в «примитивном обществе» возникло потому, что полевая работа ведется преимущественно этнографами-мужчинами. Женщины, пишет она, не обижаются на то, что они отстранены от тех дел, которые находятся в ведении мужчин [754, 191].

ветви складывают в кучи. Такая операция именуется *данкари*. После этого ограждают участок забором (выше 1 м) для защиты от диких кабанов и жгут срубленные деревья — *дуке*. Земля теперь готова для обработки. Ее разделяют на семейные участки бревнами. Члены семьи вскапывают свою землю кольями и палками, после чего производят посадку (*кене*) [590, 24], ухаживают за участком, а потом пропалывают его. Когда клубни созревают, их выкапывают каждый день столько, сколько необходимо для питания на день. Собрав урожай полностью, на огород пускают свиней. Затем этот участок оставляют на несколько лет, и он снова зарастает лесом.

Каждая семья имеет несколько огородов: на одном идут рубка и сжигание деревьев, на другом — вскапывание земли, на третьем посадка, на четвертом — уход за созреванием и прополка, на пятом — сбор урожая. Огороды сменяют друг друга, и сбор урожая ведется непрерывно круглый год.

Огороды делают в разных местах по возможности дальше один от другого. При таком их расположении неурожай на одном может быть компенсирован урожаем на других. Это означает, однако, что ходьба на огороды отнимает много времени и сил. А ходить, как уже было сказано, приходится ежедневно.

Железные лопаты, мотыги, топоры и ножи, появившиеся после европейской колонизации, облегчили расчистку участков под огороды, но тем не менее не привели к цепной реакции изменений в хозяйстве и культуре. Характер трудовых операций на огородах качественно не изменился. По-прежнему около половины всего рабочего времени уходит на рубку деревьев, возведение забора, посадку, прополку, сбор урожая.

Разделение труда между полами довольно хорошо изучено этнографами. В целом подтверждается то, что писал о папуасах и меланезийцах Н. Н. Миклухо-Маклай: «Мужчина берет на себя главные и более трудные работы (постройку хижин, тяжелую работу на плантациях, рыбную ловлю, охоту и т. д.). На женщине лежат уход за детьми, легкие работы на плантациях: им приходится смотреть за ростом посеянных и посаженных растений, полоть, собирать плоды и овощи. Дома — носить воду, собирать сухие ветви для костра, очищать плоды перед приготовлением пищи и т. д. Кормление свиней и собак лежит на них же» [101, III, 1, 435].

Мужской и женский труд отличаются один от другого, однако, не только по своим функциям, но и по своему характеру. Мужчины обычно работают группами, а женщины в одиночку. Эту закономерность отмечают все исследователи, ведшие полевую работу. Обобщая их наблюдения, Я. Хогбин и К. Веджвуд сообщают о «постоянной группе в деревне, состоящей из работоспособных мужчин» [413, 77]. Э. Шлезьер пишет о труде женщин: «Только в исключительных случаях, например при приготовлении саго, женщины работают сообща» [678, 313].

К этому можно добавить, что, хотя мужчины обычно трудятся группами, ряд операций они тоже выполняют в одиночку: на своем семейном огороде, в семейной хижине и просто в кругу семьи (готовят для себя пищу, изготавливают одежду, смотрят за детьми и т. п.). Перед нами встает вопрос о разделении труда между группой мужчин, с одной стороны, и семьей — с другой. В частности, труд на огородах поделен так, что часть операций выполняет группа мужчин, а часть — семья, состоящая из мужа, жены и детей. Расчистка участка в лесу от деревьев, возведение забора для защиты огорода от кабанов, первичное вскапывание земли — дело группы мужчин. С теми орудиями труда, какими располагали папуасы и меланезийцы (а кое-где эти орудия и сейчас применяются), такие трудовые операции, по мнению Я. Хогбина, требуют объединения усилий 10—12 мужчин. Столько же примерно мужчин участвует в ловле рыбы [413, 244].

Группа мужчин не всегда одинакова по размерам и составу: кто-то может из-за болезни не участвовать в труде, кто-то может прийти из другой деревни и поработать день-два в порядке взаимной помощи. Но часть рабочей группы остается постоянной, неизменной. Это — «нуклеус», константа, «фиксированная единица совместного труда», — так называют ее Э. Чоунинг и У. Гуденаф [294, 142]. Члены данной «константы» трудятся совместно не только в тех случаях, когда это объективно необходимо, но и в тех, когда такая необходимость отсутствует. О людях племени тоамбаита (о-в Малаита) Я. Хогбин пишет, что они любят всегда работать совместно: «Возможно, — отмечает он, — человек может что-то сделать самостоятельно, но труд в два раза легче и приятнее, когда в группе» [411, 58]. То же самое пишут Г. Шефлер о жителях Шуазеля [676, 11], В. Гровс — о жителях Табара [387, 348] и многие другие авторы о жителях Новой Гвинеи и островов Северо-Западной Меланезии.

Таким образом, отчетливо выделяется одна «константа» — группа мужчин. Вторая постоянная величина, или «константа», — это семья, состоящая из мужа, жены (или двух, иногда трех жен) и детей. После того как участок расчищен от леса, поваленные деревья сожжены, забор возведен, земля вскопана, его делят на семейные огороды. И каждая семья самостоятельно сажает на своем огороде таро, ямс, сладкий картофель, следит за созреванием, производит прополку и затем ежедневно собирает урожай. Перечисленные трудовые операции не требуют объединения усилий группы людей. Выполнение их падает в основном на долю женщин. Но глава семьи тоже работает на своем семейном участке.

Хозяйственный коллектив. Хозяйственные коллективы на Новой Гвинее и в Северо-Западной Меланезии невелики по размерам, в среднем 30—40 человек (включая стариков и детей). Такой хозяйственный коллектив либо образует отдельное поселение, либо занимает в деревне обособленную группу хижин.

Крупные деревни чаще встречаются на побережьях. Такова, например, д. Бонгу на Берегу Маклая, в которой сто лет назад насчитывалось девять вемунов (так называют здесь обособленную группу хижин) и проживали 32 женатых мужчины и 44 женщины, жены мужчин (10 мужчин имели по две жены, один — три). Мужчин на деле было больше, так как много было неженатых. В соседней д. Горенду были три вемуна, и в ней числилось 13 женатых мужчин и 15 женщин, их жен [101, III, 1, 156]. Каждый вемун территориально обособлялся от всех других и имел особое название. Вемуны соединялись между собой тропинками.

В вемуне один мужской дом и несколько (в среднем пять-шесть) женских хижин. Мужской дом, как правило, стоит в центре, а женские хижины располагаются вокруг него. Но возможны и другие варианты: мужской дом — на берегу, а женские хижины — в лесу, в гуще деревьев; мужской дом — в конце улицы, а женские хижины — по обеим сторонам ее, и т. д.

Природные условия в этом регионе, однако, весьма разнообразны, и в зависимости от них вемунное поселение может принимать различные формы. В горных районах, на склонах, где ровные площадки редки и невелики по размерам, хижины вемуна разбросаны по всей принадлежащей ему территории. Один из вемунов в р-не Вабаг занимает примерно 1 км². В центре его — горная вершина. На ней и восточном склоне горы гнездится несколько хижин. На западном и южном склонах также кое-где встречаются хижины. Имеется площадка для празднеств и обрядов. Недалеко от нее стоит мужской дом [413, 267].

В заболоченных районах, где трудно найти сухое место для поселения, жители вемуна помещаются в одном длинном доме. В нем живут все члены общины: мужчины, женщины и дети. Принимаются, однако, меры к тому, чтобы отделить мужчин от женщин и детей. У людей племени гогодара длинный дом (от 30 до 100 м) строится, например, таким образом, что для мужчин отводится средняя часть, а по сторонам в небольших каморках живут женщины (матери, жены, незамужние сестры мужчин) и дети. У пурари для мужчин либо строится отдельный дом, либо в длинном доме выделяется секция, где живут холостяки.

Колониальная администрация пыталась внести изменения в характер поселений, требуя, чтобы разрозненные вемуны сближались и образовывали компактные деревни. В результате такие деревни действительно появились там, где их раньше не было. Но, во-первых, жители прежних вемунов сохраняли свою территориальную и хозяйственную обособленность и в этих деревнях. Во-вторых, они все же продолжали жить в прежних разрозненных вемунах и лишь в редкие приходы киапа (колониального чиновника) переселялись на день-два в деревню. Влияние колониальной администрации положило начало и обратному процессу: исчезли компактные деревни там, где они были раньше, ибо устранился

один из факторов, способствующих созданию больших компактных деревень, — межплеменные войны. Люди перестали опасаться нападений извне и стали переселяться поближе к своим огородам.

Деревня в целом редко выступает как хозяйственная единица. Основные функции деревни социальные: защита от нападений извне, проведение празднеств, обрядов и т. п.

Специфика вемуна как хозяйственного коллектива состоит в том, что в нем неразрывно переплетены две главные сферы жизни: производство материальных благ, с одной стороны, и семейно-брачные отношения — с другой. Ядро вемуна составляют те, кто здесь родился, постоянно живет и находится друг с другом в родстве. Вемун, однако, не замкнут, в него можно прийти извне. Если в вемуне с разрешения его жителей поселится одинокий человек, не связанный ни с кем родством, то в скором времени он как бы вращается в местный круг родственников и его станут называть независимо от возраста того, кто говорит, — «родичем», а в зависимости от возраста того, кто говорит, — «братом», «отцом», «сыном». Другой способ прийти в вемун извне — связать себя с одним из его постоянных членов брачными узами. Поэтому все отношения между людьми в вемуне выступают в форме родственных отношений.

Другая характерная черта вемуна — стремление максимально обособить производство материальных благ, прежде всего те его сферы, где требуется коллективный труд, от семейно-брачной жизни. Коллективный же труд в основном лежит на плечах мужчин.

Мужчины либо живут в мужском доме или в секции длинного дома, либо, если они живут в тех же хижинах, где женщины и дети, имеют особый священный дом, куда женщинам и детям запрещено входить под страхом смерти. Мужчина может свободно посещать женскую хижину, где находятся его жена и дети, а также иногда — его мать и незамужние сестры. Обычай, однако, не позволяет ему проводить там слишком много времени.

Правда, сейчас ситуация во многих районах изменилась. Так, в р-не Маданг, по свидетельству Л. Мораута, ведущей исследования в 17 деревнях, большинство мужчин живут теперь в хижинах, каждый со своей женой и детьми. Но в прошлом все мужчины жили отдельно от жен и детей, в мужских домах [557, 17, 53].

Берег Маклая, входящий в р-н Маданг, расположен по соседству с этими деревнями. И мы столкнулись там в 1971 г. со сходной ситуацией: каждый из мужчин жил с женой и детьми в своей хижине. Но в прошлом мужчины и здесь жили отдельно от жен и детей, в мужских домах [28].

Немалую роль в переселении мужчин из мужских домов в семейные хижины сыграли миссионеры. В племени наканаи (о-в Новая Британия), например, миссионер в 1951 г. основал новое

поселение и поставил условие: в каждой хижине должна жить семья (муж, жена и дети); женатым мужчинам запрещено есть и спать в мужском доме. До этого жизнь мужчин и женщин была резко разобщена: женатые мужчины, вдовцы и холостяки и даже мальчишки старше 10 лет жили в мужских домах [639, 32, 36].

Подобного рода изменения в характере семейной жизни можно наблюдать и в других районах, особенно прибрежных. Что касается племен, живущих во внутренних районах больших островов, то здесь сохраняются в прежнем виде мужские дома и жизнь течет так же, как и раньше.

Стремление мужчин жить отдельно от женщин и детей, конечно, имеет свои пределы. Муж посещает женскую хижину, а иногда и ночует в ней. Муж и жена часто работают вместе на огороде. Но когда они возвращаются с огорода в вемун, то становятся как бы чужими друг другу: муж идет в общий мужской дом, жена — в свою женскую хижину.

Если изучать семейную жизнь папуасов и меланезийцев, не выходя за пределы вемуна, можно прийти к выводу, что семьи у них вообще не существует. К такому заключению, в частности, и пришли некоторые исследователи. Если же изучать семейную жизнь, не выходя за пределы семейного участка на общем огороде, то может сложиться впечатление, что семья это основная хозяйственная ячейка. Такой вывод тоже часто встречается в трудах о папуасах и меланезийцах. Более внимательно подошел к данному вопросу К. Шмитц. Он изучал семейную жизнь в племени комба и отметил, что на огороде семья — на первом плане, а в деревне — на последнем [682].

Мужской дом и общинное родство. Первое, что бросается в глаза при входе в вемун, — большой дом; в нем живут женатые и холостые мужчины. Они составляют тесно сплоченную, постоянную группу, резко ограниченную извне — живут обособленно от женщин и детей — и прочно скрепленную изнутри — едят и спят в мужском доме, вместе трудятся на огородах, совместно владеют землей, сообща решают важные вопросы вемунной жизни.

Мужской дом, говорят папуасы р-на Маданг, это наша Палата Ассамблеи. Время от времени в вемуне собирается совет мужчин — *таманиак* (букв. «все вместе»). По каждому обсуждаемому вопросу обязаны выступить все (кто не выступит, тот, согласно местному верованию, заболает). Решение принимается большинством голосов, и оставшиеся в меньшинстве обязаны ему подчиниться. Если в группе мужчин несогласия, раздоры, то устраиваются празднества, делаются подарки, пока не будет опять «одно сердце» [557, 18].

Все мужчины вемуна — члены одного рода, родичи. Но это родство особое, отличное от того, что мы называем кровным родством. Можно не иметь друг с другом никаких генеалогически прослеживаемых семейных и межсемейных связей и все же быть

членами одного рода. В племени кума почти половина членов рода приходит в род извне и как бы вырастает в него, оформляя затем факт вырастания фиксацией общего происхождения. По мнению М. Рэй, папуасы кума умышленно не прослеживают генеалогии далеко в прошлое, чтобы облегчить и ускорить вырастание чужаков в род [630, 44].

Общая еда, особенно ритуальная, — очень важный фактор в создании такого родства. В. Я. Пропп, обративший внимание на этот фактор при изучении волшебной сказки, пишет: «Общность еды создает общность рода» [130, 296]. Супруги Р. и Л. Макариус отметили у многих племен наличие «пищевой экзогамии»: люди, которые вместе едят, не могут вступать друг с другом в брак [526, 91—133]. Возможность брака для них исключена, очевидно, потому, что общая еда создает между ними родство. Такое родство по еде — специфика общинно-родового строя.

Мы познали родство по еде на личном опыте — это произошло в д. Бонгу на Берегу Маклая в 1971 г. «Мы приглашаем к себе несколько папуасов, — записал я в дневнике от 10 июля. — Они приносят жареные таро и ямс, мы угощаем их консервами, хлебом. Для папуасов совместно поесть — все равно что для нас выпить на брудершафт. У них даже есть такой термин — „братство по еде“. Теперь мы братья — *абатра*» [30, 76].

Люди бонгу называют такое родство *нгама*, люди форе — *кагиса*, что значит «время, когда солнце находится прямо над головой». Именно тогда люди форе собираются вместе и готовят общий обед. То же самое, кстати, делают и люди бонгу. *Синг гате утургу сиен* — «солнце стоит прямо над головой», — говорят они, объявляя тем самым, что наступило время еды. Термин «кагиса», пишет австралийский этнограф Р. Глесси, указывает на источник родства — «на общую еду, на которой это родство основано» [376 31].

В племени дариби о людях, связанных таким родством, говорят: «Те, кто вместе ест мясо». Жены мужчин, принадлежащие к другим родам, приходят к нам от тех, «с кем мы не едим мясо» [750, 145].

В создании такого родства участвуют помимо общей еды и многие другие факторы. Люди племени кума называют данное родство *дугум*, что на их языке означает одновременно и род, и группу людей, которые совместно трудятся [630, 41]. Следовательно, совместный труд — второй важный фактор в создании вышеуказанного родства. Я. Хогбин о жителях Бусамы пишет: «Мужчины и женщины, которые регулярно сообща трудятся и вместе едят, смотрят на себя в результате этого как на братьев и сестер» [409, 103].

Проживание людей в одном вемуне — необходимое условие постоянного совместного труда — выступает как третий фактор в создании такого родства. «Совместная резиденция, — пишет Л. Лангнесс о племени бена-бена, — создает родство» [466, 172].

И, чтобы не возникло сомнений в том, что здесь причина, а что — следствие, добавляет: люди связаны друг с другом родством именно потому, что живут вместе: обратной связи нет — они не потому живут вместе, что связаны друг с другом родством.

Племена Звездных гор называют такое родство *кага мисоль* (*кага* — «люди», *мисоль* — «нос»); букв. «люди, соприкасающиеся носами» — так здесь в образной форме выражают наличие между людьми тесных постоянных контактов. Кровное родство в *кага мисоль* не всеми прослеживается, и в числе родственников могут быть даже люди, недавно пришедшие сюда со стороны [621, 144].

Тот факт, что люди живут вместе, сам по себе создает родство между ними. На вопрос, почему они считают себя родственниками, люди племени абелям отвечают: *Нагура амеи*; *амеи* — расчищенная площадка около мужского дома, центр социальной жизни мужчин вемуна, а *нагура* — числительное «один» [439, 242].

Родство, основывающееся на жизни в одном вемуне, совместном труде, общей еде, является по своей природе общинным родством. Однако не все члены вемуна связаны таким родством, а с другой стороны, и за пределами вемуна есть родственники аналогичного типа. Возникает сложная сеть родственных связей, и причина этой сложности в том, что вемун экзогамен. Именно данная причина выделяет в вемуне постоянное мужское ядро, пришедшую часть (жены мужчин) и временную (сестры мужчин) и ведет к тому, что общинное по своей природе родство выступает как принадлежность к одному роду, клану.

Родство, основанное на том, что люди вместе живут, трудятся и едят, объединяет их в один род. Папуасы племени тангу так выражают этот принцип: «Где ты живешь, там твой гагаи; где ты работаешь, там твой гагаи; другие — не твои». К. Бэрридж, комментируя их слова, отмечает: «Люди, которые вместе живут, становятся родственниками. членами одного гагаи» [264, 69], т. е. одного рода. Люди гариа считают себя родственниками, если они вместе живут и совместно трудятся. П. Лоуренс, отметив это, пишет, что кровного родства между ними нет, но есть дружба, которую они облачают в форму фиктивного родства [487, 133]. М. Юнг, долгое время изучавший меланезийцев о-ва Гуденаф, пишет: «Когда я был в поле, я признал туземную точку зрения на кланы более полезной и смотрел на них скорее как на группы с общими обычаями, чем как на однолинейные десцентные группы» [784, 61].

М. Юнг не требует от рода фактической однолинейности. Другие этнографы, однако, требуют и, не находя ее, называют папуасский и меланезийский род «рыхлым», «диффузным», «билатеральным» и т. п. [251]. При этом они не верят папуасам, когда те утверждают, что их род однолинеен [498, 143].

На этой почве между этнографами, с одной стороны, папуасами и меланезийцами — с другой, возникают разногласия и споры. Местный житель говорит: «Имя рек — мой брат». Этнограф,

который не может заглушить в себе «голос крови» при слове «брат», но видит, что кровного родства здесь нет, возражает: «Он тебе не брат». Местный житель настаивает: «Нет, он мой брат». Я. Хогбин отмечает, что если проявить настойчивость, то можно добиться «правильного ответа» [407, 242]. Л. Лангнесс просто вынуждает папуасов племени бена-бена признать, что человек, которого они считают братом, таковым не является («If pressed they will admit that this is not really so»).

Причина разногласий в том, что в понятие «агнат» папуасы и меланезийцы вкладывают одно значение, а М. Рэй и Л. Лангнесс — другое. По существу местные жители и этнографы, употребляя одни и те же слова, говорят о разном: местные жители — об общинном родстве, этнографы — о семейном.

Многие исследователи, длительное время работавшие в «поле», прошли мимо общинного родства, не подозревая о его существовании. Так, Р. Берндт не увидел у людей племени форе родства кагиса [222], а Р. Глесси, прибывший к форе после него, обнаружил указанное родство и при этом изложил две разные точки зрения на него: свою собственную, согласно которой настоящим родством является только кровное, а общинное надо считать фиктивным, и точку зрения людей форе, по которой общинное родство такое же настоящее, как и кровное. Затем Глесси заявил, что фиктивное родство не имеет своей особой терминологии и что фиктивных родственников называют только и исключительно терминами кровного родства [376, 31]. Но это не так. У общинного родства есть своя терминология. Правда, терминов общинного родства немного, ибо оно выражает принадлежность людей к роду без различия их пола, поколения и возраста. Любой член рода называет другого члена того же рода одним и тем же термином, который можно перевести словом «родич»:

Племя	Термин родства
Мафулу	<i>Имбеле</i>
Сиане	<i>Ве роко</i>
Пурапи	<i>Аваи</i>
Гариа	<i>Сиваибо</i>
Тробрианцы (о-ва Тробриан)	<i>Вейо</i>
Каока (о-в Гуадалканал)	<i>Таутаува</i>
Сиуаи (о-в Бугенвиль)	<i>Имо</i>

Каждый род имеет свое название: по виду животного, по имени предка, по участку принадлежащей ему земли и т. д. Название рода — тоже термин родства: все члены рода, носящего данное название, — родичи.

Мы уже отмечали, что общинное родство возникает в мужском доме, в группе мужчин, и дает род, в который входят и женщины — сестры и дочери мужчин. Но эти женщины представляют в вемуне все же не столько родовое, сколько семейное начало.

В племени бусам женщину, пока она не замужем, мужчины связывают по линии семьи с родом ее отца; после замужества —

с родом ее мужа. Правда, брат нередко помогает замужней сестре, но эту связь можно отнести к числу семейных. В мужской дом женщину не пускают ни в вемуне отца, ни в вемуне мужа (раньше за нарушение запрета убивали). Ей разрешено только приносить к мужскому дому дрова и пищу [409, 22—27].

М. Рэй решительно заявляет, что род в племени кума состоит только из мужчин [630, 44]. Видимо, это утверждение слишком категорично, так как далее она упоминает о таком признаке рода, как экзогамия. Но доля истины, притом весьма значительная, в ее утверждении есть. Локальный род — мужская когорта. Женщины отстранены от родовых празднеств и обрядов, им запрещено видеть родовые святыни, слышать звуки флейт и т. д. Даже среди толаи, у которых род матрилинейный, он фигурирует под названием *вуна тараи*, где *вуна* — «фундамент», а *тараи* — «мужчина». Часть рода, локализованная в вемуне, именуется *аник тараи*, причем *аник* — «ветвь с гроздьё бананов» [738, 352]. Мужчина здесь принадлежит роду брата матери. Подростком он переходит из вемуна отца в вемун брата матери, в его мужской дом, и живет там, получает во владение участок родовой земли, приводит туда жену. Женщина этого племени пытается доказать, что если ее сын принадлежит роду ее брата, то и она сама принадлежит данному же роду, но мужчины не считают ее доводы убедительными [410, 8].

Женщина находится как бы посередине между двумя родами: родом отца (или брата матери) и родом мужа. Она не имеет прочных связей ни с тем, ни с другим [720]. Подлинный мир женщины — семья.

Женская хижина и семейное родство. В вемуне рядом с большим мужским домом, который, как мы выяснили, можно с полным правом называть родовым домом, размещается несколько небольших хижин. Эти хижины именуют иногда женскими, иногда — семейными; семейное начало олицетворяет женщина (муж большую часть времени проводит в мужском доме).

Каждый, кто войдет в семейную хижину, довольно быстро убедится в том, что в ней живут родственники. Но семья в целом, в отличие от рода, не является коллективным родственником. И нет термина, который, как у нас фамилия, обозначил бы всех членов семьи. В семейной хижине перепутались родственные нити, и каждый называет каждого особым индивидуальным термином. Поэтому нитей, а значит, и терминов больше, чем жителей в хижине. Если там живут четверо: муж, жена и двое детей, то число терминов восемь: муж, жена, отец, мать, сын, дочь, брат, сестра.

Семейное родство подразделяется на кровное родство и свойство. Первое возникает в момент рождения и является генетическим; второе создается после вступления в брак и является экзогенным. Все родственники человека — по крови и по браку — составляют в целом его родню. У каждого человека, за исключением сиблин-

гов, еще не вступивших в брак, это особая по составу и размерам группа лиц (эговая группа).

Когда мы называем семейное родство папуасов и меланезийцев кровным, то европеизируем его, по крайней мере частично.

Во многих папуасских языках (а также австралийских) слово «мать» ассоциируется с женской грудью и может быть истолковано как «женщина, кормящая грудью» [778, 921]. Кормит ребенка грудью обычно та женщина, которая его родила, и здесь можно говорить о кровном родстве, хотя оно и выражено через кормление. Совсем иначе обстоит дело с понятием «отец». Для папуасов кума, бена-бена и других отец — это обязательно родитель. Меланезийцы о-ва Манус, когда речь идет об отцовстве, «не придают физиологии большого значения» [361, 331]. Папуасы энга отводят главную роль отцу не в зачатии ребенка (это не имеет для них решающего значения), а в том, что он дает ребенку душу и устанавливает с помощью обрядов ее связь с духами родовых предков [545, 110]. Характерно понимание родства по матери и родства по отцу у папуасов племени гими, правда, не в мире людей, а в мире птиц. Родство по матери (mothering) — когда из яиц, отложенных одной птицей, вылупляются птенцы двух разных видов; скажем, из яиц, отложенных птицей феретори, вылупляются из одних — птенцы феретори, из других — птенцы фетоте. Родство по матери — одна и та же мать. Родство по отцу (fathering) — когда разные виды птиц в далеком прошлом произошли один от другого (например, моке — от ури, а ури — от куна), но сейчас они существуют независимо и каждый вид сам себя воспроизводит [377, 278]. Родство по отцу — один и тот же мужской предок.

Но главное в понятии отец — то, что он снабжает ребенка пищей, кормит его. Отец — это кормилец. Папуас племени арапеш, призывая сына к послушанию, не скажет ему, что он его породил. Он скажет: «Я добывал пищу, которая сделала твое тело» [540, 77]. Сын еще находится в утробе матери, а отец уже «кормит» его, потому что кормит жену и она перерабатывает и передает эту пищу ребенку. На о-ве Гуденаф имеется специальное выражение — *ауа веле*, что означает «давать ребенку пищу через мать». М. Юнг пишет о жителях этого острова, что *ауа веле*, т. е. «кормление» отцом ребенка, находящегося в утробе матери, «основной элемент их патрилинейной идеологии» [784, 40].

Если родители и кормилец — разные люди, то отцом ребенка считается не родитель, а кормилец. Н. Н. Миклухо-Маклай, увидев на руках у папуаски ребенка-метиса, не поверил, что отцом его является ее муж, папуас, хотя женщина и утверждала это. «Не следует особенно доверять, — писал он, — этим рассказам» [101, II, 86]. Но женщина говорила правду, только под отцом она понимала кормильца. В племени абелям юношу по имени Дьямбикун усыновил Балумам, человек из другого, чем родитель Дьямби-

куна, рода. «Дьямбикун брал пищу от Балумама, — говорят папуасы, — он ел ее, и теперь он Магна-Патэ» (так называется род Балумама) [440, 88].

Несовпадение родителя с кормильцем — довольно частое явление. На о-ве Гуденаф 42% взрослых мужчин считали родителями одних мужчин, а отцами других [784, 42]. Но еще чаще родитель и кормилец — одно и то же лицо, называемое термином «отец». И это вводит в заблуждение исследователей, толкующих данный термин как «родитель» и не видящих другого его значения — «кормилец». Соответственно термин «брат» толкуется исследователями как «происходящий от того же родителя» и упускается из виду «братство по еде», общинное родство.

Кровное родство под влиянием общинного осмысливается как родство по еде. Акт зачатия мыслится как вхождение в женщину зародыша вместе с пищей. Иногда, как полагают, бывает достаточно запаха пищи, чтобы женщина забеременела. В легенде племени киваи говорится о том, как женщина понюхала банан и в результате этого родила ребенка: «Он родился оттого, что я понюхала банан с зародышем» [144, 67].

Роль мужчины в появлении на свет ребенка не отрицается полностью, но сводится в основном к тому, что он кормит беременную женщину. Муж, не кормящий беременную жену, не считается отцом, хотя и признается родителем. На о-ве Гуденаф его называют тем же термином, что и человека, который копьем пронзил в лесу кабана и оставил там гнить, не пожелав или не сумев притащить в деревню. Если беременную женщину кормит другой мужчина, то он и считается отцом, а у родителя нет прав на ребенка. Если родитель кормит беременную жену и разводится с ней после родов, то он — отец, а мать не имеет на ребенка никаких прав [784, 40].

Осмысление кровного родства как родства по еде дает разнообразные логические ответвления. Толаи, например, «сравнивают половой акт с принятием пищи», «эндогамную половую связь с принятием самой отвратительной пищи». Адаптация полностью осмыслена как кормление. Слово «адоптировать» в буквальном переводе означает «давать ребенку пищу» [546, 7]. Люди племени кераки полагают, что мужчина тоже может забеременеть — ведь зародыш ребенка может войти с пищей и в него. Чтобы этого не случилось, кераки во время обрядов инициации суют в горло посвящаемому негашеную известь — после этого, полагают они, беременность мужчины исключена [770, 31].

Классификационное родство. Термины семейного родства под влиянием общинного приобретают классификационный характер. Дело в том, что два вида родства, общинное и семейное, существуют не в изоляции, а в тесной связи друг с другом. Ярче всего это проявляется в мужском доме, где среди родичей немало кровных родственников: старший и младший братья (при любой филиа-

ции), отец и сын (если род патрилинейный), брат матери и сын сестры (если род матрилинейный). Сын может назвать отца и брата либо общим термином «родич», либо терминами «отец» и «брат». Но выделять их особо не полагается. Все обитатели мужского дома — родичи, и каждому надо в равной мере помогать, за убийство каждого — в равной мере мстить. Все они — имо, таутаува, сиваибо, вейо и т. д. В таких условиях термины индивидуального родства относятся и к родству коллективному, ибо родовой принцип здесь преобладает над семейным. Однако родство, обозначающееся теперь каждым из этих терминов, все же значительно уже, чем то, что подразумевается под термином «родич»; термином «имо» называют всех родичей, а «брат» — только родичей мужского пола поколения Эго и т. д. Но если взять все термины, обозначающие кровных родственников по одной линии, то ими будут охвачены все обитатели мужского дома. В мужском доме два вида родства превращаются как бы в сообщающиеся сосуды и передают один другому свои признаки.

Многие исследователи делят родство, свойственное общинно-родовому строю, на семейное и тотемное, индивидуальное и групповое, онтогенетическое и филогенетическое, билатеральное и корпоративное и т. д. Первым, кто выдвинул мысль о двух видах родства, был Л. Морган, выделивший родство гентильное и негентильное и подчеркнувший, что первое было важнее второго, «потому что давало родовые права и привилегии» [558, 515].

Классификационные термины родства, если правильно записать их значение, содержат оба вида родства. Возьмем для примера несколько терминов родства племени кума в том виде, как их записала М. Рэй [630, XV—XVI]:

Термин родства	Первичное значение	Расширенное значение
<i>Дана</i>	Отец	Любой мужчина клана и поколения отца
<i>Мана</i>	Мать	Любая женщина клана и поколения матери
<i>Ангнан</i>	Брат	Ортокузен; любой мужчина клана и поколения Эго
<i>Амбиан</i>	Сестра	Любая женщина клана и поколения Эго
<i>Нганган</i>	Сын	Сын любого мужчины, которого Эго называет <i>ангнан</i>
<i>Амбулнан</i>	Дочь	Жена сына; дочь любого мужчины, которого Эго называет <i>ангнан</i>
<i>Амбинан</i>	Жена	Жена брата; жена любого мужчины части клана и поколения Эго
<i>Йенан</i>	Муж	Муж сестры; муж любой женщины части клана и поколения Эго

Чтобы не сложилось впечатление, будто племя кума имеет аномальную родственную терминологию, приведем некоторые термины родства племени сиауи в том виде, как их записал Д. Оливер [593, 34—35]:

Термин родства	Первичное значение	Расширенное значение
<i>Нука</i>	Мать	Все женщины, которых мать называет сестрами
<i>Эйо</i>	Сиблинг	Все родичи моего поколения другого пола
<i>Нури</i>	Сын	Все мужчины, которых сын называет братьями
<i>Нуре</i>	Дочь	Все женщины, которых дочь называет сестрами

М. Рэй и Д. Оливер считают семейное значение терминов родства первичным, а классификационное толкуют как результат генеалогического расширения, растяжения. Сам род, по их мнению, представляет собой генеалогическое древо, в основе которого — общий предок, с той лишь разницей, что ветви на этом древе растут с одной стороны: генеалогические связи с общим предком прослеживаются либо только через мужчин, либо только через женщин.

Качественная разница между семейным и общинным родством видна из следующей таблицы.

Родство		Точка отсчета	Родство выражает	Термин родства	Родство по крови	Родство по браку	Родственная группа
вид	источник						
Семейное	Брак и рождение	Индивид (Эго)	Отношение к другому индивиду	Выделяет, индивидуализирует	По обеим линиям	Считается родством	Родня, особая для каждого индивида
Общинное	Производство и потребление	Группа мужчин	Принадлежность к группе	Объединяет, группирует	По одной линии	Не считается родством	Род, общий по составу для всех родичей

Два вида родства, существуя в тесной и неразрывной связи, сочетаются так, что семейное дает языковую форму (термины родства), а общинное заполняет эту форму своим смысловым содержанием.

Гибридный характер классификационного родства проявляется в том, что оно по многим признакам занимает промежуточную позицию между семейным и общинным. Возьмем, например, такой термин, как анган («брат» на языке кума). В основе его одновременно и семья и род; этот термин дифференцирует (по сравнению с термином «родич») и одновременно обобщает (по сравнению с термином «брат»); точкой отсчета являются данное лицо (Эго) и одновременно группа лиц («братьев»); учитываются связи по обеим линиям, но родство по одной из них считается более близким (что видно из экзогамных норм) [252, 9].

Внутривековые противоречия. Вемун как социальный организм состоит из рода, члены которого сосредоточены в мужском

доме, и нескольких (до 10 и более) семей, обитающих в семейных хижинах. В вемуне, таким образом, сосуществуют две разные по структуре и функциям социальные ячейки: род и семья. Интересы рода защищает когорта мужчин; интересы каждой семьи — в первую очередь женщина и во вторую — ее муж, которому заботы его семьи тоже близки и важны, хотя в семейной хижине он бывает редко.

Одна из характерных черт вемунного быта — обособленность мужчин от женщин. Эта обособленность, пишет Я. Хогбин о жителях о-ва Вогео, постоянно подчеркивается в повседневной жизни. По местным верованиям, для мужчин вредно общество женщин, а для женщин — общество мужчин. Мужчины как бы составляют в вемуне правящую партию, женщины — оппозицию. Женщины упрекают мужчин в лености, имея в виду их нежелание сделать что-либо для семьи. Мужчины в свою очередь находят недостатки в женщинах. «Мужчины, — пишет Хогбин, — часто критикуют женщин за их попытки подорвать мужскую солидарность». Мужчины, например, говорят: братья до женитьбы охотно помогают друг другу и никогда не ссорятся, а после брака каждый неохотно помогает другому, и они часто ссорятся [412, 86—89]. Папуасы горных районов Новой Гвинеи полагают, что контакт с женщинами ослабляет мужчин; в своем стремлении к обособлению от женщин мужчины дошли до того, что кое-где создали культ женского духа и верят, будто женский дух как символ плодородия поможет им добиться появления на свет детей без помощи женщин [720, 163—169].

Первопричина обособленности мужчин от женщин — противоречие между локальным родом и семьей. Этот тезис можно считать новым — обычно «антагонизм между полами» выводят из половых различий или из того факта, что жены мужчин (других взрослых женщин в вемуне нет) принадлежат другим родам (в силу закона экзогамии). Однако, как это часто бывает, новое оказывается забытым старым. Еще Г. Шурц отмечал характерное для первобытных обществ стремление «обособить объединенных мужчин от общества женщин и указать им положение, возвышающее их над семейной жизнью, которая при своей исключительности могла бы препятствовать объединению человечества в более крупные союзы» [159, 110].

Суть частых конфликтов в вемуне состоит в том, что кто-то из мужчин уклонился от совместного труда на благо рода и вемуна в целом и предпочел потрудиться в это время в своей семье: на семейном огороде или в семейной хижине. В хозяйстве вемуна немало таких дел, которые могут быть выполнены силами семьи без помощи рода: починка крыши, изготовление клинка каменного топора, изготовление украшений из раковин и т. п. Более того, глава семьи может попытаться по своей инициативе начать и такое дело, где без помощи родичей не обойтись. Так, один мужчина из племени кума, не посоветовавшись с родичами, под-

готовил самолично все необходимые материалы для постройки семейной хижины, выровнял площадку, воздвиг каркас. Дальше строить без помощи мужчин было невозможно. Родичи, однако, не поддерживали его личную инициативу, постояли в сторонке, называли начатое сооружение «курытником», посмеялись и ушли. Пристыженный «единоличник» разрушил постройку и раздал бревна и доски родичам на дрова [630, 15].

Семья, однако, далеко не всегда так слаба и беспомощна, как в этом случае. В племени орокаива, по словам Ф. Уильямса, папуас часто оказывается перед дилеммой: либо община, либо семья, и если противоречие между общиной и семьей перерастает в конфликт, семья может уйти из общины [769, 106]. Такой исход конфликта для вемуна нежелателен, поэтому родичи стремятся удержать семью. «Споры стараются уладить, — сообщает Ф. Каберри о племени абелям, — чтобы не допустить выделения семей из общины и тем самым ослабления последней» [440, 335]. Тем не менее единство вемуна постоянно находится под угрозой. Это ярко проявляется, например, в племени арапеш. «Арапеш всегда стремится подчеркнуть значение семьи, — пишет М. Мид, — и оставить в тени коллектив большего размера, клан» [542, 182].

Вемун не может существовать без тесно сплоченной когорты мужчин, обеспечивающих совместный труд, и без семей, обеспечивающих, в частности, пополнение молодежи этой мужской когорты (после обрядов инициации). Ф. Уильямс решительно утверждает, что в племенях кераки не семья, а «локальная секционная группа», т.е. вемун, основу которого составляет род («секция»), играет главную роль в хозяйстве и религиозно-обрядовой жизни [770, 113]. В свою очередь семья не может существовать без того, чтобы не брать на себя ряд хозяйственных функций. В такой роли семья стремится выполнить максимум возможного и оказывается в оппозиции к вемуну, локальной группе. В результате вемун все время находится в напряжении, а каждый из мужчин — между двух огней: он одновременно и член рода, и глава семьи. Мужчина в племени лакалаи, отмечают Э. Чоунинг и У. Гуденаф, несет двойную ответственность: во-первых, он связан с группой мужчин, обязан защищать родовую землю, мстить за смерть родича и т. д., во-вторых, связан с семьей и обязан содержать детей, готовить их к самостоятельной жизни, помочь им вступить в брак [294, 119]. Часть своего времени и своих сил мужчина уделяет общим делам и часть — семейным. Подчас он и живет сразу в двух домах: одну ночь спит в мужском доме, другую — в семейной хижине.

Если присмотреться к хозяйственной деятельности семьи, то можно заметить, что семья выполняет немало функций в земледелии, рыбной ловле, охоте, строительстве хижин, лодок, плетении сетей, готовит и потребляет пищу, изготавливает одежду, утварь и т. д. Правда, есть такие функции, которые семье не под силу, ибо требуют объединения усилий группы мужчин. Но эта группа

мужчин может формироваться по-разному: на основе совместного труда, когда в рабочей группе находятся родичи, жители мужского дома (для них участие в совместном труде — обязанность, а расчищенный участок в лесу — их общая собственность), и на основе взаимной помощи, когда на семейный огород приходят люди из других вемунов, хотя участие в труде для них необязательно, а сам огород и урожай с него принадлежит семье.

В первом случае глава семьи выступает как член рода, рубит вместе с родичами лес, возводит забор вокруг общего огорода, а затем получает на этом огороде участок, на котором он сам и члены его семьи дальше трудятся самостоятельно. Во втором случае глава семьи работает самостоятельно с самого начала — выбирает в лесу место для огорода, рубит лес с помощью мужчин из других вемунов (своих родственников в других семьях и родственников жены), возводит с ними забор, а дальше семья опять-таки работает одна на своем огороде, без помощников.

Рабочая группа, составленная на основе взаимной помощи (где нуклеус — семья), может не уступать по размерам рабочей группе, составленной из мужчин вемуна на основе совместного труда. Семья в состоянии с помощью мужчин из других вемунов построить хижину и лодку, расчистить участок для огорода в лесу и обнести его забором. Можно перечислить немало фактов подобного рода.

Совместный труд и взаимопомощь — не только разные, но и противостоящие друг другу производственные отношения. На почве совместного труда формируется род, ядром которого являются мужчины. Это прочный локализованный коллектив. На почве взаимной помощи формируется родня — аморфная нелокализованная группа. Родня, пишут исследователи, — «эпизодическая группа», «ситуационная категория», «действующая только в определенных случаях» [365, 191—220; 379, 71—83; 568, 1—15]. Семья может в определенных условиях и при определенных обстоятельствах обнаружить тенденцию к хозяйственному обособлению от вемуна даже при наличии в нем постоянной группы мужчин. Это означает, что могут в принципе существовать вемуны, состоящие из двух-трех и даже из одной семьи.

Размеры вемуна действительно могут колебаться в весьма широких пределах. В 1871 г. в д. Бонгу в трех вемунах было пять семей, в двух — по две и в одной — одна семья. Один и тот же вемун меняет свои размеры в ходе времени. Посетив д. Бонгу в 1971 г., мы обнаружили, что только в одном вемуне (Улисим) было и осталось три семьи, во всех остальных число семей за истекшие сто лет либо увеличилось, либо уменьшилось. Так, в вемуне Канилю вместо четырех стало семь семей, а в вемуне Сурам тоже вместо четырех — одна семья.

Минимальный вемун, размеры которого сведены к одной семье, лишен основной хозяйственной ячейки — постоянной группы мужчин. Тем не менее он существует и справляется с задачами,

для выполнения которых необходима такая ячейка. Когда минимальный вемуна разбивает новый огород, на нем тоже трудится группа мужчин.

Отдельная семья может, оказывается, вести хозяйство с помощью временных групп, формирующихся из людей, живущих в других вемунах. Эти группы существуют недолго, от случая к случаю, и непостоянны по составу, но они все же обеспечивают семье выполнение всех хозяйственных функций.

Хозяйственная активность семьи — явление положительное, но в данных условиях лишь до известных пределов, т. е. до тех пор, пока семья не нарушает единства группы мужчин, сплоченность рода, его постоянную готовность к совместному труду.

Экзогамия и локальность брака. Приоритет рода над семьей может быть обеспечен, с одной стороны, путем укрепления родовых уз, с другой — путем ослабления семейных связей.

Родовые узы крепче семейных, потому что с принадлежностью к роду связаны основные права: на землю, на совместный труд, на помощь в беде, на участие в родовом культе, на защиту при нападении извне и т.д. Родичи живут обособленно от членов своих семей, в мужском доме, и тщательно хранят от жен и детей родовые секреты. Связи внутри семьи, однако, тоже довольно прочны: родство здесь основано на браке и рождении, и если брак можно расторгнуть, то связи между родителями и детьми, между братьями и сестрами сохраняются на всю жизнь; семья выполняет, деля труд между полами, ряд хозяйственных функций; семья может обособиться от рода, т.е. порвать родовые узы. Поэтому наряду с укреплением родовых уз принимаются меры к ослаблению семейных связей с помощью различных институтов и обычаев. Главную роль в этом деле играет экзогамия.

Казалось бы, нет ничего естественнее, чем браки внутри вемуна. В вемуне неразрывно слиты производственная и семейно-брачная жизнь. Почему бы людям, родившимся в одном и том же вемуне, не вступить в брак? Между тем браки внутри вемуна караются смертью. В Северо-Западной Меланезии экзогамия распространяется не только на род, но и на близкую родню. Правда, понятия «род» и «близкая родня», когда речь идет о брачных запретах, весьма растяжимы: у одних племен экзогамен род в целом, у других — лишь его часть; у одних — брак на кросскузинах запрещен, у других — разрешен. Люди племени каока (о-в Гуадалканал), полагающие, что человек наследует от отца кости, а от матери мясо, говорят так: нельзя жениться на дочери сестры отца — это кости отца, нельзя жениться на дочери брата матери — это мясо матери [410, 13]. Кросскузенные браки запрещены также на о-вах Сан-Кристобаль [362, 28], Бука и Бугенвиль [236, 214], в племенах абелям [439, 250], менди [318, 271] и во многих других местах. Всюду — это запрет браков между членами разных родов.

Мы легче уясним себе смысл экзогамии, если пойдем от обратного и предположим, что мужчина из рода Банан взял в жены женщину из того же рода. В каком положении окажутся остальные мужчины из рода Банан? Они, видимо, не смогут в дальнейшем рассчитывать на активное участие этого родича в их общих делах. На него, как и на каждого из них, действуют в вемуне две силы: центростремительная и центробежная. Первая с помощью родовых уз тянет каждого из них в мужской дом, в род; вторая с помощью супружеских и отцовских уз — в семью, в женскую хижину. Вемун существует лишь при том условии, что центростремительная сила больше центробежной. Между тем при браке внутри рода, наоборот, центробежная сила могла бы оказаться больше центростремительной: в род мужчину тянули бы родовые узы, а в семью в дополнение к супружеским и отцовским (которые сами по себе весьма прочны) — также и родовые (если жена — член того же рода, что и он).

Мы оставляем в стороне вопрос о том, как возникла экзогамия, нас интересует лишь ее смысл. Нам важно выяснить, почему вемун не ограничивает свои функции производством материальных благ, но активно вмешивается в семейно-брачную жизнь и жестко регулирует ее.

При экзогамном браке муж — член одного рода, жена — другого. Суть экзогамии в том, что между мужем и женой нет близкого родства — они чужие друг для друга. Экзогамия воздвигает между мужем и женой родовой и родственный барьер. Семейное родство между ними также не должно быть близким. В обществе, где родству придают большой вес, это означает очень многое.

Важную роль в экзогамном браке играет также локальный фактор — мужчина должен искать себе жену где угодно, только не в своем вемуне. Можно привести немало примеров, когда вступают в брак родичи, иногда — родня,³ но браки внутри вемуна абсолютно исключены.

Экзогамия ставит проблему локальности брака. В Северо-Западной Меланезии эта проблема решается в пользу вирилокального брака: женщина из своего вемуна переходит жить в вемун мужа. Встречаются, конечно, и уксорилокальные браки (когда мужчина переходит жить в вемун жены), но их процент невелик. Случаи перехода мужа в вемун жены (в пределах той же деревни) отмечены только на севере о-ва Новая Ирландия и, возможно, на севере Бугенвиля, но эти данные нуждаются в проверке [176, 78; 413, 250].

Женщина, переселившаяся в вемун мужа, не внушает жителям мужского дома никаких опасений. Она в этом вемуне чужая для

³ Когда члены одного и того же рода живут в деревнях, расположенных далеко одна от другой, а тем более на разных островах, браки между ними возможны, хотя и встречают некоторое осуждение.

всех, в том числе и для своего мужа. Орудия труда, оружие и прочие вещи мужа, хранящиеся в семейной хижине, — не ее вещи; в случае смерти мужа эти вещи поделят между собой члены его рода, а ей не достанется ничего. Семейная хижина тоже ей не принадлежит; после смерти мужа женщина должна покинуть ее и вернуться в тот вемун, откуда пришла.

В семье, однако, появляются дети, и тем самым возникает новая опасность для рода — родительские узы тянут мужчину в семью. Пока дети малы, эта опасность невелика: уход за ними — дело женщины. Когда же дети подрастают, опасность устраняется тем, что мальчишки уходят из семейной хижины и, пройдя обряды инициации, принимаются в группу мужчин — переходят жить в мужской дом.

В племени энга мальчик, едва достигнув пяти лет, уже слышит от отца и от старших братьев, что быть слишком долго в обществе женщин вредно; ему приказывают спать не в семейной хижине с матерью, а в мужском доме, с родичами; если он не слушается, отец его наказывает.

В мужском доме мальчик оказывается в обществе «отцов» или, если род матрилинейный, «братьев матери». Мальчик в последнем случае до определенного возраста живет в семье отца и матери, а затем покидает родной вемун и уходит жить в тот, откуда пришла его мать, «к брату матери». Там он сразу переходит в мужской дом. Состав мужского дома в вемуне таков: старшее поколение — «братья матери», младшее — «сыновья сестры». Все они совместно трудятся, сообща владеют землей и составляют род. Человек теперь принадлежит роду матери, точнее — роду брата матери. Матрилинейность, однако, не является абсолютной — семья уже достаточно сильна, и подчас отец (особенно если это вождь) удерживает около себя не только родных сыновей, но даже и дочерей (с помощью уксорилокальных браков). Матрилинейный род возникает на Новой Гвинее и в Меланезии в условиях зарождающейся имущественной и социальной дифференциации и поэтому имеет в качестве постоянного спутника особые нормы и правила для членов «благородных» семей.

Матрилинейность, укрепляя род, одновременно ослабляет семью (речь идет о семье рядового общинника). Сын живет в семье отца, но уже с момента рождения принадлежит другому, чем отец, роду. Отец не передаст ему прав на землю, не возьмет жить в свой мужской дом. Между отцом и сыном — родовой барьер. Сын принадлежит роду матери, но мать пришла извне, прав на землю здесь не имеет, доступа в мужской дом — тоже и передать сыну ничего, кроме родовой принадлежности, не может. Связи внутри семьи — между мужем и женой, между родителями и детьми — становятся слабыми. Родной сын уйдет от мужчины, а сын сестры, наоборот, скоро придет к нему.

Переход мальчика из вемуна отца в вемун «брата матери» — обычно переход из одной части деревни в другую (в деревне —

несколько вемунов, и браки преимущественно заключаются внутри деревни). Таким образом, состав группы взрослых мужчин деревни при этом остается прежним [413, 66]. Да и для самого мальчика переход малозаметен, ведь все равно он покидает семейную хижину и поселяется в мужском доме. Разница лишь в том, что он уходит не в мужской дом отца, а в мужской дом «брата матери», расположенный где-то по соседству.

В племени каока переход происходит в позднем возрасте. Мальчик вырастает в вемуне отца, получает здесь участок, вступает в брак, строит семейную хижину. Хижина стоит обычно 5—6 лет, потом разрушается, и надо строить новую. Теперь это уже не мальчик, а мужчина, у него семья. И он начинает ощущать, что жить дальше в вемуне отца ему трудно: здесь у него нет родичей, участок земли дан ему не во владение, а лишь в пользование. Он ищет свою родовую землю и строит новую хижину в той же деревне, но в другом вемуне, а именно в том, откуда пришла его мать и где живут теперь «братья матери» [410, 5, 7].

Вемун как родственный коллектив. Вемун, состоящий из обитателей мужского дома и женских хижин, представляет собой тесно сплоченный родственный коллектив. Люди племени лакалаи характеризуют вемун как «группу родственников, которые совместно трудятся, помогают друг другу во всех делах, делят между собой пищу и судьбу» [498, 144]. Жители вемуна связаны друг с другом общинным (род) и семейным родством (родня).

В основе рода лежит родство типа нгама, кагиса, дугум, кага, мисоль. Папуасы и меланезийцы называют родичей терминами «отец», «брат» и т. д. И, хотя они употребляют данные термины в широком, классификационном смысле, все же по своей природе эти термины генеалогические и оказывают влияние на общинное родство: принадлежность к роду определяется генеалогически, чаще всего по отцу; создается миф об общем родовом предке, с которым все члены рода будто бы генеалогически связаны (хотя они не могут эту связь проследить). Возникает так называемая патрилинейная идеология.

В этой «патрилинейной идеологии» папуасы и меланезийцы сочетают оба вида родства: общинное и семейное. Чужак пришел в вемун и стал родичем, тем самым он стал для одних «отцом», для других «братом», а их родовой предок сделался и его родовым предком.

Этнографы же обычно подходят к «патрилинейной идеологии» с иными требованиями — они хотят видеть только семейное родство, прослеживаемое генеалогически, по отцовской линии. И долгое время, следуя «африканской модели», они только его и видели. Среди этнографов, создававших иллюзию строгой патрилинейности, можно назвать таких крупных и известных ученых, как Р. Балмер, П. Браун, Р. Берндт, Г. Брукфилд, Д. Ватсон, М. Меггит, К. Рид, М. Рэй, Д. Райен, Р. Солсбери, Я. Хогбин, А. Элькин. «Те из нас, — пишет в этой связи П. Лоуренс, — кто сообщал

о локальных группах, отнюдь не строго однолинейных и в генеалогическом отношении весьма неоднозначных, были осуждены как глупцы и еретики» [489, 263].

Первым, кто выступил против подгонки папуасских социальных структур под «африканскую модель», был Д. Бэрнс [203]. По словам П. Лоуренса, Бэрнс грубо разбудил спящих и реабилитировал «глупцов» и «еретиков» [489, 263].

Африканский бумеранг, брошенный на Новую Гвинею и не попавший в цель, теперь, как и полагается бумерангу, возвращается обратно в Африку. Выявилось, например, различие во взглядах создателей «африканской модели»: М. Фортес настаивал, что принадлежность к группе определяется строго патрилинейно; Э. Эванс-Притчард учитывал влияние резиденции и даже отмечал, что общая резиденция важнее родства [498, 134—139]. Затем последовал призыв посмотреть, в какой мере «африканская модель» отражает реальное положение вещей в самой Африке, в частности в племенах нуэр, тив и талленси [443, 755—775]. Не исключено, что теперь в Африку будет брошен новогвинейский бумеранг и попадет там в цель.

Во всяком случае на Новой Гвинее и в Северо-Западной Меланезии принадлежность к роду определяется не столько по отцу, сколько по «резиденции», по участию в общих делах [498, 144]. Многие из родов не имеют общего предка — с этим фактом мы столкнулись, например, на Берегу Маклая [29, 174—180]. Общинное родство явно преобладает над семейным, генеалогическим.

Когда этнограф входит в папуасскую или меланезийскую деревню, он обнаруживает в ней несколько вемунов и соответственно несколько разных родов. Генеалогия каждого рода очень короткая. Она напоминает усеченную пирамиду: на самом верху два-три деда, которые были «братьями»; был общий прадед или нет — этого никто не знает, а главное, никто этим не интересуется. Таким образом, род, не имея одного общего предка, обладает несколькими разными предками, между собой «братьями». На деле же, как справедливо отмечает Я. Поувер, это — объединение нескольких, генеалогически не связанных нуклеусов, в каждом из которых есть дед, его сыновья и дети его сыновей и которые объединены «фиктивной связью братства» [621, 151]. Но бывает и так, что даже дедов не помнят, и тогда нуклеус состоит из отца и его сыновей [398, 65—70].

Все члены рода, как и следовало ожидать, называют друг друга термином «родич», а также «отец», «брат», «сын», «сестра», «дочь». Среди них есть и такие, кто поселился здесь недавно и еще не врос в род. В племени менди их именуют *ол-эбова*, в отличие от родичей — *шу-мориа*. Сын такого ол-эбова наполовину родич и называется *эбован-иши*, а сын этого эбован-иши уже стопроцентный родич — *шу-мориа*. Генеалогия соответственно перестраивается, и дед шу-мориа, который когда-то был ол-эбова, воспринимается тоже как шу-мориа, он теперь один из «братьев» в по-

колении децов. Состав вемуна постоянно меняется (одни люди приходят, другие уходят); в нем может быть до 50% ол-эбова и эбован-иши, но все они считают себя родичами в той или иной степени и постепенно вырастают в род [318, 265—280]. В племени чимбу генеалогия ревизуется тоже во втором поколении после прихода человека извне, но и здесь генеалогиями мало интересуются — все знают, что члены рода — *боромаи суара* — «одна кровь», и этого достаточно [248, 9].

В племени кума лишь треть членов рода может проследить генеалогические связи между собой. Среди родичей много пришельцев из других родов, но кума упрямо настаивают на том, что и они — тоже родичи. М. Рэй с досадой отмечает, что папуасы кума скрывали от нее тот факт, что многие члены рода — не родичи, а аутсайдеры. Здесь вращение в род происходит просто: сначала принимают в вемун, и человек участвует в совместном труде, вносит вместе со всеми плату за невесту; потом его включают в род; дети этого человека — стопроцентные родичи [630, 34—40]. В племени форе аутсайдеров принимают в род сразу, в первом поколении, и не отличают от родичей. Все они — «отцы», «братья», «сыновья» [376, 20].

Термины «родич», «отцы», «братья», «сыновья» распространяются не только на жителей вемуна, но и на всех жителей деревни. Все они, пишут Э. Чоунинг и У. Гуденаф, считают себя близкими родственниками [294, 134]. Когда этнограф задает вопрос: почему вы, члены разных родов, называете себя братьями, ему отвечают: потому что наши предки были «братьями». Получается как бы один большой род, состоящий из нескольких малых родов. В племени кума они так и называются: *дугум кембис* — «малый род» и *дугум вом* — «большой род» [630, 41]. В трудах этнографов малый род фигурирует обычно как *линидж* (lineage), а большой — *субклан*, который разделился на сегменты, на линиджи. Но, хотя субклан и состоит из линиджей, «эта сегментация, — отмечает Я. Поувер, — не имеет никакой генеалогической основы» [621, 136]. Ее основа — размещение всех малых родов в одной деревне.

Малый род может численно разрастись. От него может отделиться группа родичей и уйти в другую деревню. Получаются два малых рода, помнящих об общем происхождении. Здесь есть генеалогическая основа. В племени лакалаи такие роды сохраняют общий элемент в двойном имени (например, Холуолу Каибабо и Холуолу Татоха), общее святилище, общий пищевой запрет. Это роды-братья, и члены их, хотя и живут в разных деревнях, а иногда даже в разных племенах, называют себя родичами, братьями и т. д. Сюда добавляются роды другого происхождения, которые срастаются с остальными, складываются в сверхрод (клан). Лакалаи по пищевому запрету находят во всех племенах родичей, с которыми они связаны [294, 116].

Так обстоит дело с родовыми узами. Зародившись в вемуне (малый род), они затем охватывают всю деревню (большой род)

и, наконец, выходят за ее пределы, даже за пределы племени (сверхрод).

Однако жители вемуна и деревни связаны друг с другом не только родовыми узами, но и билатеральным родством по крови и по браку. У каждого есть род и родичи и есть родня. Связи по родне пересекают границы родов, и хотя родня у каждого своя, родовой принцип дает знать о себе и здесь: родичи называют терминами свойства всех людей того рода, откуда хотя бы один из них взял себе жену, все они теперь для них — родня.

Этнографы, работавшие среди папуасов и меланезийцев, проводят резкое различие между родом (clan, descent) и родней (kindred, cognatic group) и отмечают важное значение их обоих. Р. Вагнер считает, например, что род и родня — два основных принципа, определяющих социальную структуру племени дариби (Новая Гвинея) [750, 148]. Я. Хогбин пишет, что хотя главную роль на о-ве Вогео играет «корпоративная общность», т. е. род, имеющий свою территорию, своего вождя и спаянный обязательным для всех родичей совместным трудом, но значение родни тоже не следует недооценивать [412, 25]. С. Белшоу сообщает, что житель р-на Массим (Новая Гвинея) подчеркивает в равной мере свои связи и с родом, и с родней. Более того, он утверждает, что в одних деревнях рабочие группы строятся на основе рода, в других — на основе родни [212, 14]. Папуас д. Бусам так сравнивал значение для него рода и родни: он показал два пальца на правой руке — это отец и сын, а потом два пальца на левой — это брат матери и сын сестры [409, 20]. В связи с тем что род у папуасов данной деревни матрилинейный, брат матери и сын сестры — родичи, а отец и сын — родня.

Посмотрим, как характеризуют родство в вемуне этнографы, изучавшие его на месте.

«Небольшая группа агнатических родственников, — пишут супруги Д. и Д. Каунтс, ведущие полевые работы среди племени калиаи (Новая Британия), — вот что является минимальной хозяйственной и экономической единицей, а вовсе не домохозяйство. Мужчины и женщины этой группы совместно выполняют ряд хозяйственных функций. В некоторых случаях вемун (hamlet), обычно называемый тем же термином, что и отцовский род, выступает как единое целое» [309, 94]. Каунтс отметили только один вид родства — общинное родство, которое ведется по одной линии, отцовской или материнской, и дает род; они не придали большого значения второму виду родства, которое ведется там по обоим линиям и дает родню. Между тем семейное родство тоже играет в вемуне важную роль.

Более полную картину родственных связей в вемуне рисует У. Гуденаф, говоря о племени лакалаи. Род у них матрилинейный, и группа мужчин, играющая главную роль в хозяйстве, состоит не из агнатов, а из родственников по материнской линии. На смену нынешнему поколению взрослых мужчин придут не их сыновья,

а сыновья их сестер, что, однако, не меняет существа дела. Центром вемуна и здесь остается группа мужчин, членов рода. Но Гуденаф сообщает о важном значении и другого вида родства — родни: «Вемун (*hamlet*) в племени лакалай — это самая важная группа, осуществляющая совместную деятельность. Некоторые хозяйственные функции выполняются вемуном как таковым. Большинство других дел, требующих совместных действий, предпринимается эговой группой (*Ego group*) инициатора. Его родня (*kindred*) включает в себя всех его родственников, с которыми он поддерживает тесные (а не только номинальные) связи» [380, 9]. Таким образом, в вемуне лакалай роду противопоставлена родня, причем отмечено, что род выполняет только «некоторые хозяйственные функции», а родня — «большинство других».

Экзогамия и вирилокальный брак делят вемун на разнородные части. В племени сиуаи они таковы. 1 — *укунопо* («коренные») — часть, включающая мужчин, живущих в мужском доме и принадлежащих к одному и тому же роду, а также их дочерей (членов того же рода), пока они не вышли замуж и не ушли из вемуна. Это локализованный род, основа вемуна. Дети мужчин в укунопо не входят, ибо род у сиуаи матрилинейный. Часто укунопо носит название той территории, которой владеет вемун. Нередко и сам вемун именуют так же, как укунопо. 2 — *хотунопо* («связанные с укунопо») — обычно жены мужчин укунопо, гораздо реже — мужья женщин укунопо. Все они пришли сюда после брака, и эта часть может быть названа пришлой. Д. Оливер отмечает, что укунопо владеют землей постоянно, хотунопо — лишь временно.

Люди племени толаи выделяют в укунопо (у них *вуна тарай*) группу мужчин и называют ее *апик тарай*. Члены апик тарай живут в вемуне постоянно, а их сестры и дочери — временно, потому что после замужества они уйдут из вемуна. Эту часть вемуна можно назвать временной.

Люди племени ндуиндуи говорят, что мужчины — клубни ямса, растущие в земле, а женщины — тоже ямс, но то, что растет над землей и разносится ветром во все стороны. Все родичи — мужчины, живущие вместе, — это потомки одного предка, «клубни одного ямса». А женщины после брака уходят в другой вемун («разносятся ветром») и там рожают сыновей и дочерей; сыновья остаются с отцами, а дочери опять «разносятся ветром» во все стороны [176, 110].

Таким образом, в вемуне можно выделить три части: постоянную группу — когорту мужчин; пришлую часть — жен мужчин (они пришли в вемун после брака); временную — сестер и дочерей мужчин (они уйдут из вемуна после брака).

Так выглядит вемун как родственный коллектив. В нем функционируют два вида родства — общинное и семейное; формируются связи по роду и связи по родне; нередко существуют рядом два культа предков — родовой и семейный; все время сталкиваются

противоречивые интересы рода и семьи, что придает обычным на первый взгляд ситуациям весьма напряженный характер.

Обряды инициации. Ребенок мужского пола с годами превращается в подростка, и рано или поздно наступает тот момент, когда он перейдет из женской хижины в мужской дом, вольется в группу мужчин, станет полноправным членом рода. Переход из семьи в род при наличии противоречия между ними — это переход из одного социального состояния в качественно другое. Прежде чем войти в мужской дом, где хранятся родовые святыни, подросток должен пройти через длительные и мучительные обряды инициации.

Чтобы стать членом семьи, достаточно родиться один раз. Чтобы стать членом рода, надо родиться дважды. Обряды инициации часто изображаются, особенно перед женщинами и детьми, как смерть подростка и его второе рождение.

Носителем семейного начала является женщина, а родового — мужчина. Поэтому переход из семьи в род мыслится как отчуждение подростка от женщин и приобщение его к миру мужчин. Правда, иногда речь идет об отчуждении от семьи в целом. Я. Хогбин, например, пишет о папуасах д. Бусамы, что цель их обрядов инициации — социальное отчуждение подростка от родителей [409, 21]. Возможно, в этой деревне дело обстоит именно так. Чаще, однако, этнографы видят цель обрядов инициации в отчуждении от матери и от женщин вообще.

М. Рэй пишет о папуасах племени кума, что цель их обрядов инициации — отчуждение подростка от матери [630, 172]. В племени энга, по сообщению М. Меггит, цель обрядов инициации — отчуждение подростка от женщин вообще. Так, обряд *сангаи*, по мнению папуасов, очищает подростков от вредного воздействия на них женщин. После этого обряда подростки — «новые люди», у них «новая кожа» [544, 214, 216].

Обряды инициации мальчиков начинаются иногда в раннем детстве. В племени гахуку-гама мальчиков в возрасте 5—6 лет отбирают от матерей и заставляют часто мыться в ручье, чтобы они смыли «женскую грязь» со своей кожи; этот обряд мыслится как ритуальный отрыв мальчика от матери. В возрасте от 10 до 15 лет подростки живут в мужском доме и избегают контактов с женщинами. В возрасте от 15 до 19 лет они полностью изолированы от женщин и не могут есть пищу, приготовленную ими [176, 31]. На о-ве Вогео мальчиков в раннем детстве отнимают от матерей и заставляют спать в мужском доме; они, конечно, часто убегают оттуда к своим матерям, но мужчины их за это наказывают. Смысл последующих обрядов состоит в том, чтобы удалить «женскую кровь» из организма подростка: ему надрезают пенис. В дальнейшем юноша сам периодически надрезает себе пенис и таким образом удаляет из себя «женскую кровь» [412, 103].

Большое внимание уделяется тому, чтобы подросток не ел пищу, которая приготовлена женщинами или которая так или

иначе ассоциируется с ними. В свете того что говорилось выше о родстве, эти запреты вполне понятны: пища — один из источников родства. В некоторых племенах из организма подростка удаляют не только «женскую кровь», но и «женскую пищу», съеденную в годы младенчества и раннего детства.

По представлениям людей племени гурурумба (Новая Гвинея), «вредное» воздействие женщин на ребенка начинается еще до появления его на свет: в утробе матери в ребенка попадает «женская кровь». Потом он живет в женской хижине, и на его коже скапливается «женская грязь»; ест пищу, которую готовят для него и дают ему женщины, и в его желудке скапливаются остатки «женской пищи». Обряды инициации в данном племени имеют целью удаление «грязи» с кожи, «женской крови» и остатков «женской пищи» из организма. Сначала удаляют «грязь»: подросток входит в ручей, моется, усиленно трет тело листьями. Потом удаляют «женскую кровь», вызывая кровотечение из носа. Наконец, удаляют остатки «женской пищи»: вводят через горло в желудок гибкий ствол сахарного тростника и вызывают рвоту. После этого подросток около года избегает общения с женщинами: не берет от них пищи, не ест плодов, выращенных женщинами. Много месяцев подряд он каждое утро искусственно вызывает рвоту, часто купается, трет тело листьями, вызывает кровотечение из носа, питается только бананами, сахарным тростником — их выращивают мужчины. До самой старости он не ест ящериц, змей, лягушек, ибо существует поверье, что эти животные питаются менструальной кровью женщин [583, 265].

Такова негативная сторона обрядов инициации — отчуждение подростка от женщин и тем самым от семьи. Но в них есть и позитивная сторона — приобщение подростка к миру мужчин и тем самым к роду. Задача обрядов инициации на о-ве Вогео, согласно Я. Хогбину, — сделать из мальчика мужчину [412, 103]. Главная цель обрядов инициации в племени кума, пишет М. Рэй, состоит в том, чтобы обучить подростка «ценностям рода». Мужчины показывают мальчикам деревянные фигурки своих предков, а также священные флейты и другие музыкальные инструменты, которые женщинам и детям запрещено видеть; посвящают их в тайны родовых преданий и мифов; «учат трудиться совместно с родичами, жениться и иметь сыновей, чтобы продолжать род, быть сильным и поражать врагов рода, мстить за смерть родича, не давать роду „распадаться“; в общем — жить так, как жили их отцы» [630, 172].

Молодой мужчина, перейдя из семьи в род и из женской хижины в мужской дом, обязан свято выполнять эти наставления и подтверждать свое членство в роде повседневным участием в общих делах. Главное, что связывает человека с группой, пишет Г. Шефлер, и делает его членом данной группы — участие в общих делах группы [676, 114, 117].

Собственность на землю. Папуасы и меланезийцы четко различают территорию и землю, занятую огородами. Иногда они выделяют особо землю, на которой расположены деревни. Такое деление обусловлено оседлым образом жизни и спецификой мотыжного земледелия. Территория — нечто постоянное и неизменное, границы ее закреплены навечно. Деревни все же иногда, в пределах этой территории, перемещаются с одного места на другое. Что касается огородов, то они всегда в движении: то, что вчера было огородом, сегодня заброшено (почва истощена) и завтра зарастает лесом; наоборот, то, что вчера было лесом, сегодня расчищено от деревьев и завтра станет огородом. Если проследить смену огородных участков на протяжении нескольких лет, то выяснится, что для мотыжного земледелия необходима площадь, в десять и более раз превышающая ту, которая ныне занята под огородами. Вот почему на территории нет ненужных или ничейных участков. Ни о каком отчуждении территории не может быть и речи.

Н. Н. Миклухо-Маклай отмечал, что у папуасов побережья залива Астралабии «земля является общей собственностью» и что «эта собственность признается и уважается соседями». Далее он писал: «Туземцы не имеют представления об *абсолютном* отказе от своей земли (по этой причине я сам никогда не пытался приобрести земельную собственность на этом побережье)» [101, IV, 195].

Вся территория должна быть сохранена собственниками для их потомков, подобно тому как их предки сохранили ее для них. Само право собственности на землю обосновывается тем, что далекие предки первыми заняли территорию, возделали почву, стали собственниками земли и передают это право собственности от поколения к поколению.

Так обстоит дело, если смотреть на территорию на протяжении десятков лет, — она предстает перед нами как недифференцированное целое, сплошь занятое перемещающимися в ходе времени местами поселений и огородами. Но людям, живущим на территории, она представляется не вообще, а в данный конкретный момент, когда поселение расположено в одном месте, огороды — в других, а остальное пространство занимает лес.

Люди племени толаи различают, например, три категории земель: *гуан* — место, где расположено поселение; *пу* — огороды, возделываемые или недавно заброшенные; *лохор* — джунгли. Эти три категории легко переходят одна в другую: расчищенный лохор превращается в пу, заброшенные пу — в лохор; люди могут перейти жить в другое место, и тогда лохор превратится в гуан, а заброшенный гуан — в лохор [350, 5].

Жители о-ва Сиа (близ Новой Гвинеи) выделяют на своей общей территории ту землю, где расположены деревни, огороды и плодовые деревья. Эта земля называется *тоно донгу*. Различие между территорией и тоно донгу состоит, в частности, в том, что на тоно донгу нельзя сажать кокосовые пальмы. Кокосовая пальма начинает давать плоды через 6—7 лет после посадки и продолжает

плодоносить десятки лет, а участки на тоно донгу даются во владение лишь на короткое время (до 3 лет). Территория принадлежит племени, тоно донгу — отдельным родам [391, 196].

Э. Оган, призывающий различать первичные, вторичные и потенциальные права на землю, распределяет их между жителями вемуна в племени насиои следующим образом: первичное — главе семьи, его жене или женам, женщинам, членам его рода, женам его родичей; вторичное — его родичам — мужчинам, живущим в одном с ним вемуне; потенциальное — его родичам — мужчинам, живущим в других местах [591, 83—85]. Видимо, разговор о земельных правах Оган вел в семейной хижине, а семья у насиои действительно нередко пытается присвоить себе значительно большие, чем ей в этом племени полагается, права на землю. Если бы Оган говорил о земельных правах в мужском доме, он получил бы иную информацию. Первичным правом на землю, т. е. правом распоряжаться ею, обладают жители мужского дома, олицетворяющие род. Род у насиои достаточно силен, и права семьи на землю резко им ограничены.

Между тем взгляды Э. Огана получили поддержку со стороны других ученых, в частности Р. Крокомба и Р. Хайда. «Земля — женское дело», — пишут они, и это верно в том смысле, что больше всего на огородах работают женщины. Но когда они заявляют, будто «земля принадлежит женщинам» [313, 307, 326], то это уже ошибочно, ибо труд на огороде не дает женщине прав на владение, а тем более на распоряжение данным огородом.

В отношениях собственности на землю, когда речь идет об огородах, приходится считаться с наличием иерархии прав: распоряжение, владение, пользование. Противоречие между родом и семьей определяет положение жителей вемуна в этой иерархии. Право распоряжаться землей принадлежит локализованному роду; право владеть ею (включая передачу в пользование, завещание наследникам) — мужчине, члену рода и главе семьи; право пользования — членам его семьи, т. е. жене и детям. Землей распоряжаются мужчины — утверждают Р. Кодрингтон, Х. Турнвальд и другие исследователи [300, 4; 733, 158]. Таким образом, и в земельных отношениях противоречие между родом и семьей выступает как противоречие между полами. Я. Хогбин и К. Веджвуд решительно заявляют, что на Новой Гвинее и в Северо-Западной Меланезии женщинам редко принадлежит земля [413].

Э. Чоунинг и У. Гуденаф пишут, что в племени лакалаи земля принадлежит роду, а огород — тому, кто его возделал [294, 124]. Если, однако, учесть замечание Р. Солсбери о необходимости различать два вида прав на землю: право тех, кто распоряжается землей (речь идет о роде), и право тех, кто ее возделывает [659, 68], то можно сказать, что род у лакалаи (как и в других племенах) распоряжается землей; член рода и глава семьи владеет участком, который обрабатывает, и может передать его в пользование и завещать наследникам. Его жена и дети обладают правом пользо-

вания — они работают на огороде, собирают урожай, и на этом их права кончаются; жена теряет все свои права после смерти мужа или развода с ним.

Люди племени толаи говорят: *A nia kai ra vunataraи*, что означает «земля принадлежит роду» [350, 5]. Под термином «род» имеется в виду группа мужчин — обитателей мужского дома.

На о-ве Танга был случай, когда колониальные власти назначили кукераем (т. е. старшиной поселения) человека из другого рода. Это был «большой человек», он имел двух жен из рода — собственника земли и получил право пользования на их огороды. Но когда он возымел намерение разбить свой собственный огород на чужой для него родовой земле, члены местного рода ему отказали [211, 35].

Случай с кукераем осложнен наличием двух дополнительных факторов: во-первых, это был не рядовой общинник, а «большой человек» — подобного рода люди нередко присваивают себе земли своих жен; во-вторых, это было должностное лицо, назначенное колониальными властями, а такие люди обычно не пользуются уважением среди местных жителей. Два фактора, видимо, взаимно уравновесили друг друга, и кукераю отказали.

В том случае, когда «большой человек» присваивает себе землю жены, он обычно делает это с помощью родовых институтов: получает разрешение рода жены и поселяет на этой земле несколько ее родичей, «братьев», находящихся в его подчинении. Землей формально владеют они, а фактически — «большой человек» [294, 130].

«Большие люди» на некоторых островах добились такой власти, что позволяют себе нарушать родовые нормы. Этих случаев, выходящих за рамки общинно-родовых отношений и свидетельствующих о начале их разложения, мы здесь не касаемся.

Рассмотрим права семьи на огороды. Прежде всего семья должна жить в вемуне, чтобы получить право разбить огород и владеть им. «Собственность в отсутствии» здесь не существует [211, 55]. Семья, ушедшая из вемуна, теряет все права на землю, кроме одного — права вернуться на нее. Но право вернуться — это не право владения и не право пользования, а лишь условие, которое необходимо выполнить, чтобы получить права владения и пользования.

Каждая семья имеет на родовой земле свои огороды, трудится на них, собирает урожай. Она может это делать, потому что глава семьи — член рода, распоряжающегося землей. Такие огороды находятся во владении семей, и ни одна из них не может претендовать на огороды, являющиеся собственностью других семей. Но в отличие от рода, которому принадлежит вся территория, притом навечно, семьи владеют лишь теми участками, которые ими возделаны, и лишь в течение того времени, пока они их возделывают. Семья, переставшая обрабатывать участок, теряет на него все права, и он переходит в распоряжение рода. Любая другая семья,

живущая в вемуне, может с разрешения рода разбить на этом участке свой огород.

Таким образом, право семьи на владение землей — лишь следствие родовой собственности на землю, ее продолжение. Этим обусловлен и тот факт, что права членов семьи на землю неодинаковы. Глава семьи, член рода, имеет право владения, может завещать землю наследникам при условии, что они тоже члены локализованного рода, его родичи. Его жене, наоборот, принадлежит только право пользования. Утверждение, будто жена имеет «первичное право» на огород, можно отнести к числу недоразумений. У нее есть только одно право — работать на огороде. Она владеет этим правом лишь потому, что является женой владельца огорода, и не может никому это право пользования передать, в том числе и своим родичам.

Сложнее обстоит дело с детьми главы семьи. Если род патрилинейный, то глава семьи может завещать землю своему сыну. Земля при этом остается в пределах рода, и нормы родовой собственности с данной стороны соблюдены. Но земля остается также в пределах семьи и может со временем получить в ее рамках характер наследственной семейной собственности.

В племени вогео мужской дом (*ниабва*) построен так, что каждая семья имеет в его крыше свое стропило, которое передается в рамках семьи от поколения к поколению и свидетельствует о праве владения определенным участком земли. В новом мужском доме сын привязывает стропило там, где в старом мужском доме оно было привязано его отцом. «Крыша каждого ниабва, — пишет Я. Хогбин, — представляет собой, таким образом, нечто вроде диаграммы использования всей сельскохозяйственной земли в окрестностях» [408, 160]. Следовательно, семейное начало в земельных отношениях ворвалось в племя вогео даже в мужской дом, что, естественно, ослабляет родовой коллективизм.

В тех племенах, где род матрилинейный, внутрисемейное наследование земли от отца к сыну при соблюдении матрилинейных норм исключено: сын принадлежит роду матери и не может получить землю ни от отца (потому что отец и сын члены разных родов), ни от матери (потому что землей владеют только мужчины). Сын уходит от отца в другой вемун, к «брату матери», и там получает землю, а сюда, к главе семьи, из другого вемуна приходит «сын сестры» и здесь получает землю. При этом «брат матери» и «сын сестры» — чаще всего не родные, а классификационные «брат матери» и «сын сестры», т. е. это родство скорее общинное, чем семейное.

Матрилинейность продолжает дело, начатое экзогамией, воздвигает еще один родовой барьер между главой семьи, с одной стороны, и его детьми — с другой. Но в отличие от экзогамии, которая не терпит исключений, матрилинейность в данном регионе ни в одном племени не является абсолютной нормой: в одних племенах она осуществляется примерно наполовину (такие племена называют амбилинейными), в других — на три четверти (в этих

племенах существуют различные способы передачи земли от отца к сыну, связанные с материальными затратами). «Большой человек», как правило, передает землю сыну, улаживая подарками «сыновей сестры» и их родичей.

А. Эпштейн усматривает противоречие в сообщении Д. Оливера, согласно которому у сиауи собственником земли является матрилинейный род (*нороукуру*) и в то же время землю мужчины наследуют его дети [350, 2; 594, 112, 230]. Между тем если здесь и есть противоречие, то оно не в сообщении Оливера, а в жизненном укладе самих сиауи и других матрилинейных племен. Брак в этих племенах всюду, как правило, вирилокальный и семья состоит из мужчины, живущего на своей земле, его жены и детей, членов другого рода. Семья на первых порах для человека важнее, чем род, и соответственно отец важнее, чем «брат матери». Связь с отцом и родом отца сильна и в зрелые годы [407, 239]. В племени лакалаи все личные вещи человека переходят к его детям и детям ближайших родичей, и только его земли — к «детям сестры» [294, 127]. Нередко бывает и так, что земля мужчины тоже наследуется его детьми, что, естественно, вызывает недовольство «детей сестры».

На о-ве Сан-Кристобаль земля, кокосовые пальмы, раковинные деньги после смерти мужчины наследуются «детьми сестры», но при жизни мужчины его дети возделывают его огороды, собирают урожай кокосовых орехов и даже могут тратить раковинные деньги. Однако после смерти отца они должны все же возместить эти деньги «детям сестры». Конечно, на этой почве не могут не возникать конфликты.

В некоторых матрилинейных племенах эти конфликты разрешались, к взаимному удовольствию обеих сторон, с помощью кросскузенных браков. В матрилинейных обществах Северо-Западной Меланезии билатеральный кросскузенный брак широко распространен и имеет действительную силу в деле улаживания споров о земле [677, 280]. После того как миссионеры наложили запрет на такой брак, число земельных дел в судах увеличилось. На вопрос: «Может ли мужчина жениться на дочери брата матери или на дочери сестры отца», насильно ответили: «Конечно, мы так и делали, пока миссионеры нам не запретили, сказав, что это похоже на брак на сестрах. При таком браке земля и ценности остаются в одном месте. А теперь, когда миссионеры запретили, у нас много споров о земле» [591, 172; 592, 114].

В других матрилинейных племенах споры о земле улаживались с помощью празднеств: мужчина устраивал для родичей большое празднество в честь своего отца и получал право на его землю [592, 17]. Но при этом оставались недовольными «сыновья сестры отца». А так как случаев с устройством празднеств довольно много, то и число недовольных весьма велико.

Служащие колониальной администрации, перегруженные разбором в судах земельных тяжб, пришли в свое время к выводу, что главной причиной всех тяжб является амбилинейность, кото-

рая дает возможность передать землю по выбору либо родному сыну, либо «сыну сестры», и при любой передаче кто-то остается обделенным и обращается в суд. Один из служащих создал теорию, согласно которой до колонизации существовало будто бы однолинейное наследование и споров о земле не было, и внес предложение ввести в принудительном порядке однолинейную передачу земли, но его предложение было отвергнуто [676, 35].

Амбилинейность существовала и до прихода европейцев. Она возникла как результат внутреннего социально-экономического развития: развития обмена, появления местных рынков и раковинных денег, накопления материальных богатств в отдельных семьях, превращения «больших людей» в наследственных вождей, возникновения в некоторых местах тайных обществ и т. д. Эти процессы затронули сравнительно небольшую часть племен, к тому же они вызваны разделением труда между племенами земледельцев и рыболовов, и рассмотрение их должно быть предметом самостоятельного исследования.

* * *

В данной статье мы попытались охарактеризовать основные институты общинно-родового строя мотыжных земледельцев Новой Гвинеи и Северо-Западной Меланезии. С нашей точки зрения, эти институты можно глубже понять, если рассматривать их на фоне противоречия между родом и семьей. Особенно хочется подчеркнуть такие черты, как наличие рода, несмотря на отсутствие веры в происхождение от общего предка; связь общинного родства с коллективным производством и потреблением; связь классификационного родства с семейным (таким, как у нас) и с общинным (какого у нас давно нет).

Противоречие между родом и семьей — общая закономерность общинно-родового строя, но в разных природных и хозяйственно-культурных условиях, в том числе и при стадийной синхронности, она может давать разные результаты. Даже среди мотыжных земледельцев хозяйственные коллективы могут состоять в одних случаях из родичей, в других — из родни.

Специфика общинно-родовых институтов у народов, принадлежащих к разным хозяйственно-культурным типам, может оказаться большей, чем мы обычно полагаем. Наши выводы имеют ограниченное поле действия, и им не следует приписывать глобальный характер.

**ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
МОТЫЖНЫХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ИНДИИ**

В настоящее время в Индии мотыжные земледельцы сохранились в основном в горных районах, где естественные условия не располагают к развитию пашенного типа хозяйства и мотыжное земледелие остается основной экономической базой. Будучи особым хозяйственно-культурным типом, мотыжное земледелие у индийских горцев, как и у других народов, подразумевает определенный комплекс связанных с ним явлений и институтов социального плана [154, 169]. Стадиально мотыжные земледельцы Индии отличны от плужных земледельцев равнин, хозяйство которых все более уверенно развивается по капиталистическому пути.

Сейчас общество горных земледельцев (во всех его локальных вариантах) находится в состоянии трансформации. С установлением стабильных контактов с соседними народами равнин горные племена стали объектом разнородных влияний, к восприятию которых они не всегда были достаточно подготовлены. Хозяйство горных земледельцев все в большей степени оказывается в зависимости от обмена, в который они были вовлечены сразу после выхода из изоляции и который превращается для многих из них в жизненную необходимость. Это вызывает цепную реакцию изменений во всей социально-экономической структуре общества, приводит к нарушению традиционных социальных норм и культурных ценностей. Среди недавно еще единых в экономическом смысле мотыжных земледельцев появляются различные имущественные категории, часть вообще отрывается от земли, земледелие приобретает все отчетливее товарный характер. Меняющийся характер социальной структуры — совершенно особая тема. Наша же задача состоит в том, чтобы выделить те социальные явления и институты, которые характерны именно для общества мотыжных земледельцев.

Не все горные народности Индии являются мотыжными земледельцами. В горах Южной Индии некоторые племена не достигли земледельческой стадии и поныне остаются собирателями и охотниками. Отдельные народы Центральной Индии практикуют пашенное земледелие. Наконец, встречаются племена и со специализированной профессионализацией (скотоводы тогда и др.). В наибольшей степени черты хозяйственно-культурного типа мотыжных земледельцев сохранились у горных народов Северо-Восточной Индии. Этнически эти народы, отличные от равнинного населения того же региона, принадлежат к тибето-бирманцам (группы нага, бодо, куки-чин, пригималайские племена) и мон-кхмерам (кхаси); таким образом, они отделяются от равнинных народов не только географическими барьерами, но и разностью происхождения и языка, что нашло выражение в большей по сравнению, например, с горными народами Центральной Индии специфичности их традиционных социальных форм, которые не испытывали заметного воздействия индуистской культуры («санскритизации»). Значительная часть народов Северо-Восточной Индии сохранила свои этнические территории, что также помогает им сохранять свою целостность.

Особый интерес представляют горные народы Северо-Восточной Индии и с точки зрения категории «хозяйственно-культурных типов», могущих помочь пролить свет на одну из исторических загадок Азиатского континента, а именно — на удивительное, доходящее до полного тождества совпадение многих явлений культуры у племен и народностей, расселенных в различных уголках Юго-Восточной Азии и разделенных не только многими сотнями километров морей и горных хребтов, но и различием происхождения и генетических связей. Например, такие совпадения в хозяйстве, антропологическом типе, материальной культуре наблюдаются у нага, индонезийских даяков, некоторых филиппинских племен и др. [81, 9—10]. Если вспомнить определение хозяйственно-культурного типа, принадлежащее Н. Н. Чебоксарову [154, 169], то совпадение многих черт культуры можно объяснить принадлежностью к одному и тому же типу мотыжных земледельцев, хотя это не снимает всех вопросов (полное тождество внешнего облика, совпадение отдельных деталей, не вытекающих из особенностей географической среды, и т. д.).

Естественной средой для рассматриваемых народов является лес, который поныне занимает большую часть Ассамских гор. Еще сравнительно недавно это были высокоствольные джунгли, с относительно редким населением. В этих условиях мотыжное земледелие неизбежно выступает в форме подсечно-огневого (древнейший способ расчистки леса под поле), с помощью которого были некогда сведены леса на всем протяжении великих индийских равнин. Подсечно-огневое земледелие, известное в Северо-Восточной Индии под широко распространенным названием «джхум», требует для нормального функционирования определенных условий, прежде всего наличия достаточного количества свободных земель,

площадь которых должна в несколько раз превосходить площадь постоянного поля, и обилия естественной влаги. Этот характер джхума и определяет необходимость сохранения постоянного резерва свободного леса. Подсечно-огневое земледелие может успешно практиковаться в течение столетий, до тех пор, пока соблюдается баланс «человек—среда». С ростом населения эксплуатация леса интенсифицируется, сокращаются сроки отдыха земли, ухудшается лес, постепенно возникает угроза эрозии почвы [82, 49—50]. Когда этот процесс заходит достаточно далеко, приходится искать новые пути хозяйственного развития. Одним из таких путей является развитие орошаемого земледелия.

Орошаемые поля появились у отдельных народов достаточно давно: во всяком случае первые очевидцы в середине прошлого века отмечали наличие их у ангами нага, кхаси, хотя ведущей формой земледелия оставался и у них джхум. В последние годы переход к орошаемому земледелию становится все более массовым и приобретает организованный характер, пользуясь поддержкой правительства. Так что в настоящее время, определяя хозяйство горных земледельцев Северо-Восточной Индии, надо иметь в виду как подсечно-огневое земледелие, которое, подчеркиваю, является традиционным для данной территории, так и орошаемое. При этом важно отметить, что, и переходя к орошаемому земледелию, горцы остаются мотыжными земледельцами, ибо в условиях Ассамских гор орошаемое земледелие принимает чаще всего форму террасного. Террасы, выработанные с помощью простейших орудий на крутых склонах, обычно узкие и небольшие по площади, не создают условий для применения тягловых животных. Таким образом, переход к орошаемому земледелию для горных народов Северо-Восточной Индии — это переход не к высшему этапу, плужному хозяйству, а лишь на следующую ступень того же мотыжного земледелия. Между тем по своим социальным последствиям появление полей орошаемых, полей постоянного типа, можно считать в той же мере этапным для индийских горцев, в какой этапным является переход к пашенному земледелию для народов, живущих в иных экологических условиях.

Дело в том, что джхум для горных народов составляет ту основу, на которой сформировалась и зиждется вся общественная постройка, сама община. У примитивных земледельцев особенно сильно ощущается прямая зависимость социальной надстройки от базиса. Поэтому с изменением базиса проявляются несоответствия между прежними социальными институтами и новым типом хозяйства и наступает более или менее протяженная во времени ломка старых форм и представлений.

Не следует, однако, думать, что подсечно-огневой способ земледелия породил некую социальную структуру, единую у всех народов, практикующих джхум. Напротив, варианты социальных структур отличаются крайним разнообразием, что вызвано затрудненностью контактов часто даже между отдельными

деревнями одного народа. Но все эти разнородные по форме институты или непосредственно вытекают из особенностей системы земледелия, или находятся с ней в большем или меньшем соответствии. Сам характер поселений горных народов определяется их земельной системой: размеры поселений лимитируются количеством пригодной для обращения в поле земли (леса), перемежение деревень и площадей резервного леса создает разбросанность поселений. Это было одной из причин того, что историческое развитие горных народов шло не по линии создания крупных региональных объединений и политической унификации, а по линии сегментации общества на автономные деревенские общины [263, 2]. Отсутствие политической централизации характерно практически для всех народов Ассамских гор.

С джхумом связан и определенный характер труда. Концентрация общинного джхума (каждый год выбирается и рассчитывается из общего деревенского фонда определенный участок леса, который затем делится на наделы) требует соблюдения единых сроков основных операций сельскохозяйственного цикла. К тому же большая, чем при орошаемом земледелии, зависимость от атмосферных осадков усиливает потребность в обмене трудом (успеть сжечь лес до начала дождей и т. д.), что нашло выражение в освященной традицией взаимопомощи. Ряд работ при низком уровне развития технологии просто невозможно производить без кооперации усилий (расчистку участка, сожжение леса).

Тесная связь подсечно-огневого земледелия с природным окружением сказывается в той заметной роли, какую продолжают играть в хозяйстве горцев лесные промыслы — сбор лесных продуктов и охота. При суходольном джхуме нет необходимости в постоянном наблюдении за состоянием ирригации и для части деревенских жителей оказывается возможным выделить определенное время для сбора дикого меда, каучука, различных лесных плодов и ценных видов древесины и пр., которые в последние годы пользуются растущим рыночным спросом и потому идут в значительной степени на обмен, составляя немаловажную часть дохода горцев. Ремесло чаще всего носит домашний характер и за очень редкими исключениями (например, кузнечное ремесло) не отделено от земледелия. Внутренний обмен у горных народов был всегда достаточно оживленным. В последние годы, по мере того как обмен приобретает товарный характер, все большее число товаров покупается извне, следствием чего является постепенное угасание ряда кустарных промыслов (местные ткани заменяются покупными предметами одежды, продукция деревенских гончаров — металлической и стеклянной посудой с равнин и т. д.).

Связь системы земледелия с социальной структурой горных народов осуществляется в первую очередь через права собственности на землю. С точки зрения мотыжного земледельца, основное мерило ценности земли — вложенный в нее труд; следовательно, оценивать землю можно только пока она находится под обработ-

кой. Горные поля, которые лишь короткое время служат сферой приложения людского труда, а значительно больший срок остаются под лесом, не ощущаются горцами как собственность. Отсюда — преобладание коллективных форм землевладения. К числу коллективных владельцев земли относятся община в целом, группа кровных родственников (род или его подразделения) и тот или иной общинный коллектив (квартал общины — кхель, мужской дом и др.). В некоторых случаях владельческие права могут разделять два и более коллектива при определенной соподчиненности этих прав. Особенность земельных прав у земледельцев Северо-Восточной Индии заключается в том, что они целиком находятся у «малых» группировок в пределах от семьи до рода или общины, а какой-либо верховный собственник, стоящий над ними, отсутствует [656, 32].

Коллективное землевладение повсеместно сочеталось с индивидуальным, семейным землепользованием. Выращивание урожая и его реализация целиком принадлежит конкретной семье, между членами которой существует привычное распределение хозяйственных прав и обязанностей.

Хотя джхум как в силу отмеченного отношения горцев к временным полям, так и из-за неизбежных постоянных переделов, позволяющих коллективному владельцу поддерживать контроль за распределением наделов, препятствует индивидуализации земли и концентрации ее в одних руках, тем не менее у ряда народов можно наблюдать более или менее отчетливые тенденции к переходу владельческих прав от коллективов к отдельным семьям. В этом процессе можно наметить два направления. Одно, традиционное, уходящее своими корнями в прошлое, — это постепенное сосредоточение землевладельческих прав в руках общинных и родовых глав. Чаще всего такая узурпация землевладельческих прав вождями (нередко формальная, носящая в основном престижный характер) была связана с практиковавшимся у некоторых народов обычаем переселения на незанятые земли группы общинников во главе с одним из сыновей деревенского вождя, который и объявлял себя владельцем прилегающих к новой деревне земель, хотя фактически последние распределялись между всеми переселенцами (но с сохранением новым вождем некоторых преимуществ). Данный процесс имущественного усиления деревенских глав не получил завершения у большинства народов, ибо был остановлен крутыми переменами последних лет. Другое направление — присвоение отдельными малыми семьями владельческих прав на надел, которым они раньше пользовались. Этот процесс особенно форсируется в последнее время, когда в ряде районов по мере роста населения и соответствующего уменьшения количества леса на душу появляются признаки малоземелья.

Итак, коллективизм землевладения у горных народов в немалой степени связан с особенностями способа производства. Это становится вполне очевидным при наблюдении за процессами, которые

имеют место при появлении орошаемых полей. Хотя террасное земледелие у горцев принадлежит тоже к типу мотыжного земледелия, однако вся система социальных связей с его появлением в корне меняется. Орошаемое поле — постоянное, труд прилагается к нему непрерывно, поэтому человек ощущает себя реальным хозяином расчищенной им под террасное поле земли. Заливное поле создается целиком силами одной семьи и находится вне общинного контроля. Возникает понятие «семейная собственность на землю и воду». Присутствие в общине людей, владеющих дополнительным к общинному наделу участком, приводит к нарушению равенства общинного коллектива. Недаром Ф. Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» рассматривает процесс исчезновения старой коммунистической домашней общины параллельно с ликвидацией коллективных прав на землю.¹ Нарушение коллективного землевладения приводит постепенно к необратимым переменам во всей социальной структуре общества.

Таким образом, переход от одной формы мотыжного земледелия к другой знаменует качественно новый этап в развитии общины в целом. Решающая роль принадлежит фактору стабильности поля, который в горных условиях оказывается важнее, чем появление тяглового скота. О равнозначности по последствиям перехода к орошаемому земледелию в горах переходу к плужному земледелию в равнинных районах свидетельствует и тот факт, что в тех отдельных случаях, когда в горах земледелие принимает форму плужного (например, орошаемые поля у гаро устраивают обычно в силу особенностей рельефа не в виде террас, а используя для них горные долинки, где оказывается возможным применять тягловый скот), результаты его точно такие же, как у горцев, которые и орошаемые поля продолжают обрабатывать ручным способом.

Важно отметить еще одно обстоятельство. Качественные перемены в структуре, сопровождающие переход от одной формы мотыжного земледелия к другой, у горных народов стали проявляться лишь в последнее время, когда после установления постоянных контактов с равнинами были созданы предпосылки, необходимые для развития товарного хозяйства. У ряда народов Ассамских гор орошаемые поля имелись еще в прошлом веке, и хотя уже тогда они целиком принадлежали земледельцу (а не общине), тем не менее целостность общинных связей не нарушали: эти связи оставались обязательными и для владельца орошаемого поля. Лишь когда создаются условия для реализации прав безраздельного распоряжения полем, владельческие права на орошаемые поля превращаются в частную собственность на них, что означает начало распада общинного коллектива.

С характером распределения земли очень тесно связаны вся внутренняя структура общины горных народов, система власти,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 164.

степень сохранения родовых категорий и других традиционных институтов. Учитывая эти обстоятельства, можно, хотя и с достаточной долей условности, все горные народы подразделять на две основные группы.

К одной относятся народы, у которых коллективное землевладение оставалось основой социальных связей (организация последних выступала как общинно-родовая), система личной власти не получила развития, в общине сохранялся дух демократического коллективизма. К числу этих народов относятся большинство нага (кроме сема и коньяк), гаро, кхаси, куки из группы куки-чин и др. Ко второй группе принадлежат сема, коньяк нага и народы чин из группы куки-чин. В силу причин исторического порядка у народов второй группы получила развитие сословная стратификация общины, власть вождя носила автократический характер, имела место большая или меньшая узурпация общественной земли наследственным главой общины, родовые категории трансформировались в сословные. В настоящее время различия между обеими группами народов постепенно стираются, ибо у всех горных земледельцев идут сходные процессы (хотя и разные по интенсивности) товаризации хозяйства, индивидуализации земельной собственности, ослабления родовых и общинных связей.

Для народов первой группы характерной чертой социальной структуры является сплав общинных и родовых институтов. Эта неразрывность связей проявляется (или проявлялась в недавнем прошлом) во всех областях социальной жизни: в системе управления (в общинный совет входили родовые старейшины); в области землевладения (родовая земля часто служит базой формирования общинной земельной собственности); в членстве в общине. Лишь недавно, и то не у всех народов, перестало быть обязательным положение о том, что только членство в составе определенного рода дает права гражданства в общине. В частности, для получения права на общинный надел человек должен был входить в один из деревенских родов (хотя бы на началах адаптации).

Родовая организация у горных народов Северо-Восточной Индии существует в двух формах: матрилинейной (у тибето-бирманцев — гаро, мон-кхмеров — кхаси) и патрилинейной. Интересно отметить, что матрилинейные народы Ассамских гор принадлежат к числу наиболее развитых этносов, особенно кхаси, которые по общему уровню культуры приближаются скорее к развитым народам равнин, чем к горным племенам. Матрилинейность у них не является признаком примитивности развития, так же как и сохранение развитой родовой организации в целом отнюдь не свидетельствует об архаичности их структуры; напротив, к числу таких народов относятся политически наиболее активные нага, кхаси и гаро, которые в настоящее время добились создания собственных автономных штатов.

Родовая организация у горных народов представляет собой сложную систему разных родов и их подразделений, структурная

схема которых у многих племен однотипна. Ее стержень — три изначальных рода, имеющих в своей основе древнюю дуальную организацию. Большинство бытующих родов образовалось в результате дробления первоначальных родов и в свою очередь дает начало новым под родам и более мелким подразделениям.

Все эти родовые подразделения — разросшиеся и децентрализованные категории, и вся система в целом имеет в некотором роде умозрительный характер. Основные свойства родов: экзогамия, которая по мере разрастания старых генеалогических групп переходит к их подразделениям; общее родовое имя; чувство родства и дружбы, проявляемое даже по отношению к впервые увиденным сородичам; в отдельных случаях — общий ритуал. Эти роды, даже те из них, которые выступают как собственно род и являются носителями экзогамии, из-за дисперсного характера и чрезмерной численности (они включают нередко несколько тысяч человек) «никогда не выступают как коллектив» [656, 53]. Где же в таком случае находится род, который при любом описании деревенской общины выступает в качестве живой и активной силы, следит за выполнением обычного права, принимает живейшее участие в разрешении всех деревенских конфликтов, враждует или вступает в союз с другими родами той же деревни? Таким реальным коллективом является часть рода, локализованная в конкретной деревне. Каждый род фактически существует как сумма этих отдельных, локализованных в ряде деревень частей. В англоязычной литературе для обозначения такой группы чаще всего пользуются термином «линидж».

Каждый линидж представляет собой группу кровных родственников, живущих в одной деревне, часто в одном деревенском квартале, и сплоченных друг с другом, естественно, теснее, чем с другими членами своего рода. Но (это важно подчеркнуть) линиджи в чистом виде нигде не существуют. Реально члены линиджа всегда живут с женами (в патрилинейных обществах) или с мужьями (в матрилинейных), вместе с которыми образуют резидентную группу, состоящую, таким образом, из семей, имеющих общее родовое ядро. В деревне обычно кроме нескольких основных линиджей есть еще представители того или иного рода, которые не входят в деревенские линиджи, но являются членами одной из резидентных групп. Родовой состав деревенской общины оказывается, следовательно, достаточно сложным.

У разных народов степень активности линиджа различна, так же как место, которое он занимает в деревенской организации. При этом следует различать роль линиджа как кровнородственной категории и роль резидентной группы в целом. Чаще всего в виде единого коллектива выступает последняя, но есть ряд функций, которые касаются в первую очередь людей одной крови: руководство и контроль за религиозной и социальной жизнью сородичей, поддержание закона и порядка в общине, регулирование брака членов своего рода.

Подобная система линиджей зафиксирована у большинства нага и матрилинейных гаро [224, 121; 262, 23]. В то же время у мотыжных земледельцев встречаются и иные типы родовых структур. Примером могут служить матрилинейные кхаси, у которых система родовых подразделений не имеет следов дуальной организации, а в деревне присутствуют не два-три основных линиджа, а мелкие сегменты 10 и более различных родов, не образующие территориальных общностей [570, 120—121].

Несмотря на значительность места, которое и в наши дни занимают родовые институты в социальной организации многих горных народов (саму эту организацию можно определить как общинно-родовая), прогресс их общества приводит к последовательному вытеснению родовых категорий из различных сфер жизни. Экономические позиции рода были подорваны уже давно, продолжается утрата его влияния в сферах социальной и семейно-брачной (замена старой родовой элиты новой, родовых советов — выборными советами — панчаятами, ослабление зависимости семьи от влияния сородичей и т. д.). Надо отметить, что у ряда народов второй группы разложение родовой системы уходит своими корнями в далекое прошлое: у них шли процессы перерождения родовых институтов, становления на базе старых родов социально неравноценных, нередко эндогамных групп. Такое возникновение сословий на базе родов — традиционный для Северо-Восточной Индии путь стратификации общины. У некоторых народов (преимущественно у чин) этот процесс связан с проблемой «старшей» и «младшей» ветвей рода: деление на них, которое первоначально сказывалось в незначительных, чисто престижных деталях, с течением времени может стать базой для возвышения группы родов, превращения последних в «благородные» и возникновения иерархии родов [83, 137]. Наибольшего развития данный процесс достиг у лакхеров, чьи роды (роды лишь по названию, ибо они утратили основные свойства, присущие кровнородственным категориям) располагаются на различных социальных уровнях, образуя отчетливые сословия, в которых тем не менее достаточно прозрачно проглядывает родовая основа. Хочется отметить преобладание чисто социальных факторов среди тех, которые вызвали выделение этих сословий. В этом смысле народы Северо-Восточной Индии не представляют собой исключения среди народов Востока. Безусловно, при выделении высшего сословия имущественные причины играли немалую роль. Однако экономическое преимущество оставалось лишь одним из факторов в ряду таких, как принадлежность рода, на базе которого формируется сословие, к старшей ветви племени или к числу первоначальников; личные качества вождя, вокруг которого группируется аристократическая прослойка, создающая ядро высшего слоя, и т. д. Социальное положение человека определяется по его принадлежности к тому или иному роду. На рассматриваемом этапе развития обычно происходит периодическое

выравнивание экономических уровней общинников через социальные церемонии типа потлача или путем вложения излишков средств в покупку «прав на землю», как это делают гаро, у которых наличие таких прав обеспечивает только социальный престиж, не давая никаких реальных прав на купленную землю. На уровне подсечно-огневого земледелия ни одно из обществ горных народов Северно-Восточной Индии нельзя считать достигшим классового уровня. Проникновение товарно-денежных отношений и появление орошаемых полей открывают путь в направлении этого развития, но истекший срок еще недостаточен для того, чтобы успела сложиться новая общественная структура, покоящаяся на различиях в отношении к основной производственной базе — земле.

Выше мы отмечали тесную связь системы власти с системой землевладения. Общинное землевладение является той опорной базой, на которой зиждется вся система управления народов, выделенных нами в первую группу. Для них характерны крайне слабое развитие личной светской власти и решающая роль коллективного авторитета общины. Выразителем такого авторитета может быть общее собрание всех мужских представителей общины (это относится и к матрилинейным народам), совет старейшин, в котором переплетены родовое и общинное начала, и, наконец, деревенский вождь; его мнение, однако, имеет силу лишь в том случае, если оно не приходит в противоречие с общественным мнением. Укрепляется его авторитет лишь во время межплеменных войн, успех которых требует дисциплины и единоначалия. Но отсутствие видимой личной власти не означало отсутствия в деревне порядка и законов. Сила традиционной системы в том и состоит, что, пока продолжают действовать нормы обычного права, порядок в общине поддерживается и контролируется не только и не столько официальными представителями власти, сколько общиной в целом — сородичами по линиджу, соседями, старшими товарищами по мужскому дому и т. д. Наиболее полно коллективизм управления проявляется у ао нага. Все члены общины ао делятся на ряд возрастных классов; каждому из них присущи определенные права и обязанности. Лица, участвующие в управлении общиной, составляют «класс вождей» (*татар*), срок пребывания в котором у разных групп ао колеблется от трех до 25—30 лет. Число таких вождей может достигать 25—80 человек в зависимости от размеров деревни [368, 30—31].

Колонизация новых земель, происходившая, как упоминалось выше, у ряда народов, способствовала укреплению влияния вождя, и предводитель, объявлявший себя владельцем захваченных земель, тем самым ставил своих спутников в положение известной от себя зависимости. Важность колонизации для возвышения вождя подтверждается тем, что с ее прекращением, вызванным иссяканием свободных земель, положение вождя теряло свою исключительность и он становился, как и у других народов, «первым среди равных».

У тех народов (в основном они принадлежат к подгруппе чин группы куки-чин), у которых сложилась социальная стратификация общины, вождь возглавляет сословную иерархию, и хотя в отношениях его с общинниками сохраняется налет патриархальности, но под формой общинной взаимопомощи, которой прикрывается безвозмездная работа земледельцев на полях вождя, под видом покровительства, призванного уравновесить многочисленные «услуги», проступают отношения уже чисто феодальной эксплуатации. Институт наследственных вождей был законодательно упразднен в 1954 г. [653, 301].

С середины XIX в. традиционные институты управления горных народов Ассама были дополнены элементами бюрократической системы, что было вызвано ростом влияния британского государственного аппарата на горные территории, а отчасти — влиянием соседних, политически более развитых народов. После образования независимой Республики Индии на горные территории была распространена единая демократическая система выборных административных органов, которая постепенно (и то не у всех народов) оттесняет старые общинно-родовые советы.

Хотя общине горных народов принадлежат важные хозяйственные функции (выбор и расчистка лесного участка, взаимопомощь и пр.), тем не менее основным производственным коллективом является семья, в которой сосредоточена вся основная экономическая деятельность земледельцев: обработка участка, сбор и потребление урожая, хранение его, сбор лесных продуктов, обменные операции и т. д. У большинства народов Северо-Восточной Индии семья сохраняет тесные связи со своей родовой группой (точнее — линиджем), но это, однако, касается лишь социальной и семейно-брачной сфер, а никак не хозяйственной, всецело принадлежащей компетенции самой семьи. Наиболее тесно связаны друг с другом семьи, входящие в одну резидентную группу, т. е. имеющие общее родовое ядро. Именно сородичи по линиджу строго следят за тем, чтобы не нарушалась экзогамия брака, соблюдались правила наследования имущества, защищают или наказывают членов своей группы, оказывают им помощь в случае различных бед. У народов первой группы все семьи равноправны, хотя в отношении социального престижа могут быть довольно заметные колебания (семьи, восходящие к первоначальным главам которых совершили социальные церемонии, считаются особенно уважаемыми). У народов второй группы между семьями в отдельных случаях устанавливаются отношения зависимости и неравноправия.

Преобладающей формой семьи у горных народов является особый тип неразделенной семьи; мы назовем ее «частично неразделенная». Такая семья состоит из родителей, их несовершеннолетних детей и одного взрослого (сына или дочери в зависимости от линейности), и после брака остающегося жить в родительском

доме со всей семьей и наследующего основную долю семейного имущества. Другие дети, вступая в брак, как правило, селятся отдельно (иногда после рождения ребенка) и дают начало таким же частично неразделенным семьям. Структурно эта семья нестабильна, она может в зависимости от естественных изменений в составе оказываться на какое-то время то малой (когда старшее поколение умерло, а у их детей наследники еще не достигли совершеннолетия), то неразделенной (в родительском доме могут временно жить две и более молодые пары, но они отделяются после рождения ребенка). Нестабильность семьи горных народов выражается и в наличии таких свойственных парной семье черт, как легкость разводов, широкое распространение повторных браков. Есть народы, у которых более обычны малые семьи, когда все выросшие дети заводят собственные хозяйства.

Неразделенные семьи в целом нетипичны для ассамских горцев. Даже у некоторых пригималайских племен, у которых встречаются длинные дома с населением в несколько десятков человек, эти дома оказываются местом проживания ряда малых семей, ведущих самостоятельное хозяйство, хотя и соединенных часто узами родства и проживающих (в целях безопасности) под общей крышей [702, 57]. Характерно, что форма семьи, как и многие другие социальные институты, в немалой степени связана с типом земледелия: постоянная смена участков при джхуме при достаточном количестве земли давала возможность обеспечить наделом каждую новую семью. А уменьшение земельных резервов и распространение орошаемого земледелия вызвали к жизни новую для рассматриваемых районов форму семьи — семью неразделенную: растет заинтересованность в земле, особенно в заливном поле, поэтому взрослые дети, не уверенные в том, что они будут обеспечены землей даже под джхум, и стремясь закрепить право на отцовское заливное поле, которое имеет теперь вполне реальную цену, отказываются покидать родительский дом и приводят туда своих жен, образуя одну большую семью [320, 169].

Если у патрилинейных народов варианты семей в основном ограничиваются отмеченными типами, то у народов с матрилинейной филиацией формы семьи значительно разнообразнее, особенно у кхаси, у которых можно еще встретить (правда, главным образом в старших поколениях) семью, основанную на дислокальном браке и совпадающую по составу с минимальной родовой ячейкой [570, 122].

Локальность поселения семьи, естественно, отлична у народов с разной филиацией, однако некоторые общие закономерности можно отметить для тех и других: если (при ряде исключений) в отношении деревни соблюдается матри- или патрилокальность, то по отношению к дому большая часть браков может быть названа неолокальной. Лишь по отношению к семье наследника можно говорить о конкретной матри- или патрилокальности.

Главный принцип наследования у всех горных народов независимо от линейности — сохранение семейного имущества в пределах рода. Традиционный порядок наследования — выделение одного наследника, который получает родительский дом, большую долю имущества (определенную часть получают все наследники) и все (религиозные и материальные) долги по отношению к умершим родителям. Чаще всего в качестве наследника выступает младший сын или дочь (в зависимости от линейности), иногда — старший.

Как уже отмечалось, в последние годы наблюдается нарушение традиционного правила — привлекаются к участию в наследовании все дети. Свообразием отличаются законы наследования у матрилинейных народов. В качестве примера приведем так называемую систему нокром у гаро. Суть ее — муж дочери-наследницы должен принадлежать тому же роду, что и отец наследницы; чаще всего нокромом оказывается сын сестры отца наследницы, который в случае смерти тестя должен, чтобы сохранить право на имущество, жениться на его вдове, становясь, таким образом, мужем одновременно матери и дочери [238]. Тем самым обеспечивается контроль над семейной собственностью со стороны двух родов — жены и мужа.

У ряда народов практикуется полигамия, хотя большое число жен можно встретить лишь у некоторых, наиболее отсталых племен (в частности, пригималайских). Как было показано, редкий случай полигамии у матрилинейного народа имеет место у гаро.

Одним из звеньев, связывающих семью с общиной и родом, является дом холостяков (или мужской дом), который встречается у многих горных народов.

Некогда дом холостяков играл важную социальную роль оплота общинного коллективизма, военной цитадели и религиозного святилища. Эти функции в большей или меньшей степени оказались им утрачены, но он долго оставался (в нехристианских деревнях) центром воспитания молодежи в духе старых общинных традиций. Таким образом, общинные организации продолжают делить с семьей заботу о воспитании детей, будущего поколения, которое должно воспринять и продолжить традиционные нормы и правила жизни.

Постепенно, с разложением общинного замлевладения, с развитием семейной собственности на землю, происходит все большее обособление отдельных семей. Члены одной семейной ячейки все меньше ощущают влияние сородичей, мужские дома забрасываются и воспитание подрастающего поколения замыкается узким кругом членов семьи (школы не дают того выхода в общественную жизнь общины, как мужские дома). В то же время семья еще многими нитями связана с теми кровнородственными и территориальными коллективами, в которые она (или ее часть) входит.

* * *

Из предложенного выше краткого описания основных черт социальной структуры мотыжных земледельцев Северо-Восточной Индии видно, что основной экономической и территориальной ячейкой общества является здесь община. Племя как социальный коллектив не выступает, род (у тех народов, у которых он сохранился) присутствует в дисперсной форме и утратил свои основные экономические позиции. В силу этого община горных племен по типу должна быть скорее всего отнесена к стадии сельской (соседской) общины, хотя от сельской общины равнинных народов ее отделяет стадияльный барьер.

**ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ ТРУД — ОБРЯДЫ,
МИФОЛОГИЯ,
ФОЛЬКЛОР**

(ПО МАТЕРИАЛАМ НОВОЙ ГВИНЕИ)

В современных исследованиях по проблемам производственной деятельности и общественного сознания людей доклассовой эпохи справедливо отмечается органическое сочетание рациональных, основанных на громадном практическом опыте действий и знаний, логических приемов мышления с фантастическими представлениями о мире и лишенными реальных основ актами. По словам С. А. Токарева: «В религиозно-магических обрядах и соответствующих им верованиях первобытный человек стремился как бы восполнить недостающие силы, недостаточные умение и знание» [113, 257]. Изучение этой сферы деятельности и общественного сознания первобытного коллектива представляет особенный интерес в том отношении, что здесь производственная деятельность ранних земледельцев оказывается в нерасчленимом единстве с комплексом магических верований и действий, с большим запасом мифологических знаний и представлений, с искусством пения, танца, музыки, исполнения заклинаний, причем магия, мифология и фольклор, включенные в трудовой процесс или связанные с ним опосредованно, обнаруживают широкие и сложные взаимодействия со всем миром представлений, реальных знаний, верований, ритуалов, с различными сферами материальной и духовной деятельности коллектива. Мы имеем здесь дело с ярко выраженным первобытным синкретизмом.

Одна из задач настоящей статьи — систематизировать, хотя бы частично, обширные данные, собранные этнографами в разных местах о-ва Новая Гвинея, и проследить проявления и специфику синкретических связей земледельческого труда с обрядами, мифологией, фольклором.

Эти связи для Новой Гвинеи впервые были обнаружены и отчасти описаны Н. Н. Миклухо-Маклаем. С тех пор накоплены новые данные, и само понимание сущности и характера связей между хозяйственной деятельностью и духовной культурой основывается на подлинно научном понимании истории первобытного общества.

В одном мифе папуасов Дахори рассказывается, как культурный герой Рулаго жил среди бродячих охотников. Он раньше всех своих сверстников обучился искусству владеть оружием и охотиться, узнал свойства трав и деревьев и т. п. Затем он открыл и показал людям искусство огородничества: Рулаго поднял правую руку, в которой держал сумку с семенами, и запел песню о посадках, о культурах, вырастающих на огородах, о солнце, луне и дожде. Затем он поднял левую руку, в которой была сумка с магическими средствами, и его песня стала заклинанием.

С тех пор, говорилось в рассказе, люди, работая на огородах, часто поют песню о Рулаго, и хотя она не имеет какого-либо смысла, но облегчает тяжесть работы и снимает утомление [654, 12—17].

Дахорийский миф вобрал в себя едва ли не основной комплекс характерных для папуасов представлений о возникновении у них культуры земледелия, о роли первопредков и мифологических героев, о связи с земледелием многих их церемоний и ритуалов, о месте песни, музыки в земледельческом труде.

Мифы из других районов Новой Гвинеи также рассказывают о чудесном появлении разных культур, дотоле неизвестных людям, об открытии искусства огородничества первопредками и культурными героями.

У киваи есть ряд мифов о Соидо и Пекаи, покровителях земледелия. Соидо женился на лесной женщине. Он был первым, кто сумел возделывать землю для огорода. Потом он убил свою жену и разбросал части ее тела по огороду; из них выросли первые таро, ямс, сладкий картофель и бананы. Соидо съел их целиком, и они заполнили детородные части его тела. Позже Соидо женился на Пекаи. При их соединении Пекаи умерла, а Соидо рассеял свое семя по острову, и все виды культур, которые он до этого носил в себе, стали расти на земле. Затем он вернул Пекаи к жизни [465, 73—74].

Относительно таро у киваи есть рассказ, как одна женщина родила чудесным образом сына и оставила его, а птица гургу принесла ему листья, корень и сухую кожуру растений. Эти предметы срослись с ним, покрыли его тело, которое превратилось в конце концов в плод таро и стало расти в земле. Охотник увидел его однажды, потом таро явилось к нему во сне и объяснило, что с ним делать и как его разводить. Так люди освоили таро [465, 86—87].

Согласно мифам кераки, первоначально огородные культуры существовали в диком виде. Появление культурных растений свя-

зано с Гуфа, сыном культурного героя-первосоздателя Камбела и его жены Юмар, воплощавшей солнце [770, XXVII—XXVIII].

У нгаинг зафиксированы два мифа о таро. По одному из них, женщина Меандери придумала таро, сахарный тростник и другие жизненно важные предметы. Она хранила их под своей кожей. В образе отвратительной древней старухи Меандери отправилась в путешествие на восток, раздавая людям овощи. Со временем она стала богиней таро и поселилась с жителями д. Вабинг близ Маибанга, где до сих пор находится ее святилище.

Согласно другому мифу, один мужчина был перенесен на облако, где открыл «красное» таро и другие важные культуры. Он женился на дочери облачного народа и позже вернулся на землю с женой, ребенком и культурами, которые научился выращивать. Поселившись возле Габуми, он передал свои знания людям, а они стали рассматривать его и жену в качестве попеременно действующих совместных божеств таро [488, 205].

По мифу киваи, первое банановое дерево посадила в Дуди женщина Абере, увидя, что единственная человеческая пара, жившая здесь, питалась только саго. О бананах существует и другой фантастический рассказ. Гимодобуро, мужчина из Дибире, очень хотел найти себе жену. Однажды он нечаянно наступил на хвост лангусты, которая в действительности была женщиной, жившей под кучей земли. Она явилась к нему во сне и предложила себя в жены. Наутро он взял лангусту, но она умерла на солнце, и он закопал ее, оплакивая словами «Гимодобуро. Соидобуро». Через некоторое время из мертвой лангусты пробился побег бананового дерева, а лангуста снова явилась во сне Гимодобуро и объяснила, что ему нужно отрезать побег и натереть его хвостом лангусты. Он посадил много деревьев, и бананы распространились среди людей [465, 94—95].

Героический характер имеет легенда племени пурари о саго. Никто не знал о существовании саго до тех пор, пока небесные люди не сбросили на землю несколько молодых пальм, которые быстро пустили корни и стали расти. Однако люди земли, незнакомые с новыми деревьями, срубили их, не дав созреть саго. Вождь небесных людей Аивара рассердился на них и послал на землю войско, которое стало бить людей земли ветвями саговой пальмы. Война шла с переменным успехом, пока во время перерыва Аивара не объяснил причину своего гнева. После этого воцарилась дружба, и люди земли стали жить хорошо, узнав пользу саго. Но и до сих пор некоторые из них боятся нападения с неба [766, 269—270].

Разного рода рассказы существуют и о необыкновенном происхождении других огородных растений, деревьев и т. д. Для этих рассказов характерно наличие таких подробностей, которые объясняют применение тех или иных магических средств, снадобий, заговоров при посадке и культивации растений. Нередко оказывается, что соответствующая магия была включена в про-

грамму действий творца или открывателя той или иной культуры.

Надо иметь в виду, что магические действия, включавшие также заговоры и песни и принимавшие подчас форму обрядов, совершавшихся на огородных площадках, были подсказаны не только этиологическими мотивами, но и более широким кругом представлений об источниках успеха земледельческого труда, различных верований и ритуальных связей.

Обряды, сопровождавшие подготовку огородов. Как известно, папуасы Новой Гвинеи пользовались подсечной системой земледелия. Естественно, что они встречались при расчистке лесных площадей с очень большими трудностями. Вырубка и выкорчевывание деревьев относились к числу самых тяжелых работ.

Согласно верованиям папуасов, в больших деревьях жили фантастические лесные существа — «хозяева». О таких существах, в которых верили киваи, рассказывает Г. Ландтман. Они назывались *этенгена* и могли принимать форму зверей или птиц. Эти существа охраняли огороды, возле которых жили. Если возникала необходимость срубить большое дерево, люди просили его обитателя перейти на другое. Владельцы огородов должны были поддерживать с этенгена добрые отношения, показывать своих близких и друзей, чтобы этенгена не повредили им, охраняя огород, и т. д. [465, 65].

В свете этих фактов, зафиксированных этнографом почти 70 лет назад, получают свое разъяснение обряд и песни, записанные автором настоящей статьи в д. Бонгу (Берег Маклая) в 1971 г. Относительно четырех песен, исполненных группой женщин, было дано объяснение, что их поют в то время, когда мужчины рубят лес и валят деревья. Позднее с помощью миссионера Р. Хейтера удалось получить об этих песнях более подробные данные.¹

О назначении и характере одной песни информаторы сообщили Р. Хейтеру следующее: «Сделать деревья более мягкими, чтобы человеку было легче рубить их. (Сила «сингсинга» лежит в речи попугая, этот крик вызывает большую грусть в душе человека. Только один человек может исполнять этот сингсинг). . .».

Слова второй песни: *О куро о куро о куро расим-о. Куро* — название дерева; *расим* — личная форма глагола, означающего «подрубить вокруг (дерева)». Эта песня предназначена для рубки деревьев, когда «хотят удалить дурного духа, засевшего в дереве», она служит «для придания силы топору, для обрубания ветвей». «Сингсинг очищает от дурных духов, находящихся в деревьях, укрепляет топор и ослабляет само дерево».

¹ В изучении материалов, присланных Р. Хейтером, большую помощь мне оказал Н. М. Гиренко, сделавший переводы с языка бонгу и пиджин инглиш. Пользуюсь возможностью высказать ему признательность за дружеское участие в работе.

По сведениям информаторов, во время пения двое мужчин танцуют вокруг дерева, подрубая его и обращаясь к нему с песней.

Третья песня является вариантом второй. В ней наряду с куро повторяется параллельное по значению слово «кабо», о котором говорится, что это «одно съедобное растение (плод), но никто из людей бонгу не знает, что это за еда». По словам информаторов, неизвестно, о каком дереве идет речь.

Четвертая песня входит в состав обрядового танца «разговор с лесом», который исполнялся при вырубке или сжигании деревьев во время подготовки огородного участка.

Изучение записей, полученных в д. Бонгу, позволяет восстановить некоторые, до сих пор остававшиеся, кажется, неизвестными аспекты обрядового фольклора, связанного с подготовкой лесных участков под огороды. Несомненно, что в ходе этой работы совершались специальные обряды. Информаторы Р. Хейтера называют их *сингсинг*, т. е. комплексные действия, в которых соединялись танцы и песни, и даже *мун* (слово, обозначающее у папуасов Берега Маклая большую массовую церемонию). По сведениям, полученным нами во время записи, песни исполнялись женщинами и сопровождали работу мужчин. Возможно, что оба вида исполнения чередовались, но можно также думать, что информаторы Хейтера сообщили о более ранней форме исполнения, теперь сохранившейся, по-видимому, только в памяти, а женщины воспроизвели ныне живущий обычай.

«Дурной дух», о котором говорится в песне, — это, вероятно, бонгуанский вариант этенгена. Неясно, являются отрицательная характеристика и мотив изгнания его из дерева первичными для обряда или представляют современное его истолкование. На основании данных, сообщенных этнографами, мы должны были бы ожидать, что в песне скорее звучит просьба к «хозяину» дерева — оставить его и перейти в другое место.

Отрывочные сведения об исполнении песен и заклинаний в ходе подготовки лесных площадок для огородов приводятся и другими этнографами. Ф. Уильямс, например, пишет об особой манере пения при вырубке: работающие издают время от времени несколько тактов мелодии фальцетоподобным звуком, который странно обрывается [767, 130; 769, 22]. По наблюдениям Б. Малиновского, у жителей о-вов Тробриан существуют специальные обряды и приуроченные к ним заклинания, которые относятся к различным этапам работы: рубке леса, церемониальному сожжению вырубленного и высушенного кустарника [528, 390—399; 529, I].

Обряды, связанные с посадкой и произрастанием огородных культур. Наблюдения этнографов дают нам обширный и разнообразный эмпирический материал, показывающий, что посадка огородов, особенно первая, этапы роста культур сопровождалась у папуасов многочисленными обрядами, магическими действиями,

исполнением песен, заговоров, игрой на музыкальных инструментах.

Нас интересуют прежде всего обряды и действия, непосредственно и открыто связанные с огородными работами, прямо подчиненные ясному хозяйственным задачам.

Обряды и действия огородной магии совершались преимущественно на огородных площадках во время работы, но часть их происходила в деревне и имела характер подготовки и завершения работ.

Мы располагаем некоторыми данными о том, что успех производства огородных культур связывается с активностью духов умерших. Они могут поддерживать посадки или уничтожить их [487, 45]. В культ умерших поэтому включаются действия, которые должны обеспечить поддержку духов в огородных делах [767, 148].

В составе культа таро у орокаива большую роль играют представления об умершем отце главного руководителя культа: он является во сне к сыну, приносит ему снадобье для таро и учит, как применять его в огородном деле. Иногда руководитель «в сопровождении» умерших родителей отправляется ночью на огороды бить в барабаны и петь. Когда он выставляет отростки перед посадкой, то выкрикивает заклинание, обращенное к родителям, в котором сообщает, что он принес таро и собирается сажать его в землю [767, 28—29].

В церемонии *ебе акхо* у дані огородные ритуальные действия связываются не только с культом умерших, но и с военными обрядами. В рамках этих действий совершаются игры, имитирующие битвы. К. Хейдер описывает, как группа мужчин и ребят, запачканных грязью, сажала огород и пела при этом громкие песни. Большинство участников имели различные украшения из листьев, мха, тростника. Время от времени они бегали вдоль огородных грядок, размахивали копалками как копьями, кричали и пародировали военные песни. Все это создавало атмосферу неистовства [398, 163].

С другой стороны, решающую роль в судьбе огородов, прежде всего в росте культур, играют мифические силы. Их деятельность контролируется «специалистами» и старейшинами, которые вызывают и направляют эти силы с помощью определенных ритуалов [487, 45; 651, 43].

У киваи перед посадкой прибегают к одному из видов *кареа* — обряда, в ходе которого его участники вступают в контакт со сверхъестественными существами — этенгена, способными влиять на успех того или иного дела. Исполнитель обряда, владелец огорода, prepares *гамода* (опьяняющий напиток) и брызгает им в направлении огорода, обращаясь к этенгена со словами: «Я посадил огород; возможно, что я сделал это неправильно, тогда ты сделаешь это снова. Ты положишь колдовские снадобья, чтобы получить много пищи. . . Ты прости меня». Во время обряда

его исполнитель старается собрать возле дома большие кучи огородных продуктов, которые символизируют предстоящий урожай. Предполагается, что этенгена увидит их из леса. Возле продуктов иногда кладут огородные инструменты, обрызгивая их гамода и прося этенгена не ломать их, а заодно и не причинять вреда людям. На следующую ночь после исполнения кареа этенгена является во сне к человеку и дает ему советы, какие колдовские средства надо употреблять на огороде. Встречи во сне со сверхъестественными существами обеспечиваются питьем гамода, которое производит на человека сильное физическое и психологическое действие [465, 66, 107].

У дани некоторые магические действия были направлены на духов отдельных огородных культур.

Кроме того, в огороде сооружаются из молодых деревьев арки полутораметровой высоты, между упорами которых кладутся пучки травы, составляющие, как считается, дом для «души» посаженного здесь сладкого картофеля. По названию и по функции эта трава соотносится с травой, которую обычно кладут на дно сетки для переноски ребенка. Духи приходят на огороды специально, чтобы убедиться в том, что *акотакун* (душа культуры) имеет дом: в этом случае картофель будет хорошо расти [398, 42—43].

Чаще всего различные магические средства, приемы, снадобья применялись в комплексе. Как пример можно привести обряды при посадке первого ямса. Для приготовления лунок и разравнивания поверхности пожилая супружеская пара, которая первая производила посадку, употребляла гуделку, смазанную спермой. Гуделку затем вертели над огородом. При посадке использовали также куски камня, которые считались частицами тела мифической женщины Пекаи, окаменевшей после смерти. Поскольку ямс пришел с о-ва Муррей, откуда появились и мифические камни, их закапывали в корнях ямса, ориентируя в направлении острова («чтобы корни не ушли туда»).

После завершения посадки ямса люди, полностью готовые к началу большого фестиваля, производили ужасающий шум верчением гуделок, а затем ставили гуделки в определенные места огорода, «чтобы предохранить ямс от солнца». Затем мужчины с луками и стрелами в руках танцевали и пели. В стихах песен повторяется одно слово — *баби* (форма глагола «расти») и перемежаются названия разных видов ямса (числом до 40). После танца люди шли домой и пили гамода. Кто-либо из стариков совершал обряд кареа, обрызгивая всех гамода и говоря при этом: «*Коко* (вид ямса), ты расти хорошим, *иру* (другой вид), ты расти хорошим» и т. д., перечисляя все виды ямса. Мужчины призывали также мифическое существо Маигидубу, связанное с гуделками, и просили его^{*} помочь им. Наутро они будут радоваться, видя следы Маигидубу в огороде, где он появляется в виде змеи [465, 75—76].

Все многообразие магических средств и приемов, совершаемых в связи с посадкой огородных культур и уходом за ними, можно свести к ряду повторяющихся типологических актов, в основе которых лежат представления папуасов о природе рождения и роста таких культур, о силах, на них воздействующих, о возможностях людей использовать эти силы в своих интересах.

Для папуасов несомненно акт посадки и процесс произрастания растений ассоциируются с зачатием, рождением и ростом других живых существ, в первую очередь людей. Отсюда — наличие в обрядах, сопровождающих посадку растений, устойчивых, повторяющихся сексуальных мотивов. С одной стороны, существует некоторый набор запретов, касающихся отношений мужчин и женщин в период огородных работ. С другой — есть обязательность определенных ритуальных отношений, без которых успех огородных работ оказывается под сомнением.

С большой отчетливостью соответствующие мотивы предстают в обрядах киваи, описанных Г. Ландтманом. Женщина ложится, обнаженная или в юбочке, на спину на том месте, где предполагается посадить росток первого банана. Она поднимает колени, и мужчина, стоя перед ней с расставленными ногами, пропускает несколько раз под ее коленями и между своими ногами росток банана. Действие имеет последовательный смысл: прикосновение к женщине обеспечивает урожай не только на огороде хозяев, но и на соседних с ним; мужское участие закрывает возможность использовать полученную силу другим огородам и оставляет всю пользу, достигнутую обрядом, только одному.

Согласно другому варианту, женщина может сидеть в позе, обычной для рожающих, — ассоциация, смысл которой не требует объяснений [465, 90].

Операция, подобная описанной, совершалась и при посадке кокоса [465, 96].

Среди магических препаратов, специально приготовляемых для усиления плодоносящих свойств растений, постоянно фигурирует сперма [465, 78—84].

По ходу обрядов, сопровождающих посадки и рост растений, предусмотрены ритуальные соединения пар, причем обычно речь идет о пожилых супружеских парах [465, 84, 97, 101].

Можно предположить, что одним из источников указанных сексуальных мотивов в составе обрядов были мифы о рождении первых плодов. Так, мифическая женщина Чикаро после символического соединения с мужчиной из Гогодара принесла много плодов ямса, с которыми сначала не знали, что делать, пока один из них не объяснил во сне отцу Чикаро, как их сажать и как есть [465, 81].

Вполне закономерно в комплексе средств, воздействующих на растения, одно из главных мест принадлежит магическим снадобьям. Можно с полной определенностью сказать, что ни по своим свойствам, ни особенно по характеру применения эти снадобья

реальной ценности не имеют. Эффективность снадобий от начала до конца — результат представления об их особых свойствах и связях. Происхождение некоторых таких снадобий, магических предметов и способы их употребления ассоциируются с миром мифологическим. Говорят, что Соидо научил людей натирать корни ямса перед посадкой определенными травами [465, 78].

У кераки есть множество специй магического характера, которые носят общее название *вен* («листья»), хотя в действительности это могут быть довольно разные предметы: при посадке таиту — отбеленные двустворчатые раковины, якобы позаимствованные из северо-западных районов; ямса — порошок из раздробленной раковины или кусок черепахового панциря; таро и сладкого картофеля — лист одного дерева и т. д. [770, 315—316].

У орокаиwa в лунки для таро подкладывают обрывки листьев быстро и буйно растущего растения [767, 146].

Вместе с клубнями люди приносят на огороды ящериц и бандикутов, кровью их смазывают ямс и таиту. Ямсу должна передаваться длина хвоста ящерицы, а таиту — округлость и толщина тела бандикута [770, 318].

Хорошим средством для подготовки к посадке первого таро считается смесь нежной массы растертых побегов ниповой пальмы с медом. Таро будет расти большим, так как запах одного корня, смазанного этой смесью, передается другим и они не будут гнить. С первым таро закапывают также смесь из яиц крокодила и пепла его сожженной шкуры [465, 84].

Для плантаций сладкого картофеля хозяева готовят смесь из сока молодого бананового дерева, кокосового молока и пепла от сожженных костей и шкуры дюгони.

Комбинации предметов, подчас неожиданные, по-видимому, всегда имеют определенную логику и обоснование, в том числе и мифологического порядка. Так, странное на первый взгляд объединение кусочка пуповины ребенка, сохраненного после рождения, и крупной тыквы ползучего прибрежного растения получает объяснение из местного названия тыквы — *бборо-мэре-упуру* — букв. «пуп сына духа» [465, 88].

При посадке кокосов к одному из них прикладываются или кладутся в землю лист одного растения, плод ниповой пальмы, кусочек пениса дикого кабана, кусок шкуры крокодила (иногда пепла от нее), немного земли с клешни лангусты и, наконец, хвост рыбы *бата*. Характерно, что отбор этих предметов получает свои объяснения. О листе говорят, что совет использовать его дал первый кокос, когда он явился во сне человеку, чтобы объяснить способ своей посадки. Ниповая пальма должна «научить» кокосовую, как начать плодоносить рано, прежде чем она поднимется высоко. Лангуста должна показать, как надо проходить землю. Крокодил ассоциируется со стволом кокосовой пальмы. Кроме того, он напоминает о времени, когда первый кокос плыл по воде, подобно рыбе или крокодилу. Наконец, рыбий хвост заключает на-

мек — аналогично тому как бата выпрыгивает из воды, кокосовая пальма будет развиваться быстро и поднимется в воздух [465, 96].

Сходным образом происходит магическое «кормление» и других культур [465, 105].

Употребление магических средств сопровождается в ряде случаев произнесением специальных заклинаний. При первых посадках, которые имеют магический смысл, произносятся (обычно шепотом) заклинательные формулы. Простейшая из них отмечена Ф. Уильямсом: «Расти быстро!» [770, 318].

Когда орокаива втыкает копалку в землю, он бормочет: *Сигигигиги*. Это же бессмысленное слово употребляется, когда колют свинью. Сажая таро, хозяин огорода обращается к нему с серией коротких простых формул: «Таро, появляйся!»; «Таро, будь жаждущим!» (т. е. бери пищу из почвы); «Таро, сиди!» (держись удобно и прочно в земле). Возможно, мифологический смысл заключен в формуле «Мать таро!» [767, 147].

П. Лоуренс свидетельствует, что при посадке отростков над ними произносилось секретное имя [487, 17; ср. также: 529, II, 163—169; 704, 203; 727, 123].

Известны также заклинания, исполняемые в момент появления первого листа или ростка растения. Когда показывается первый лист таро, старый мужчина один идет в огород, зажигает огонь и кипятит воду, смешивает ее в сосуде из кокосового ореха с холодной водой и пеплом шкуры дюгони. Он погружает руку в сосуд и мокрыми пальцами тянет росток, говоря при этом: *Анега* (таро) *мате* (верхушка), *амамудил* (расти большая). Шкура дюгони должна «помочь» таро стать очень большим [465, 85].

Сходным образом владелец посадок осторожно распрямляет и тянет молодые листы кокоса, произнося заклинание: *Хэрате* (ухо) *бборого* (широкое, ровное); *мўсо* (свиная щетина) *бборого*; *би наса* (кокосовый лист) *бборого*; *иава* (свинья) *бборого*; *сабу паса* (кокосовый лист) *бборого*. И так он перечисляет разные названия кокоса и соответственно — свиньи. А кончает тем, что дергает лист вверх и громко чмокает губами [465, 97].

Отметим как характерную для магических песен и заклинаний особенность — многократное повторение каких-либо действий или качеств с бесконечным варьированием существующих названий соответствующего предмета или его видов (сортов ямса, кокосов и т. п.). Предполагается, вероятно, что только полный перечень может дать должный эффект и что пропусков следует избегать.

При произнесении заклинания, связанного с кокосами, колдун дует в раковину и жует бетель. Заклинание обращено к первопредкам. При этом выражается стереотипное пожелание, чтобы пальмы хорошо росли, чтобы орехи падали к ногам хозяина. Называются различные виды кокосов, известные колдуну, а также разные снадобья, применяемые для интенсификации роста деревьев [668, 251—252].

В северной части архипелага Д'Антракосто почти каждая деревня имеет своего «специалиста», владеющего заклинаниями и

искусством их исполнения. Наряду с «универсалами», которые знают заклинания для всех основных культур, есть специалисты для каждой культуры.

Когда все готово для посадки, заклинатель берет специальный камень, который хранится у него в хижине, и поет над ним заклинания. Затем он делает лунку в земле, на дно ее кладет камень, а сверху отросток ямса и засыпает их землей. Эту операцию он проделывает на каждом из участков, им обслуживаемых, после чего владельцы огородов заканчивают посадку. С появлением первых ростков «специалиста» зовут опять, чтобы он вызвал духов ямса из тех мест, где ямс имеет необыкновенные размеры. На одном острове есть скала, на которую «специалист» становится, обращаясь к дюгони, крокодилу и дельфину с просьбой вызвать духов. Магические камни заклинатель возвращает при сборе урожая. Известно, что камни этого рода, равно как и заклинания, иногда покупаются в других местах.

Во время посадки и в течение шести месяцев после нее действуют различные ограничения. Например, заклинатель и его жена должны спать отдельно [432, 123—126].

Ф. Уильямс рассказывает, как он наблюдал исполнение заклинаний при посадке бананов. Хотя процедура посадки воспроизводила обычные действия, она имела магический характер, во время нее мужчина шепотом то ли произносил, то ли напевал заклинания, вплетая в них имена предков и свое собственное [771, 88].

Есть заклинательные песни, прямо ведущие нас к мифам. Между прочим, согласно одному мифу, дух обучает человека магической песне, помогающей его ямсу стать крупным [432, 156]. Люди мавата, подобно своим соседям, верят, что обломки камней, которые они с магической целью закапывают с первым отростком в лунку, представляют собой фрагменты тела Пекаи, жены культурного героя Соидо. Песни, исполняемые при магической процедуре посадки, полны соответствующих мифологических ассоциаций. К Соидо и Пекаи обращаются в них с просьбой принести людям продукты питания. Упоминается эпизод с двумя птицами: чайка по поручению Соидо должна была схватить пеликана, на спине которого Соидо совершил свое путешествие к Пекаи [464, 121; 465, 73—74].

У киваи песня, которую поют при посадке бананов, приурочена к этому действию по мотивам мифологического порядка: согласно легенде, именно она когда-то пелась первым человеком, нашедшим и посадившим банановое дерево; по такой же причине песня должна способствовать росту бананов, хотя текст ее не имеет прямого отношения к операции посадки [465, 424].

Мифологические связи обнаруживаются и в песне киваи, исполняемой во время обряда *могуру*. Речь в ней идет о мифической женщине Абере, люди которой строят мужской дом. Абере окружена большой группой девушек. Когда Абере достигает Киваи, она приносит людям растения, и девушки сажают таро. Согласно

песне, деревья оказываются их мужьями. Никакого объяснения такой трактовке песни не дает. Далее говорится, что Абере посылает им вслед свинью, девушки убивают ее и маленькие куски мяса закапывают в землю, где они сажали саго. После этого сажают бананы, ямс, таро, но уже без магических специй [465, 431].

Б. Малиновский сообщает существенные подробности об огородных заклинаниях, известных на о-вах Тробриан. Каждое из 10 заклинаний, употребляемых в д. Омаракана, относится к одному из повторяющихся моментов огородных работ: расчистке площади под огород; вырубке кустарника, сожжению вырубки, посадке и т. д. Исследователь приводит формулы, особо отмечая, что для них характерно многократное повторение одного-двух слов.

Точный и полный перевод текстов оказывается трудным: в них есть архаические выражения, которые только частично понятны самим исполнителям. Типичная формула заклинания состоит из трех частей. В первую всегда входит перечень предков. Во второй части описываются в основном состояние производимых продуктов, рост огородов, освобождение культур от паразитов, болезней и т. д. [528, 390—391; 529, I, 84—158].

Для огородных ритуалов рассматриваемых нами типов обряд с танцами, песнями и музыкой (сингсинг) был не столь характерен, но он и не был им противопоказан. В одном районе на северо-востоке Новой Гвинеи пение и танцы запрещаются в предшествующий посадкам период сбора нежных листьев мужского папоротника, редкого в этих местах и необходимого для магического обеспечения роста ямса.

Когда специальное сооружение, к которому прикрепляют собранный папоротник, вносят в деревню, сопровождая это особыми ритуалами, на площади вокруг него начинаются танцы, затягивающиеся далеко за полночь [684, 30—31].

Наше внимание должны также привлечь случаи участия в обрядах детей и совершения специальных детских ритуалов. Один из них подробно описан Г. Ландтманом и содержит любопытные подробности. Хозяин огорода и его жена вызывают на огород множество маленьких детей обоего пола. У каждого мальчика в обряде есть «игровая жена». Девочки вместе выкапывают лунку, а мальчики сажают в нее росток банана. Женщина дает всем подержать кончик шнура ее юбки, а затем ведет их подальше от лунки. По знаку мужчины дети начинают кричать, напрягая голоса до предела, а затем с пронзительным визгом убегают. Им нельзя нигде показываться, а в деревне они весь день не должны заходить в дома и приближаться к родителям. Вечером они смогут вернуться домой и поесть только то, что дал им хозяин огорода. На огороде дети также топчут приготовленные магические специи, для которых употребляются мелкие куски красного коралла *Пекан ере*, т. е. коралла, на котором лежала во время соединения

с Соидо героиня мифа Пекаи и который она обогрела своей кровью. Бегая потом повсюду, дети разносят запах специй, распространяя этим ее воздействие по земле [465, 91—92].

Существуют специальные обряды и магические действия, направленные на вызывание дождя. Характер многих из них раскрывается довольно ясно: все это различные вариации симпатической магии. В ряде случаев истоки тех или иных действий лежат в сфере мифологической.

У кераки в каждой деревне есть один-два специалиста по вызыванию дождя. Их называют *нуроки-девенар* (water-through-men — «люди водяной колоды») или *ну-вопохари* — «добыватели воды». Профессия эта наследуется от отца к сыну (родному или классификаторскому). Занятия ею носят сезонный характер. В период занятий «добыватели воды» воздерживаются от большинства видов пищи, от участия в совместной охоте, от связи с женщиной.

У «добывателя воды» в лесу скрыта своя «лаборатория», доступная только ему и его помощникам. Главные его инструменты — камни, редкие в этом районе. Они носят имена небесных светил (солнца, луны, звезд), ветров. Рядом с камнями — черепа крокодилов, куски панцирей черепах, обрывки старых сетей, плоды ниповой пальмы, дикие клубни и т. п.

Обычная процедура состоит в том, что камни перемещаются с высоких сухих палок в колоду, погружаются в воду и укрываются кусками коры. Символически эта процедура означает, что небо закрывается тучами, светила затемняются. Сам исполнитель пачкает свое тело и стволы деревьев древесным углем, имитирует голосом звучание грома, бьет палкой по стволам, разбрызгивает воду из бамбуковой трубки или изо рта, разрубает топором кокос, освобождая жидкость. Все другие предметы, которыми он пользуется, тоже так или иначе связаны с водой. Кроме того, он располагает предметами-катализаторами. К их числу принадлежит, например, имбирный орех, который он жует в соответствующий момент [768, 379—397; 770, 319—323]. По мнению самих хранителей описанной магической традиции, она как система была установлена культурным героем-первосоздателем Камбелом либо его сыном Сикара Вамбувамбу. «Добыватель воды» в сущности изображает действия, которые всякий раз должен произвести Сикара, чтобы вызвать дождь. Поэтому магические действия кончаются речью, в которой называется имя мифологического персонажа.

Ф. Уильямсу довелось слышать одну из таких речей, соединявших мифологический рассказ и заклинание. «Добыватель воды» произносил ее шепотом, с «утомительными деталями» излагая первый опыт Камбела в деле вызывания дождя. Тем самым устанавливалось соответствие между действиями мифологического героя и самого исполнителя. Уильямс приводит и заключительную формулу: «Wambu wambu, rain, now, come down; Birds bathe casso-

wary, wallaby, hollowed sak'r trunk; Give rain, oh! Give!» [770, 324—325].

В одном из южных районов Новой Гвинеи во время засухи специалисты по вызыванию дождя использовали гуделки, возможно подражая ветру. При этом все люди должны были оставаться в домах [597, 25].

У маринд-аним во время сухого сезона совершалась своеобразная обрядовая игра: женщины и мужчины поочередно преследовали друг друга с ветками. Затем происходило совместное купание в море, а на следующую ночь — большой сингсинг. Специальный обряд устраивался для вызывания черных туч. Один из танцев назывался «дождевым» [198, 826—827].

Существовал разработанный набор магических средств для защиты огородов от воровства и порчи, равно как и способов уничтожения и повреждения чужих огородов. Среди последних фигурируют различные растения и другие вредные препараты, тайно подбрасываемые в огороды и вызывающие в них засуху или плохой рост, отравленные стрелы, предметы, побывавшие в соприкосновении с умершими, и т. д. [465, 88—89, 93, 99, 104].

В качестве защиты от воровства используется длинная веревка из связанных полос лозы, которой владелец окружает свой участок. При этом производятся дополнительные действия и произносятся заклинания, где, в частности, повторяются названия деревьев, на которые распространяется табу. Предполагается, что вор при попытке проникнуть на участок заболает и умрет [668, 269—270].

Я. Хогбин приводит пространное заклинание от воров, которое хозяин арекового участка наговаривает над специальными магическими предметами. Он обращается к герою, первым употребившему это магическое средство, и к хищной птице, рисует картину жестокой расправы с возможными похитителями, жестами иллюстрируя, как ястреб будет рвать на куски свою жертву. В конце хозяин прикрепляет предметы (чаще всего листья) к дереву [412, 185—186].

Ф. Уильямс рассказывает о случае, имевшем место у орокаива. В одной деревне гибли огороды, и жители поручили мальчику проследить за действиями колдуна. И вот что он увидел: невероятно тощий и безобразный колдун (*соваи*) в наряде, украшенном листьями и травой, стал исполнять неуклюжий танец и петь заклинательную песню. В ней высказывалось пожелание, чтобы таро на огороде было таким же ссохшимся и плохим, как его костлявые члены и шейка барабана. Жители деревни освободились от колдовства, убив соваи и бросив его тело в воду [767, 149].

Обряды, связанные с уборкой урожая. Как и начало посадок, начало уборки урожая на огородах обставляется обрядовыми действиями. Можно заметить, что между магией посадочной и уборочной нередко устанавливается прямая преемственность. Так, у киваи первое выкапывание ямса производит та же пожив-

лая пара, которая открывала посадки, причем она совершает во многом сходные действия, заключающие сексуальную символику. Лишь после того, как пожилые супруги осуществляют предписанную традицией операцию, за уборку принимаются хозяева огородов, которые до этого должны воспроизвести те же магические действия. Первые клубни ямса, добытые таким образом, приносят в мужской дом, где происходит их сакральное приготовление и поедание [465, 79—80].

Первый плод таро привлекается ритуальным хозяином огорода, который приходит туда один, выкапывает плод и тут же жарит его на разведенном огне. Он намазывает себе лицо сажей, разламывает плод пополам и одну часть съедает, а другую оставляет в огороде для этенгена, произнося при этом речь, в которой излагает суть происходящего и просит этенгена не вредить владельцу огорода.

Появление в деревне старика с лицом, вымазанным сажей, — знак того, что люди могут начать уборку таро [465, 85].

К периоду снятия урожая приурочиваются значительные по масштабам и числу участников ритуальные церемонии, которые нередко длятся много дней и совершаются в деревне (на специальных площадках), в лесу, в огородах, на берегу моря. В этих церемониях обычно весьма сильны мифологические моменты и отчетливо проявляется большая роль почитания мертвых.

В Восточном Нагорье специальная церемония устраивается, когда огород первый раз приносит урожай. Раз в три года она приобретает особенные размеры, при этом клан засаживает большой огород, чтобы иметь много пищи для церемониального одаривания другого клана. Родовое наименование таких церемоний *нумукефа*, но они имеют также названия по виду овощей, подлежащих распределению. Церемонии обращены к духам умерших (*кброва*), от которых зависит высокий урожай. В то же время в их символике многое относится к человеческой плодовитости. Дух умерших является на церемонии воплощенным в сакральных флейтах, масках и пантомимах, изображающих, в частности, энергию огородной деятельности.

Во время церемонии по поводу сбора урожая маиса мужчины забирают в новом огороде весь маис для церемонии, говоря при этом, что его взяли «птицы», т. е. сакральные флейты, воплощающие духов умерших.

Всюду подчеркивается преимущественное право духов на часть урожая и обязанность людей помнить о них при распределении [658, 64].

В ряде мест Новой Гвинеи особенно большие ритуальные церемонии устраиваются в связи с уборкой ямса. Согласно толкованиям некоторых этнографов, преимущество, которое отдается ямсу перед другими культурами, объясняется в первую очередь тем, что им занимаются мужчины. С ямсом связана целая система представлений мифологического и фантастического плана. Плоды

ямса считаются живыми существами, наделенными подвижностью, сознанием, эмоциями [541, 220].

По словам Р. Гарди, большие клубни ямса, которые каждый огородник выставляет во время церемонии, означают не только высокую степень его искусства; одновременно они символизируют его силу, здоровье и мужественность. Владельцы ямса считают себя с ним в кровном родстве.

При показе ямса на его клубни надевают маски, браслеты из раковин; их раскрашивают, вырезают изображения лиц, украшают головными уборами и т. д. [371, 158].

М. Мид подробно сообщает о составных частях ритуала *абуллу*, посвященного уборке урожая ямса. Устроитель выбирает организатора всей церемонии. Для него самого и его жены наступает период действия табу, когда они не должны курить, жевать бетель, касаться пищи руками. Для церемонии отбираются лучшие экземпляры ямса, каждый из которых разрисовывается на свой манер. Одновременно готовится еда для пиршества. Один из центральных моментов обряда — произнесение заклинания, обращенного к духам (некоторые из них имеют характер рифмованных куплетов), над длинным отрезком лозы, который затем протягивают по земле по определенной схеме и закладывают ямсом. Когда лозу выдергивают, ямс нагромождается вокруг ритуальной палки (*ловат*). В это время исполняется ритуальная жестикуляция, воспроизводящая игру в убиение крысы. Над ямсом сооружается навес. Происходят танцы, сопровождаемые песнями. Затем гости расходятся, унося ямс и в свою очередь оставляя подарки, относящиеся к еде. В заключение устроитель и его жена производят серию очистительных ритуалов, чтобы освободиться от табу. Остаток ритуальной лозы прикрепляется на доме [541, 337].

Ф. Уильямс сообщает любопытные подробности, относящиеся к обряду, который предшествует выкапыванию ямса и таиту. Мужчины уносят в свой лесной дом приготовленную женщинами рыбу, разрубают ее на части с помощью гуделок и натирают ею руки и копалки. Пока руки и палки горячие, мужчины спешат на огороды выкопать первые клубни. Возможно, что операция эта связана с мифом, согласно которому Камбел, культурный герой, послал жену за рыбой и затем смешал приготовленное блюдо с таиту [770, 333].

У арапеш во время церемонии *абуллу* исполняется танец, для которого приносят специальную жердь — *алу*. Ее держат с каждого конца по несколько мужчин и ребят. Движения жерди строго регламентированы и подчинены ходу соответствующей песни. У окружающих в руках есть свои палки, которые они двигают в такт *алу*. Песни поются и танец исполняется ночью, после того как построен дом ямса (*схумел*) и принесены клубни [543, 366; ср. также; 541, 337; 542, 429].

У киваи есть песни, которые поются в тот момент, когда мужчинам дают их долю ритуального блюда (*мáбуси*). Получающий обводит сосуд с едой вокруг головы и поет песню, в каждой строчке которой варьируются слова, обозначающие различные виды ямса [465, 387].

Примерно тот же характер носят песни у кераки. Каждая песенная фраза состоит из слов «вернись» или «приди», обращенных к ямсу либо таити, названия видов которых всякий раз меняются [770, 331].

М. Мид обратила внимание на то, что песни абуллу, «подобно большинству песен арапеш», относятся к чьей-нибудь смерти и мотивы, прямо относящиеся к ямсу, для них необязательны [542, 428—429].

Согласно представлениям папуасов Берега Маклая, в связи с успешным урожаем духи умерших, помогавшие людям, должны быть отблагодарены. Наилучшей формой для того является уборочная праздничная церемония. Ее устраивают, когда овощи на новых огородах созрели для еды.

Мужчины исполняют предпраздничный ритуал, должный убедить мифологические силы в том, что к ним нужно послать духов умерших членов патриклана.

Ночная музыка сопровождает приход духов и появление их в культовом доме, где происходит их «кормление». После нескольких ночей пребывания там духов провожают в священные заводы [488, 210—211].

Аналогичная картина наблюдается на о-вах Тробриан, где во время ритуалов *миламала*, устраиваемых ежегодно после уборки урожая, деревню посещают духи умерших — *балома*. Для них сооружают платформы, готовят подарки, в их честь звучит музыка и исполняются танцы [528, 270—271].

У хули (Южное Нагорье) происходит большое ритуальное празднество *теге пулу*, в котором органически соединяются культы плодородия и почитания умерших. Оно начинается с того, что выкрашенные охрой женщины начинают бегать по огороду, вытаптывая его. За ними бегут мужчины. При этом все хором (через короткие промежутки времени) кричат: «Теге пулу. теге-пулу. . теге пулу». На затоптанном огороде юноши совершают танец. «После этого „благословения“ на земле снова можно было сажать таро». Здесь же разыгрывается сцена посадки [31, 88—89].

Среди других ритуалов устойчивым является принесение в жертву свиньи. Оно должно привлечь духов — покровителей данной группы, от которых зависит обеспечение плодородия огородов. Считается, что духи присутствуют на празднестве во время исполнения танца *пулу* [375, 44—45].

В районе р. Флай зафиксированы ритуальные танцы, посвященные кокосовым орехам. Цель их — одновременно обеспечить богатый урожай и рост деревьев, сохранить кокосы от птиц и зверей. До начала церемонии люди стараются добыть как можно больше

белых попугаев, о которых известно, что они причиняют особенно большой вред кокосам. Убитых птиц развешивают на деревьях, и мужчины обращаются к ним с речью, смысл которой — предупредить живых птиц о том, что их ожидает. Деревья украшаются гирляндами раскрашенного сагового фибра. Здесь же совершается танец кокоса, причем танцующие надевают специальные наряды. Танец длится несколько часов, и затем уходящих гостей одаривают орехами.

В песнях, сопровождающих танец, воспеваются обилие кокосов, их крепость и особенный вкус; поющие обращаются к ветру с просьбой не дуть на пальмы и к реке — не уносить их [209, 137—138].

Существуют различные магические действия, заклинания и песни, связанные с процессом добычи саго. Выбрав в лесу пальму, которая должна содержать много саго, человек начинает рубить ее, произнося при этом один из вариантов заклинания, который считается наиболее подходящим для него. Заклинания эти очень просты в отношении текста, в них повторяется несколько слов. Например: *Бонива кау, одеи кау, Банива кау, одеи кау. Бонива* (или *Банива*) — названия двух скал, возвышающихся над обширными пространствами саговых роц; *одеи* — «саго»; *кау* — англ. «dust». В другом заклинании повторяются иные слова: *Нина бои, одеи бои* — «дух солнца, дух саго. .» [668, 89].

В то время когда работающий, сидя верхом на срубленном стволе, действует инструментом для выскабливания саго, он сопровождает свои ритмические удары странными восклицаниями и музыкальными криками: *Ейейейейейейе, о-дего-о-о-о-о о-дего-о-о-о-о* — и подобными им, которым он не может дать никаких объяснений [769, 59].

Когда женщина маринд-аним моет саго, она приговаривает заклинание, связанное с мифологическими представлениями о существовании некоего живого начала (*вих*) во всех окружающих предметах, в том числе в саго. Заклинание обращено к мифологическим силам (*дема*), чтобы они заставили вих войти в саго [198, 197].

* * *

Г. Ландтман, вдумчивый исследователь папуасского традиционного быта, отметил одну существенную особенность новогвинейской обрядности: «Почти все церемонии так или иначе имеют отношение к агрокультуре, даже если главный их предмет — война, добыча черепах или инициация». Связь между различными обрядами и огородными делами проявляется по-разному и подчас совершенно неожиданно [465, 70].

Проявления такой связи, имплицитные, символические либо открытые и самим участникам вполне понятные, особенно важны для уяснения структуры представлений папуасов о возможностях

регулировать результаты огородного труда и о силах, от которых в конечном счете зависит успех дела.

Одной из самых важных у киваи считалась церемония *могуру*, окружавшаяся густой таинственностью и внушавшая благоговение. Г. Ландтману с огромным трудом удалось получить о ней некоторую информацию.

Могуру исполнялась каждый год, иногда дважды в год, и длилась до двух месяцев. Основным местом ее проведения был мужской дом — *даримо*. Как обычно, центральные эпизоды ритуала окружаются меньшими по объему и значению; ритуал включает множество танцев и песен. Определяющие моменты церемонии: приготовление жизнедающих препаратов и магических предметов для огородов (особенно для роста саговых пальм) и для самих людей; посвящение девушек и юношей, достигших половой зрелости; ритуальный захват дикого кабана.

Весьма характерным для могуру является переплетение ритуальных действий, имеющих целью обеспечить урожайность огородных культур, с сексуальным обучением девушек и обрядовой связью с ними старших мужчин, с охотничьим обрядом, эпизодами военного характера. Любопытно, что по времени одна часть инициационной церемонии совершается до приготовления препаратов, а другая — включена в обряд, который называется *мауре могуру*. Магические препараты готовятся в специальной посуде (*бару*). По словам Г. Ландтмана, в ходе этого обряда происходили беспорядочные сексуальные встречи, при которых все брачные нормы, понятия о ревности, воздержании и т. п. отбрасывались. В приготовленные препараты добавлялась сперма.

Все это время в главном отсеке мужского дома происходили танцы. Участники их поочередно уходили к женщинам и снова возвращались. Днем они отсыпались. Обряд продолжался несколько ночей, пока у какой-нибудь из женщин не появлялись признаки беременности.

Песни, которые пелись во время танцев, по содержанию своему относились к теме связи с женщиной, причем одна часть текстов развивала эту тему в мифическом плане, а другая — в реальном.

Некоторые эпизоды обряда совершались на огороде. «Мать» и «отец» (главные персонажи ритуала) рубили саговую пальму топором, который был смазан женской секрецией.

На утро после мауре могуру препарат распределялся между владельцами огородов. Каждый мужчина обмазывал им ствол одной пальмы, прося при этом дерево расти большим и дать побольше плодов. Иногда таким же образом поступали с кокосами и бананами. Кроме того, часть препарата закапывали в некоторых огородах или разбрызгивали над ними.

Корни саговой и отростки кокосовой пальмы держали во время обряда в мужском доме, производили над ними некоторые манипуляции и после этого сажали.

Препараты употреблялись также и самими участниками обряда: женщины натирали ими тела мужей; их подмешивали в пищу — для продления жизни; они считались сильнейшим любовным (приворотным) средством и т. д.

Любопытным образом соединяются в обряде могуру земледельческие и охотничьи мотивы. Сам обряд ловли и заклания свиньи связан с охотничьим мифом. Разрубленные части свиньи приобретают магическую силу. В частности, их закапывают на огородах (то же делают с листьями, на которых разделявали тушу), кровью натирают саговые пальмы.

Описание ритуала в целом и многих его подробностей с большой определенностью указывает на характер представлений, с которыми он связан [465, 350—367].

Анализ материалов, собранных этнографами на Новой Гвинее, свидетельствует о том, что мы имеем дело с цельной системой, в которой предстают взаимосвязанными и взаимообусловленными элементы представлений о земле и огородных культурах, мифологических знаний, магии, различных культов, обрядов, песенно-музыкального фольклора. Все эти элементы и система в целом органически включены в более широкий мировоззренческий, бытовой, культурный континуум, в сложном контексте которого, собственно, только и можно понять их смысл, направленность, объяснить многие загадки, в них кроющиеся.

**РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА
И ФОРМИРОВАНИЕ ПОСЕЛЕНИЙ
ГОРОДСКОГО ТИПА**

В настоящее время заметно возросло внимание к изучению городских поселений разных эпох, в том числе и древних городских организмов. Это объясняется рядом обстоятельств. С одной стороны, археологические исследования в самых различных регионах привели к обнаружению крупных населенных центров весьма раннего времени, что, естественно, поставило на повестку дня вопрос об их функциональном определении. С другой — интенсивное развитие процессов урбанизации в современном мире заставило обратить внимание на истоки этого явления, и изучение древних поселений в известной мере стало ареной идеологической конфронтации [162]. За последнее десятилетие археологами была открыта целая зона раннегородских культур бронзового века между Месопотамией и Индией [91, 96, 463]. Не прекращается дискуссия, вызванная раскопками Чатал-Гююка — крупного оседлого центра второй половины VII — первой половины VI тыс. до н. э. в Малой Азии [92, 548], не говоря уже о более ранней дискуссии, связанной с докерамическим Иерихоном [90]. Группа Р. Адамса на основании составления детальных археологических карт занималась вопросами типологии и динамики развития древних поселений Месопотамии и Элама [93, 167, 168]. Большая работа была проделана советскими учеными, и в первую очередь И. М. Дьяконовым, по изучению древневосточного города [39, 49, 50, 62]. Рассматривалась проблема городских организмов в обществе майя [41, 42, 396].

Исследование характера и структуры первых городских центров имеет решающую роль и для изучения самих раннеклассовых обществ. И. М. Дьяконов специально подчеркивает, что в древности город играл лидирующую роль в экономической, социальной и политической жизни [49, 1]. Древнейшие городские

организации становились своего рода нуклеарной частью первых классовых образований, которые зачастую так и именуются городами-государствами. Именно в городах сосредоточивались органы власти, складывался административный аппарат, постепенно сменяющий органы первобытного самоуправления. Данную особенность городских центров раннеклассовых обществ справедливо отмечает В. И. Гуляев, определяющий города как поселения с местонахождением царской власти, осуществляющие функцию идеологического лидерства и характеризующиеся определенными количественными показателями [42, 84]. Однако политическая власть в первичных раннеклассовых обществах, как правило, не обосновывалась на пустом месте — ее резиденциями становились естественные центры страны, бывшие обычно крупными населенными пунктами, в которых, кстати, социальное развитие и приводило в первую очередь к обособлению и выделению политической власти. Поэтому думается, что когда, например, Чжан Гуанчжи подчеркивает в первую очередь социально-политический аспект так называемой городской революции и процесса урбанизации [288], то он недооценивает роль и значение процессов, происходивших в хозяйстве и изменивших с выделением ремесел саму структуру производства.

Последнее особенно важно в генетическом аспекте, при обращении к истокам формирования тех городских организмов, которые со временем становятся резиденциями различных правителей и царьков. Эти истоки ведут в недра первобытнообщинного строя, в систему расселения, складывающуюся в оседлоземледельческих обществах. Особенность города как института, зарождающегося в рамках первобытной формации, удачно отметил Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства»: «Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни достигают уже цивилизации».¹ Данное же обстоятельство подчеркивал и К. Маркс в «Немецкой идеологии»: «Наибольшее разделение материального и духовного труда, это — отделение города от деревни. Противоположность между городом и деревней начинается вместе с переходом от варварства к цивилизации, от племенного строя к государству».² Можно уверенно сказать, что формирование первых городских организмов, своего рода прото-городов, было одним из наиболее замечательных достижений раннеземледельческих обществ.

Для рассмотрения этого вопроса первостепенное значение имеет определение самого понятия «город». Подчеркивая одну из особенностей городов, К. Маркс писал: «Город уже представляет собой факт концентрации населения, орудий производства, капитала, наслаждений, потребностей».³

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 164.

² Там же, т. 3, с. 49.

³ Там же, с. 50.

Важная особенность поселений городского типа — выполнение ими специфических функций, из числа которых для древнейших этапов развития городов особое значение имели регулятивные, ремесленные и торговые, а также функция идеологического лидерства. Значение города как пункта концентрации населения, орудий производства, культурного потенциала, выполняющего специфические функции, прямым образом отражается в морфологических особенностях, характеризующих прежде всего компактной застройкой и развитием высотной архитектуры, определяющей городской силуэт. В связи с этими потребностями древняя архитектура вырабатывает специальные каноны монументальных престижных построек — храмов или дворцов. Важная морфологическая черта — стремление к благоустройству, что, правда, отчетливо проявляется отнюдь не на ранней стадии развития городских поселений и не во всех обществах в равной мере.

Традиционно важным признаком городских поселений считается наличие укреплений и развитой фортификации вообще. Это подчеркивается и этимологией самого слова «город», в частности в русском языке, и характером пиктограмм, употреблявшихся для обозначения поселений в Древнем Китае и Шумере. Однако И. М. Дьяконов справедливо подметил, что наличие городских стен не особенно показательно [50, 34] и, видимо, не относится к числу признаков первого порядка. Развитие фортификации тесно связано с военной функцией, выполнявшейся тем или иным поселением. Существование на поселениях укреплений и их характер прямым образом зависят от политической ситуации, нестабильность и напряженность которой сразу же сказываются на развитии фортификации. Милитаризация общества, выделение сословия воинов, составлявших опору князя-басилевса, прогресс оружейного дела идут рука об руку с интенсивным развитием укреплений. Это хорошо прослеживается на примере Малой Азии эпохи бронзы [547, 26, 32] и Закавказья поры поздней бронзы — раннего железа [12, 27; 125, 57]; с другой стороны — в Южном Туркменистане в эпоху ранней и средней бронзы (или Намазга IV и V — по принятой периодизации) крупные поселения типа Алтын-Депе и Намазга-Депе имеют обводные стены, частично образованные утолщенными внешними стенами жилых домов. В данном отношении особенно показательно оформление центрального въезда на Алтын-Депе. Он имел в ширину 15 м, а по его краям располагались две монументальные башни (пилоны), носящие более декоративный, чем фортификационный, характер. Никаких дополнительных устройств для защиты самого уязвимого места обороны города не было. Это полностью соответствует общему облику культуры Алтын-Депе, где оружие встречается весьма редко и среди нескольких сот изученных костяков, найденных в могилах, следы военного травматизма отсутствуют.

При конкретных разработках очень важно установление количественных параметров для поселений разных типов. В отношении

древних городов оно должно вестись с учетом строительной техники, обеспечивающей потребности общества определенного культурно-хозяйственного типа. В свое время Г. Чайлд предложил считать количественным показателем города число жителей более 5000 человек [293]. Массовый анализ поселений с плотной застройкой и глинобитными домами, т. е. ближневосточных теллей, показал, что там достаточно четко выделяется группа памятников, имеющих площадь более 6—7 га, которую исследователи предлагают считать поселениями городского типа [169]. Для древних городов Месопотамии Г. Франкфорт предполагает плотность, равную 400 человек на 1 га [364]; по другим расчетам, она составляла 125—250 человек на 1 га [293]. Для густо заселенного мусульманского города наиболее характерной является цифра 400—500 человек на 1 га [16, 258]. Раскопки жилых кварталов городов Южного Двуречья указывают на исключительную скупченность застройки, что больше свидетельствует в пользу цифры, выведенной Франкфортом. Изучение кушанских поселений на юге Узбекистана, также образованных глинобитными домами, показывает, что значимая грань в их группировке по площади лежит между 4 и 5 га [95, 8]. Исходя из этих данных в обществах ирригационного земледелия аридной зоны с глинобитной архитектурой поселения с числом жителей более 2000—3000 человек могут оцениваться как крупные центры или поселения городского типа. Однако такие параметры неприменимы для тех древних обществ, где требуется конкретный подход. Так, в Малой Азии и Эгее в III тыс. до н. э. существует целый ряд укрепленных центров с развитым ремеслом, по площади не превышающих 1—3 га. К их числу, в частности, относится и Троя. Т. В. Блаватская предложила именовать эти поселения «небольшими городами» [24, 35—43, 120], а К. Ренфрю называет в Эгее городками (town) памятники площадью более 2 га [636, 242]. Видимо, разная плотность населения, связанная с разными системами земледелия, обусловила для Эгеи и Малой Азии III—II тыс. до н. э. и иные размеры городских центров.

Здесь мы сталкиваемся с тем обстоятельством, что наиболее важную роль играют не столько количественные показатели, сколько функции, выполнявшиеся тем или иным поселением. Правда, следует иметь в виду, что некоторые функции возникли благодаря значительным размерам поселений, а иногда именно и в силу этих размеров.

Функциональная характеристика и функциональная типология городов достаточно подробно разработаны в современной географической науке [37]. Различаются функции региональные, направленные на обеспечение и обслуживание округа, и функции центральные, связанные с существованием и деятельностью самого городского центра. Обычно крупные города полифункциональны, поэтому при их типологизации учитываются типичные функции. Существуют и предложения по количественным параметрам,

когда для городов признается характерным наличие более 55 функций, для малых городов — 28—50, для поселков — 10—25 функций [36, 53, 58]. Учет функций ведется по профессиям обитателей поселений, и в этом отношении исследователи современных центров, опирающиеся на статистические данные переписей населения, находятся в несравненно лучшем положении, чем археологи и историки древности. Но и для древних периодов имеются определенные возможности учета функций городских поселений. Например, лишь по документам о сделках жителей старовавилонской Ларсы устанавливается наличие в городе 22 профессий. Б. А. Рыбаков, по данным археологии, в древнем Киеве насчитывает 60 только ремесленных профессий [136, 244].

Однако функциональный подход отнюдь не должен заслонять конкретно-исторический анализ. В работах западных исследователей, в основном англо-американских, заметно проявляется тенденция рассматривать город как некий абстрактный феномен, взятый без конкретной специфики, в своего рода внеформационном и надформационном вакууме. Поэтому не следует забывать о том, что древние города это не просто исполнители определенных функций, а сложные социальные организмы, образующие составную часть всей социально-экономической системы, конкретно воплощающие ее характерные особенности, причем, как правило, в наиболее ярких и репрезентативных формах. Даже типология городов должна проводиться лишь как внутрiformационный анализ и исследование типологически близких обществ с учетом социальной стратификации городского населения, через посредство различных групп которого идет осуществление соответствующих функций. Положение города в системе общества находит выражение как в разном наборе функций, так и в самом их содержании. Например, организационные и социальные формы древних ремесел принципиально отличны от соответствующих форм крупной машинной индустрии, воплощающей в капиталистических городах их промышленную функцию. Для первых городов особое значение имеет широко представленная и генетически наиболее древняя функция центров земледельческой округи [94]. Отчетливо проявляются в древних городах такие функции, как ремесленная, торговая, идеологического лидерства, частично военная и административная. Их возникновение и развитие неразрывны с самим процессом формирования городских структур, с теми предпосылками, которые ведут к этому формированию.

В числе предпосылок следует прежде всего назвать способ получения продуктов питания, обеспечивающий стабильную оседлость и высокую плотность населения, что способствовало его концентрации. Возможности для последней и создавало оседлое земледельческо-скотоводческое или просто земледельческое хозяйство. Резкое увеличение плотности населения в оседлоземледельческих обществах по сравнению с обществами охотников и собирателей хорошо известно. Оно возрастает почти в 100 раз

[97, 102—104; 246, 24—25]. Неудивительно, что уже на ранних этапах развития этих обществ появляются и сравнительно крупные населенные центры. Таково, например, поселение Чатал-Гуюк в Малой Азии, датирующееся второй половиной VII—первой половиной VI тыс. до н. э. и занимающее площадь около 12 га, что при разной методике оценок предполагает наличие древнего населения от 2000 до 5000 человек [92, 147—148]. Чатал-Гуюк был центром равнины Кония, где располагались еще 22 мелких поселка. И скорее всего он уже осуществлял в какой-то мере функцию центра сельскохозяйственной округи и политического центра группы племен. На юге Средней Азии в эпоху энеолита имелись крупные оседлоземледельческие поселения с числом жителей 1000—2000 человек. Иерархическая структура поселений с крупными центрами складывается в земледельческо-скотоводческой трипольской культуре, получившей распространение в Молдавии и на правобережной Украине. По этнографическим материалам хорошо известны крупные населенные центры у оседлых земледельцев племен пуэбло, папуасов Новой Гвинеи и у ряда других народов. Таким образом, именно в земледельческих обществах формировались важнейшие предпосылки, которые в определенных условиях вели к сложению городов, и это во многом определяло их значение в мировой истории.

Второй важнейшей предпосылкой формирования древнейших городских центров явилось отделение ремесла от земледелия как крупное общественное разделение труда, обеспечивавшее городу положение пункта концентрации специализированных производственных функций. Процесс технологической специализации и обособления ремесла в системе общественного производства шел во многом одновременно с формированием городов как качественно нового типа поселений, специфической особенностью которых как раз и было интенсивное развитие ремесел. Нередко говорят о том, что в древнейших городских центрах ремесленная деятельность по объему отнюдь не образовывала значительной доминанты в занятиях жителей. Однако, как справедливо отмечает Э. В. Сайко, в данном случае важен не столько объем развивающегося явления, сколько заложенные в нем тенденции, определяющие дальнейшее развитие [137, 17]. Более того, по мере формирования городских центров у населения возникают потребности, стимулирующие как интенсивное развитие традиционных производств, так и возникновение новых, город и ремесло выступают в сложном взаимодействии системы прямых обратных связей. В оседлоземледельческих обществах Старого Света носителями технического прогресса, определявшего развитие ремесленных производств в период сложения городских организмов, были металлургия и гончарное дело с их значительными достижениями в сфере теплотехники.

Третью группу факторов, входящих в число предпосылок сложения городских поселений, составляют явления обществен-

ного порядка — социальная дифференциация общества, включающая все большее усложнение и обособление органов управления, особенно в связи с необходимостью организации циклической сельскохозяйственной деятельности в широких масштабах, связанной с ирригационным земледелием. Крупные населенные пункты становятся естественными центрами концентрации деятельности такого рода, осуществляемой на первых порах в рамках органов первобытнообщинного строя. Новые условия предъявляли и новые требования к личностным характеристикам общественных лидеров. Как отмечает В. П. Алексеев, глава земледельческого коллектива — человек, придерживающийся традиций, степенный и положительный, более детектор, чем генератор [1].

Существенной предпосылкой развития городских поселений было развитие коммуникабельности в разных ее проявлениях, в том числе и в форме технологического развития транспортных средств. Изучение топографии древнешумерских поселений показало существование определенных пространственных рубежей, разделяющих город и поселения сельской округи [169, 31—32], что в числе прочих причин связано, видимо, с возможностями транспортировки разного рода грузов. Интересно, что, например, на юге Средней Азии как раз на III тыс. до н. э. (время формирования первых протогородских или раннегородских поселений) приходится и развитие колесного транспорта в виде массивных четырехколесных телег, запряженных одним или двумя верблюдами [38, 14—15, 68, рис. 1]. Ко времени формирования городских поселений можно отнести развитие колесного транспорта и в Месопотамии [615], где, правда, сухопутные коммуникации успешно дополнялись водными артериями. Развитие транспорта способствовало осуществлению городскими поселениями региональных функций, и прежде всего функции центра сельскохозяйственной округи, резервный и семенной фонд которой нередко сосредоточивался в храмовых комплексах формирующихся городов.

В качестве пятой группы факторов, способствующих формированию городских организмов, можно назвать сложение иерархической структуры религиозных представлений, с выделением главного божества или главной пары божеств, которым соответственно посвящались наиболее значительные и эффектные культовые комплексы. В этих условиях формировалось и само явление идеологического лидерства, носителями которого, как правило, и были первые городские центры.

Наконец, следует в полной мере учитывать и военно-политическую ситуацию как фактор, прямо воздействующий на концентрацию населения в определенных пунктах, играющих роль убежищ. В регионах с высокой плотностью разнородного населения при накоплении богатств и запасов развивающимися земледельческими общинами возрастает значение военных конфликтов, направленных на их насильственное перераспределение. Это особенно заметно по развитию оружейного дела и оборонительных

сооружений. Так, в бронзовом веке Эгейского мира характерной принадлежностью взрослого мужчины становится кинжал [636, 393], который клали с его владельцем и в могилу [25, 16]. Столь же напряженной была военно-политическая ситуация в Малой Азии в III тыс. до н. э., а также, судя по всему, в додинастическом Египте и в древнейшей Месопотамии.

Следует иметь в виду, что все эти факторы и предпосылки действовали не изолированно, а в тесной взаимосвязи и взаимодействии, варьируя в различной конкретно-исторической ситуации. Во всяком случае совершенно ясно, что как сами городские организмы, так и процесс их сложения тесно связаны со всей структурой раннеземледельческих обществ, в среде которых они формируются в условиях благоприятного сочетания целого ряда факторов и предпосылок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В. П. Человек: биология и социологические проблемы. — Природа, 1971, № 8.
2. Алексеев В. П. Палеодемография СССР. — СА, 1972, № 1.
3. Алексеев В. П. Очаги расообразования: антропология и история. — Природа, 1973, № 5.
4. Алексеев В. П. К физиологическому объяснению феномена грацилизации. — ВА, 1975, вып. 51.
5. Алексеева Т. И., Шауро Э. А. Аномалии черепа в их географической, социальной и генетической обусловленности. — В кн.: Морфофизиологические исследования в антропологии. М., 1970.
6. Алексеева Т. И. Географическая среда и биология человека. М., 1977.
7. Алёшкин В. А. Социальный строй раннеземледельческих обществ по погребальным памятникам культур Средней Азии и Ближнего Востока. Автореф. канд. дис. М., 1977.
8. Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья (в связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия). М., 1969.
9. Андрианов Б. В. Земледелие наших предков. М., 1978.
10. Антонова Е. В. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1977.
11. Антонова Е. В. К вопросу о значении поз антропоморфных изображений дописьменной эпохи (Передняя и Средняя Азия). — В кн.: Древность и средневековые народы Средней Азии. М., 1978.
12. Арешян Г. Е. Железо в древней Западной Азии. Автореф. канд. дис. Л., 1975.
13. Артамонов М. И. Некоторые итоги пятилетних исследований Юго-Подольской археологической экспедиции. — КСИА АН УССР, 1955, вып. 4.
14. Бароян О. В. Очерки по мировому распространению важнейших заразных болезней человека. М., 1967.
15. Башилов В. А. Древние цивилизации Перу и Боливии. М., 1972.
16. Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
17. Березкин Ю. Е. Начало земледелия на Перуанском побережье. — СА, 1969, № 1.
18. Березкин Ю. Е. Из истории древнего Перу: социальная структура мочика сквозь призму мифологии. — ВДИ, 1978, № 3.
19. Березкин Ю. Е. Новый шаг на пути изучения древнеперуанских росписей. — СЭ, 1979, № 1.
20. Бибииков С. Н. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре. Из истории ранних земледельческо-скотоводческих племен на юго-востоке Европы. — МИА, 1953, № 38.

21. Бибииков С. Н. Из истории каменных серпов на юго-востоке Европы. — СА, 1962, № 3.
22. Бибииков С. Н. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья. (Опыт изучения первобытной экономики). — СА, 1965, № 1.
23. Бибииков С. Н. О ранних формах ремесленного производства. Домашние промыслы и ремесло. — В кн.: Тез. расширенного заседания сектора Средней Азии и Кавказа. Л., 1970.
24. Блаватская Т. В. Ахейская Греция. М., 1966.
25. Блаватская Т. В. Черты военной демократии в обществах Эллады III—II тыс. до н. э. — В кн.: Возникновение раннеклассового общества. Тез. докл. М., 1973.
26. Боглар Л. Индейцы наmbиквара — маргинальная группа в Бразилии. — СЭ, 1972, № 3.
27. Бунак В. В. Об эволюции формы черепа человека. — ВА, 1968, вып. 30.
28. Бутинов Н. А. Новые коллекции МАЭ по культуре и быту папуасов Берега Маклая на Новой Гвинее. — СМАЭ, 1974, т. 30.
29. Бутинов Н. А. Вемуны в деревне Бонгу. — В кн.: На Берегу Маклая. (Этнографические очерки). М., 1975.
30. Бутинов Н. А. Путь к Берегу Маклая. Хабаровск, 1975.
31. Бьерре Й. Встреча с каменным веком. М., 1967.
32. Вавилов Н. И. Географические закономерности в распределении генов культурных растений. — Тр. по прикл. ботанике, генетике и селекции, 1927, т. 17, вып. 3.
33. Вавилов Н. И. Избр. тр. М.; Л., 1959, т. I; 1961, т. II; 1962, т. III; 1964, т. IV; 1965, т. V.
34. Вдовин И. С. Исторические особенности формирования общественного разделения труда у народов северо-востока Сибири. — В кн.: Социальная история народов Азии. М., 1975.
35. Возникновение и развитие земледелия. М., 1967.
36. Гарнер Б. Дж. Модели географии городов и размещения населенных пунктов. — В кн.: Модели в географии. М., 1971.
37. География городов. М., 1965.
38. Георгиев Г. Ил. За някой срѣдия производство от неолита и енеолита в България. — В кн.: Исслед. в чест на акад. Димитър Дечев по случай 80 годишнинага му. София, 1958.
39. Грибов Р. А. Северомесопотамский город в конце XIX—первой половине XVIII в. до н. э. по текстам Мари. — В кн.: Древний Восток. Города и торговля. Ереван, 1973.
40. Григорьева Г. В., Маркевич В. И., Попова Т. А., Черныш Е. К. Работы Молдавской экспедиции. — В кн.: Археол. открытия 1968 г. М., 1969.
41. Гуляев В. И. Древнейшие цивилизации Месоамерики. М., 1972.
42. Гуляев В. И. Города майя. — СА, 1977, № 4.
43. Даниленко В. Н. Неолит Побужья и вопрос о сложении трипольской культуры. — В кн.: Тез. докл. на VIII конф. Ин-та археол. в Киеве. Киев, 1956.
44. Даниленко В. Н. Археологические исследования в зоне строительства ГЭС на Южном Буге в 1959—1960 гг. — КСИА АН УССР, 1962, вып. 12.
45. Даниленко В. Н. Неолит Украины. Киев, 1969.
46. Дебец Г. Ф. О некоторых направлениях изменений в строении человека современного вида. — СЭ, 1961, № 2.
47. Дебец Г. Ф. О физическом развитии и конституциональных типах древних народов СССР. — В кн.: Тез. докл. на засед., посв. итогам полев. исслед. 1961 г. М., 1962.
48. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — ТИЭ АН СССР, 1960, т. 55.
49. Дьяконов И. М. Экономика древневосточного города. М., 1970.
50. Дьяконов И. М. Проблемы вавилонского города II тыс. до н. э. — В кн.: Древний Восток. Города и торговля. Ереван, 1973.
51. Жданов В. М. Эволюция заразных болезней человека. М., 1964.
52. Жиров Е. В. Заметка о скелетах из неолитического могильника Южного Оленьего острова. — КСИИМК, 1940, вып. 6.

53. *Збенович В. Г.* Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. Киев, 1974.
54. *Зибер Н. И.* Очерки первобытной экономической культуры. СПб., 1899.
55. *Зубов А. А.* Этническая одонтология. М., 1973.
56. *Кабо В. Р.* Байнинги — примитивные земледельцы Океании. — Страны и народы Востока, М., 1964, вып. 3.
57. *Кабо В. Р.* Первобытная община охотников и собирателей (по австралийским материалам). — В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968, кн. 1.
58. *Кабо В. Р.* Тасманийцы и тасманийская проблема. М., 1975.
59. *Карнейро Р. Л.* Переход от охоты к земледелию. — СЭ, 1969, № 5.
60. *Кастро Ж. де.* География голода. М., 1954.
61. *Ковалевский Г. В.* Человеческие племена и растительные культуры. — Человек, 1928, вып. 2—4.
62. *Козырева Н. В.* Старовавилонский город Ларса. Автореф. канд. дис. Л., 1974.
63. *Комаров В. Л.* Происхождение культурных растений. М.; Л., 1938.
64. Конференция «Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему». М., 1974.
65. *Коробкова Г. Ф.* Работы лаборатории первобытной техники в Молдавской археологической экспедиции. — В кн.: Археол. открытия 1969 г. М., 1970.
66. *Коробкова Г. Ф.* Работы экспериментальной группы Молдавской археологической экспедиции. — В кн.: Археол. открытия 1969 г. М., 1970.
67. *Краснов Ю. А.* Об одной группе роговых и деревянных орудий эпохи неолита и бронзы. — КСИА АН СССР, 1970, вып. 123.
68. *Краснов Ю. А.* Раннее земледелие и животноводство в лесной зоне Восточной Европы. — МИА, 1971, № 174.
69. *Крейнович Е. А.* Нивхгу. М., 1973.
70. *Кржиwickий Л.* Психические расы. СПб., 1902.
71. *Кричевский Е. Ю.* Древнее население Западной Украины в эпоху неолита и ранней бронзы. — КСИИМК, 1940, вып. 3.
72. *Кричевский Е. Ю.* Из истории дунайского понизовья в неолитическую эпоху. — КСИИМК, 1940, вып. 8.
73. *Кричевский Е. Ю.* Ранній неоліт і походження трипільської культури. — В кн.: Палеоліт і неоліт України. Київ, 1947, т. 1.
74. *Купцова А. И.* Введение в географию культурных растений. М., 1975.
75. *Кучера С.* Археология Китая. М., 1977.
76. *Левченко Л. Т.* О роли эпохальной изменчивости мозгового черепа в процессе эволюции зубочелюстного аппарата и патогенезе кариеса зубов у современного человека. — ВА, 1978, вып. 59.
77. *Липс Ю.* Происхождение вещей. М., 1954.
78. *Лисицына Г. Н.* История орошаемого земледелия в Южной Туркмении. — Успехи среднеаз. археол., Л., 1972, вып. 1.
79. *Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В.* Палеоэтноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М., 1977.
80. *Максимов А. Н.* Накаунне земледелия. — Учен. зап. Ин-та ист., 1929, т. 3.
81. *Маретина С. А.* К вопросу об общности происхождения нага (Ассам) и даяков с острова Калимантан (Борнео). — В кн.: Тез. конф. ЛГУ по ист., яз. и культ. Юго-Вост. Азии. Л., 1964.
82. *Маретина С. А.* Взаимоотношение естественных условий труда, хозяйства и общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии. — НАА, 1971, № 6.
83. *Маретина С. А.* Образование сословий и классов у горных народов Северо-Восточной Индии (к проблеме классовообразования). — Страны и народы Востока, М., 1972, вып. 14.
84. *Маретина С. А., Мухлинов А. И., Решетов А. М.* Взаимосвязь природной среды, хозяйства и социальной организации у народов Юго-Восточной Азии. — В кн.: XIV Тихоокеанский научный конгресс. Комитет Л. Социальные и гуманитарные науки. М., 1979, т. II.

85. *Маркевич В. И.* Неолитическая стоянка Сороки—Трифаяцкий лес. — В кн.: Матер. и исслед. по археол. и этногр. МолдССР. Кишинев, 1964.
86. *Маркевич В. И.* Исследования неолита на Среднем Днестре. — КСИА АН СССР, 1965, вып. 105.
87. *Маркевич В. И.* Неолит Молдавии. Автореф. канд. дис. М., 1968.
88. *Маркевич В. И.* Многослойное поселение Новые Русешты I. — КСИА АН СССР, 1970, вып. 123.
89. *Маркевич В. И.* Буго-днестровская культура. Кишинев, 1974.
90. *Массон В. М.* Докерамический неолит Иерихона. — СА, 1958, № 3.
91. *Массон В. М.* Протогородская цивилизация юга Средней Азии. — СА, 1967, № 3.
92. *Массон В. М.* Поселение Джейтун. Проблема становления производящей экономики. — МИА, 1970, № 180.
93. *Массон В. М.* [Рец. на:] Adams R. Mc C., Nissen H. J. The Uruk country-side. Chicago; London, 1972. — ВДИ, 1974, № 3.
94. *Массон В. М.* Первые города. — В кн.: Новейшие открытия советских археологов. (Тез. докл. конф.). Киев, 1975, ч. 1.
95. *Массон В. М.* Кушанские поселения и кушанская археология. — В кн.: Бактрийские древности. Л., 1976.
96. *Массон В. М.* Цивилизация древневосточного типа на юге Средней Азии. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1975 г. М., 1976.
97. *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ. М., 1976.
98. *Матюшин Г. Н.* Мезолит Южного Урала. М., 1976.
99. *Меновицков Г. А.* Эскимосы. Магадан, 1959.
100. *Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. — СА, 1971, № 3.
101. *Миклухо-Маклай Н. Н.* Собр. соч. М.; Л., 1950, т. II; 1951, т. III, ч. 1; 1953, т. IV.
102. *Миков В., Георгиев Г., Джамбазов Н.* Быт и культура. София, 1952, т. 1.
103. *Мовша Т. Г.* Многослойное трипольское поселение Солончени II. — КСИА АН СССР, 1965, вып. 105.
104. *Моретт Ф.* Экваториальная, Восточная и Южная Африка. М., 1951.
105. *Мунчаев Р. М., Бадер И. О.* Раннеземледельческое поселение в Северной Месопотамии. — Вестн. АН СССР, 1979, № 2.
106. *Народонаселение стран мира.* М., 1974.
107. *Народы Америки.* М., 1959, т. 1.
108. *Население мира.* М., 1965.
109. *Нейштадт М. И.* Палеогеография природных зон европейской территории СССР в послеледниковое время. — Изв. АН СССР. Сер. геогр., 1953, вып. 1.
110. *Нейштадт М. И.* К палеогеографии территории СССР в голоцене. — Изв. АН СССР. Сер. геогр., 1955, вып. 5.
111. *Николаев Л. П.* Национальные и социальные различия в размерах голловы и в некоторых соматоскопических признаках у населения Харьковского округа. — В кн.: Материалы по антропологии Украины. Харьков, 1926, вып. 2.
112. *Новиков Ю. Ф.* О возникновении земледелия и его первоначальных формах. — СА, 1959, № 4.
113. *Охотники, собиратели, рыболовы.* Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе. Л., 1972.
114. *Пассек Т. С.* Археологические разведки в Молдавии. — КСИИМК, 1949, вып. 26.
115. *Пассек Т. С.* Периодизация трипольских поселений. — МИА, 1949, № 10.
116. *Пассек Т. С.* Трипольские поселения на Днестре. — КСИИМК, 1950, вып. 32.
117. *Пассек Т. С.* Трипольское поселение Поливанов Яр. — КСИИМК, 1951, вып. 37.

118. *Пассек Т. С.* Итоги работ Трипольской (Днестровской) экспедиции. — КСИИМК, 1952, вып. 45.
119. *Пассек Т. С.* Раскопки трипольских поселений на Среднем Днестре. — КСИИМК, 1953, вып. 51.
120. *Пассек Т. С.* Некоторые итоги раскопок в Молдавии в 1955 г. — КСИИМК, 1957, вып. 70.
121. *Пассек Т. С.* Новые открытия на территории СССР и вопросы поздне-неолитических культур Дунайско-Днестровского междуречья. — СА, 1959, № 1.
122. *Пассек Т. С.* Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. — МИА, 1961, № 84.
123. *Патканов С.* О приросте инородческого населения Сибири. СПб., 1911.
124. *Первобытное общество.* Основные проблемы развития. М., 1975.
125. *Пиотровский Б. Б.* Археология Закавказья. Л., 1949.
126. *Политическая экономия.* Учебник для вузов. М., 1973.
127. *Попова Т. А.* Зооморфная пластика на керамике трипольского поселения Поливанов Яр. — В кн.: Тез. докл. науч. сессии, посв. итогам работы Ин-та этногр. за 1966 г. Л., 1967.
128. *Попова Т. А.* Костяные орудия трипольского поселения Поливанов Яр. — В кн.: Тез. докл. годич. науч. сессии, май 1968 г. Л., 1968.
129. *Попова Т. А.* Древние земледельцы Среднего Поднестровья в IV—III тыс. до н. э. (По материалам многослойного поселения Поливанов Яр). Автореф. канд. дис. Л., 1972.
130. *Пропи В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.
131. *Пуляркин В. А.* Экономико-географические процессы в сельском хозяйстве развивающихся стран. М., 1976.
132. *Решетов А. М.* Основные вопросы древнейшей истории юга Восточной Азии. — В кн.: Проблемы этнографии и этнической истории народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1968.
133. *Решетов А. М.* Копательные орудия древних китайцев. — В кн.: Кратк. содерж. докл. годич. науч. сессии Ин-та этногр. АН СССР, 1972—1973, 23—26 июля 1974 г. Л., 1974.
134. *Решетов А. М.* Основные проблемы изучения общества охотников, собирателей, рыболовов. — В кн.: Кратк. содерж. докл. годич. науч. сессии Ин-та этногр. АН СССР, 1974—1976. Л., 1977.
135. *Рогачев А. Н.* Об усложненном собирательстве как форме хозяйства в эпоху палеолита на Русской равнине. — В кн.: Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. М., 1973.
136. *Рыбаков Б. А.* Древнерусский город по археологическим данным. — Изв. АН СССР. Сер. ист. и филос., 1950, т. VII, № 3.
137. *Сайко Э. В.* Становление города как производственного центра. Душанбе, 1973.
138. *Сарианиди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.
139. *Семенов С. А.* Жатвенные кремневые ножи из позднелитического поселения Лука-Врублевская на Днестре. — СА, 1949, т. XI.
140. *Семенов С. А.* Древнейшие каменные серпы. — СА, 1954, т. XXI.
141. *Семенов С. А.* Первобытная техника. — МИА, 1957, № 54.
142. *Семенов С. А.* Происхождение земледелия. Л., 1974.
143. *Серошевский В.* Якуты. СПб., 1896, т. 1.
144. *Сказки и мифы* Океании. М., 1970.
145. *Слободин В. М.* К вопросу о возникновении земледелия. — В кн.: Матер. по ист. земледелия в СССР. М., 1952, т. 1.
146. *Субботин Л. В.* Болградский локальный вариант неолитической культуры Гумельница. Автореф. канд. дис. Киев, 1975.
147. *Тезисы докладов юбилейной конференции «150 лет ОГАМ АН УССР».* Киев, 1975.
148. *Титов В. С.* Первое общественное разделение труда. Выделение земледельческих и скотоводческих племен. — КСИА АН СССР, 1962, вып. 88.
149. *Титов В. С.* Древнейшие земледельцы в Европе. — В кн.: Археология Старого и Нового Света, М., 1966.

150. Толмачев А. И. Введение в географию растений. Л., 1974.
151. Файнберг Л. А. Индейцы Бразилии. М., 1975.
152. Фролов Б. А. Числа в графике палеолита. Новосибирск, 1974.
153. Харрисон Дж., Уайнер Дж., Тэннер Дж. и др. Биология человека. М., 1979.
154. Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. М., 1971.
155. Черныш Е. К. Многослойный памятник у с. Печоры на Южном Буге. АСГЭ, 1959, т. 1.
156. Черныш Е. К. К истории населения энеолитического времени в Среднем Приднестровье. (По материалам многослойного поселения у с. Незвиско). — МИА, 1962, № 102.
157. Чеснов Я. В. Юго-Восточная Азия — древний культурный центр. — ВИ, 1973, № 1.
158. Шнирельман В. А. Некоторые проблемы происхождения и распространения животноводства. — СЭ, 1974, № 3.
159. Шурц Г. История первобытной культуры. СПб., 1907.
160. Эфроимсон В. П. Иммуногенетика. М., 1971.
161. Ющенко А. И. К учению о конституциях с эволюционно-генетической точки зрения. — Совр. психоневрология, 1927, № 7—8.
162. Яницкий О. Н. Урбанизация и социальные противоречия капитализма. М., 1975.
163. Янушевич З. В., Маркевич В. И. Археологические находки культурных злаков на первобытных поселениях Прутско-Днестровского междуречья. — В кн.: Интродукция культурных растений. Кишинев, 1970.
164. Янушевич З. В. Культурные растения Юго-Запада СССР по палеоботаническим исследованиям. Кишинев, 1976.
165. Aberle S. B. Frequency of pregnancies and birth interval among Pueblo Indians. — AJPA, 1931, vol. 16, N 1.
166. Aczady G., Nemeskéri J. History of human life span and mortality. Budapest, 1970.
167. Adams R. Me C. Agriculture and urban life in South-Eastern Iran. — Science, 1962, vol. 136, N 3511.
168. Adams R. Mc C. Land behind Baghdad. Chicago; London, 1965.
169. Adams R. Me C., Nissen H. J. The Uruk countryside. Chicago; London, 1972.
170. Adels B. R., Gajdusek D. C. Survey of measles patterns in New Guinea, Micronesia and Australia. — Amer. J. Hyg., 1963, vol. 77, N 3.
171. Agnew R. G. Dental caries amongst Tibetans and border aborigines. — J. Dental Res., 1941, vol. 20.
172. Alcina Franch J. Manual de arqueología americana. Madrid, 1965.
173. Alekseeva T. I. Investigation of human adaptation in Soviet anthropology. — In: Physical anthropology and its extending horizons. Calcutta, 1973.
174. Allan W. The African husbandman. Edinburgh, 1965.
175. Allan W. Ecology, techniques and settlement patterns. — MSU.
176. Allen M. R. Male cults and secret initiations in Melanesia. London, 1967.
177. Ammerman A. J., Cavalli-Sforza L. L. Measuring the rate of spread of early farming in Europe. — Man, 1971, vol. 6, N 4.
178. Ammerman A. J., Cavalli-Sforza L. L. A population model for the diffusion of early farming in Europe. — In: The explanation of cultural change. London, 1973.
179. Ancient art of Peru. — Archaeology, 1968, vol. 21, N 2.
180. Anderson D. L., Popovich F. Dental reduction and dental caries. — AJPA, 1977, vol. 47, N 3.
181. Anderson J. E. [Выступление на симпозиуме]. — In: Human palaeoanthology. New Haven, 1966.
182. Anderson J. E. The human skeletons. — In: The prehistory of the Tehuacan valley. Austin; London, 1967, vol. 1.

183. *Andrews J. M.* Evolutionary trends in body build. — *PPMAAE*, 1943, vol. 20.
184. *Angel J. L.* Skeletal change in ancient Greece. — *AJPA*, 1946, vol. 4, N 1.
185. *Angel J. L.* Porotic hyperostosis, anemias, malaras and marshes in the prehistoric Eastern Mediterranean. — *Science*, 1966, vol. 153, N 3737.
186. *Angel J. L.* Ecological aspects of palaeodemography. — In: *The skeletal biology of earlier human populations*. Oxford, 1968.
187. *Angel J. L.* Disease and culture in the ancient East Mediterranean. — In: *Anthropological congress dedicated to A. Hrdlička*. Praha, 1971.
188. *Angel J. L.* Early neolithic skeletons from Çatal Hüyük. — *Anatolian Studies*, 1971, vol. 21.
189. *Angel J. L.* Biological relations of Egyptians and Eastern Mediterranean populations during pre-dynastic and dynastic times. — *JHE*, 1972, vol. 1, N 3.
190. *Angel J. L.* Ecology and population in the Eastern Mediterranean. — *WA*, 1972, vol. 4, N 1.
191. *Angel J. L.* The cultural ecology of general versus dental health. — In: *Bevölkerungsbiologie*. Stuttgart, 1974.
192. *Angel J. L.* Paleoeecology, paleodemography and health. — *PESE*.
193. *Anton F.* Alt Peru und seine Kunst. Leipzig, 1972.
194. *Anton F., Dockstader F.* Pre-Columbian art and later Indian tribal arts. N. Y.; London, 1968.
195. *Araúz R. T. de.* Demographic and dietary data for human groups inhabiting the eastern region of the Republic of Panama. — *BioScience*, 1969, vol. 19, N 4.
196. *Art of Oceania, Africa and the Americas from the Museum of primitive art*. The Metropolitan Museum of art. N. Y., 1969.
197. *Audy J. R.* The ecology of scrub typhus. — In: *Studies in disease ecology*. N. Y., 1961.
198. *Baal J. van.* Dema. Description and analysis of Marind-Anim culture (South New Guinea). The Hague, 1966.
199. *Baelz E.* Ueber vegetarische Massenernährung und über das Leistungsgleichgewicht. — *Berliner Klin. Wochenschr.*, 1901, Jg. 38, N 26.
200. *Bailey K. V.* Rural nutrition studies in Indonesia, V. — *TGM*, 1962, vol. 14, N 1.
201. *Bailey K. V.* Rural nutrition studies in Indonesia, X. — *TGM*, 1962, vol. 14, N 3.
202. *Bailit H. L., Friedlaender J. S.* Tooth size reduction: a hominid trend. — *AA*, 1966, vol. 68, N 3.
203. *Barnes J. A.* African models in the New Guinea highlands, — *Man*, 1962, vol. 62, January.
204. *Barrau J.* Subsistence agriculture in Polynesia and Micronesia. — *Bernice P. Bishop Mus. Bull.*, 1961, N 223.
205. *Barrau J.* L'Asie du Sud-Est, berceau cultural. — *Etudes Rurales*, 1974, N 53—56.
206. *Barringer B.* Neolithic growth rates. — *AA*, 1966, vol. 68, N 5.
207. *Baumhoff M. A.* Ecological determinants of aboriginal California populations. — *UCPAAE*, 1963, vol. 49, N 2.
208. *Baur E., Fischer E., Lenz F.* Menschliche Erblichkeitslehre und Rassenhygiene. München, 1931, Bd 2.
209. *Beaver W. N.* Unexplored New Guinea. London, 1920.
210. *Behrend G. D.* The epidemiology of dental caries and subsistence pattern change (abstract). — *AJPA*, 1978, vol. 48, N 3.
211. *Bell F. L.* Land tenure in Tanga. — *Oceania*, 1953, vol. XXIV, N 1.
212. *Belshaw C. S.* In search of wealth. Menasha, 1955.
213. *Benedict F. G., Steggerda M.* The food of the present day Maya Indians of Yukatan. — *Carnegie Inst. Washingt. Publ.*, 1936, N 456.
214. *Bennett F. J., Kagan I. G., Barnicot N. A., Woodburn J. C.* Helminth and protozoal parasites of the Hadza of Tanzania. — *Trans. Roy. Soc. Trop. Med. and Hyg.*, 1970, vol. 64, N 6.

215. *Bennett F. J., Barnicot N. A., Woodburn J. C. e. a.* Studies on viral, bacterial, rickettsial and treponemal diseases in the Hadza of Tanzania, and a note on injuries. — HB, 1973, vol. 45, N 2.
216. *Bennett W. C.* Archaeology of the North Coast of Peru. — APAMNH, 1939, vol. 37, pt 1.
217. *Bennett W. C.* The archaeology of Central Andes. — HSAI, 1946, vol. 2.
218. *Bennett W. C.* The Gallinazo group, Viru valley, Peru. — YUPA, 1950, N 43.
219. *Bennett W. C., Bird J. B.* Andean culture history. — Amer. Mus. Natur. Hist. Handbook ser., 1960, N 15.
220. *Benson E. P.* The Mochica, a culture of Peru. N. Y.; Washington, 1972.
221. *Benson E. P.* A man and a feline in Mochica art. — Studies in pre-Columbian Art and Archaeology, 1974, N 14.
222. *Berndt R. M.* Kamano, Jate, Usurufa and Fore kinship. — Oceania, 1954, vol. XXV, N 2; 1955, vol. XXV, N 3.
223. *Bertelsen A.* Grønlandsk medicinsk-statistik og nosografi. — Medd. Grønland, 1935, vol. 117, N 1.
224. *Bhowmik K. L., Gupta S. N., Bhowmik A.* Impact of agricultural development on the social structure of the Naga. — J. Soc. Res., 1969, vol. 12, N 2.
225. *Binford L. R., Chasco W. J.* Nunamiut demographic history. — DA.
226. *Bird J. B.* Preceramic art from Huaca Prieta, Chicama valley. — NP, 1963, vol. 1.
227. *Bird J. B., Bellinger L.* Paracas fabrics and Nazca needleworks. Washington, 1954.
228. *Birdsell J. B.* Some implications of the genetical concept of race in terms of spatial analysis. — CSHS, 1951, vol. 15.
229. *Birdsell J. B.* On population structure in generalized hunting and collecting populations. — Evolution, 1958, vol. 12, N 2.
230. *Birdsell J. B.* Some predictions for the Pleistocene based on equilibrium systems among recent hunter-gatherers. — MH.
231. *Birdsell J. B.* Human evolution. Chicago, 1972.
232. *Birdsell J. B.* A basic demographic unit. — CA, 1973, vol. 14, N 4.
233. *Birket-Smith K.* The Caribou Eskimo. — In: Report of the fifth Thule expedition. Copenhagen, 1929, vol. 5, pt 1.
234. *Bisolyaputra U., Bocobo D. L.* Dietary surveys in selected rural areas of Thailand. — PSC.
235. *Black F. L.* Infectious diseases in primitive societies. — Science, 1975, vol. 187, N 4176.
236. *Blackwood B.* Report on field work in Buka and Bougainville. — Oceania, 1931, vol. II, N 2.
237. *Bonavia D.* Ricchata Quellccani, pinturas murales prehispánicas. Lima, 1974.
238. *Bose J.* The nokrom system of the Garos. — Man, 1936, N 3.
239. *Bose S.* Economy of the Onge of Little Andaman. — Man in India, 1964, vol. 44, N 4.
240. *Boserup E.* The conditions of agricultural growth. London, 1965.
241. *Bosshard H. W.* Vicus. Ein neuentdecktes Glied in der Kette altperuanischer Kulturen. — Du, 1967, Jg. 27, H. 319.
242. *Boyer S. H.* Cultural determinants of biochemical evolution. — HB, 1963, vol. 35, N 3.
243. *Brace C. L.* A nonracial approach towards the understanding of human diversity. — In: The concept of race. N. Y., 1965.
244. *Brace C. L., Mahler P. E.* Post-Pleistocene changes in the human dentition. — AJPA, 1971, vol. 34, N 2.
245. *Braidwood R. J.* The agricultural revolution. — Scient. Amer., 1960, vol. 203, N 3.
246. *Braidwood R. J., Reed C. A.* The achievement and early consequences of food production. — CSHS, 1958, vol. 22.

247. *Brookfield H. C.* The ecology of highland settlement. — AA, 1964, vol. 66, N 4, pt 2.
248. *Brookfield H. C., Brown P.* Struggle for land. Melbourne, 1963.
249. *Brothwell D. R.* Dietary variation and the biology of earlier human populations. — DEPA.
250. *Brothwell D. R.* Palaeodemography and earlier British populations. — WA, 1972, vol. 4, N 1.
251. *Brown P.* Non-agnats among the patrilineal Chimbu. — J. Polynes. Soc., 1962, vol. 71, N 1.
252. *Brown P., Brookfield H. C.* Chimbu land and society. — Oceania, 1959, vol. XXX, N 1.
253. *Brown P., Podolefsky A.* Population density, agricultural intensity, land tenure, and group size in the New Guinea highlands. — Ethnology, 1976, vol. 15, N 3.
254. *Brues A. M.* The spearman and the archer. — AA, 1959, vol. 61, N 3.
255. *Buck J. L.* Land utilization in China. Oxford, 1937.
256. *Bugyi B.* Skelettale Veränderungen infolge des Überganges auf seßhaften Ackerbau bei den ungarischen Eroberern. — Mitt. Sek. Anthropol. Biol. Ges. in der DDR, 1962, H. 3.
257. *Bugyi B.* Zur Beurteilung des Berufes und des Ernährungszustandes auf Grund von Knochenmaterial. — Anthropos, Brno, 1963, č. 15. N. s., č. 7.
258. *Bulmer R.* The strategies of hunting in New Guinea. — Oceania, 1968, vol. XXXVIII, N 4.
259. *Bulmer R., Condominas G., Posnansky M.* [Выступления на симпозиуме]. — МН.
260. *Burger F.* Die Küsten- und Bergvölker der Gazellehalbinsel. Stuttgart, 1913.
261. *Burger F.* Urwald und Urmenschen. Dresden, 1923.
262. *Burling R.* Rengsanggri. Family and kinship in a Garo village. Philadelphia, 1963.
263. *Burling R.* Hill farms and padi fields. Englewood Cliffs, 1965.
264. *Burridge K. O.* The Gatai in Tangu. — Oceania, 1957, vol. XXVIII, N 1.
265. *Bushnell G. H.* Peru. London, 1956.
266. *Bushnell G. H.* A Cupisnique vase in the Royal Scottish Museum. — In: Proc. 32 ICA. Copenhagen, 1958.
267. *Bushnell G. H.* A Cupisnique bird jar. — In: Essays in pre-Columbian art and archaeology. Cambridge, 1961.
268. *Campa Soler R.* Vicus-Pabur. — ZE, 1970, Bd 95, H. 1.
269. *Campbell A. H.* Elementary food production by the Australian aborigines. — Mankind, 1965, vol. 6, N 5.
270. *Cantrelle P., Dupire M.* L'endogamie des Peuls du Fouta Djallon. — Population, 1964, vol. 19, N 3.
271. *Cappieri M.* Grundelemente der Demogenetik und der Anthropologie der Andamaner. — Acta Facult. Rer. Natur. Univ. Comen., Anthropol., 1963, t. 8, fasc. 1—2.
272. *Carlson D. S.* Temporal variation in prehistoric Nubian crania. — AJPA, 1976, vol. 45, N 3, pt 1.
273. *Carneiro R. L.* Slash-and-burn agriculture. — In: Men and cultures. Philadelphia, 1960.
274. *Carneiro R. L.* Shifting cultivation among the Amahuaca of Eastern Peru. — In: Beiträge zur Völkerkunde Südamerikas. Hannover, 1964.
275. *Carneiro R. L., Hilde D. F.* On determining the probable rate of population growth during the Neolithic. — AA, 1966, vol. 68, N 1.
276. *Carr-Saunders A. M.* The population problem. Oxford, 1922.
277. *Carrión Cachot R.* La indumentaria en la antigua cultura de Paracas. — Wira Kocha, Lima, 1931, vol. 1, N 1.
278. *Casteel R. W.* Two static maximum population models for hunter-gatherers. — WA, 1972, vol. 4, N 1.

279. *Castro J. de.* The geography of hunger. Boston, 1952.
280. *Cavalli-Sforza L. L.* Recherches génétiques sur les Pygmées Babinga de la République Centrafricaine. — Cahiers de la Maboké, 1968, t. 6.
281. *Cavalli-Sforza L. L.* Pygmies, an example of hunter-gatherers. — In: Human genetics. Proc. Fourth. internat. congr. of human genet. Amsterdam, 1972.
282. *Cavalli-Sforza L. L.* The origin and differentiation of human races. — Proc. Roy. Anthropol. Inst. for 1972, London, 1973.
283. *Cavalli-Sforza L. L., Bodmer W. F.* The genetics of human populations. San-Francisco, 1971.
284. *Chagnon N. A., Neel J. V., Weitzkamp L. e. a.* The influence of cultural factors on the demography and pattern of gene flow from the Makiritare to the Yanomama Indians. — AJPA, 1970, vol. 32, N 3.
285. *Chagnon N. A.* Tribal social organization and genetic microdifferentiation. — SHP.
286. *Chakravartti M. R.* Consanguinity in India. — Z. für Morphol. und Anthropol., 1968, Bd 60, H. 2.
287. *Chandrapanond A.* Dietary surveys in Thailand. — PSC.
288. *Chang K. C.* Urbanism and the king in the ancient China. — WA, 1974, N 1.
289. *Chauvin R.* L'effet de groupe. — Structure et physiologie des sociétés animales. Colloq. Internat. du Centre Nat. de la Rech. Scient., 1952, t. 34.
290. *Chen J. S., Huang C. S.* Dietary and clinico-nutritional survey of aborigines of Taiwan. — PSC.
291. *Childe V. G.* Danube in prehistory. Oxford, 1929.
292. *Childe V. G.* The dawn of the European civilization. London, 1939.
293. *Childe V. G.* The urban revolution. — Town Planning Review, 1950, vol. 21.
294. *Chowning A., Goodenough W. H.* Lakalai political organization. — In: Politics in New Guinea. Nedland, 1971.
295. *Christescu V.* Les stations préhistoriques du lac de Boian. — Dacia, 1924, t. 2.
296. *Clark J. D.* Mobility and settlement patterns in Sub-Saharan Africa. — MSU.
297. *Clarke W. C.* From extensive to intensive shifting cultivation. — Ethnology, 1966, vol. 5, N 4.
298. *Coale A. J.* The history of the human population. — Scient. Amer., 1974, vol. 231, N 3.
299. *Cockburn T. A.* Infectious diseases in ancient populations. — CA, 1971, vol. 12, N 1.
300. *Codrington R.* The Melanesians. London, 1891.
301. *Cohen M. N.* Population pressure and the origins of agriculture. — PESE.
302. *Collier D.* Cultural chronology and change as reflected in the ceramics of the Viru valley, Peru. — FA, 1955, vol. 43.
303. *Comşa E.* Consideratu cu privire la evolutia culturii Boian. — SCIV, 1954, t. 5, N 3—4.
304. *Conklin H. C.* The study of shifting cultivation. — CA, 1961, vol. 2, N 1.
305. *Cook O. F.* Milpa agriculture. — In: Ann. Rept. Smiths. Inst. Washington, 1921.
306. *Coon C. S.* Some problems of human variability and natural selection in climate and culture. — Amer. Naturalist, 1955, vol. 89, N 848.
307. *Coon C. S.* Race and ecology in man. — CSHS, 1960, vol. 24.
308. *Costa J. F. da.* Pre-Columbian ceramics of the Central Andes from the collection of Dr. J. F. da Costa. Rotterdam, 1968.
309. *Counts D. and D.* The Vula of Kalai. — Oceania, 1970, vol. XLI, N 2.
310. *Couvée L. M.* Marriage, obstetrics, and infant mortality among the Kapauku. — TGM, 1962, vol. 14, N 4.

311. *Couvée L. M., Nugteren D. H., Luyken R.* The nutritional conditions of the Kapaukus in the central highlands of Netherlands New Guinea, I. — TGM, 1962, vol. 14, N 1.
312. *Cowgill U. M.* An agricultural study of the Southern Maya lowlands. — AA, 1962, vol. 64, N 2.
313. *Crocombe R., Hide R.* New Guinea: unity in diversity? — In: Land tenure in the Pacific. Melbourne, 1971.
314. *Crognier E.* Adaptation morphologique d'une population africain au biotope tropical. — BMSAP. Sér. 12, 1973, t. 10, N 1.
315. *Crow J. F.* Some possibilities of measuring selective intensities in man. — HB, 1958, vol. 30, N 1.
316. *Curr E. M.* The Australian race. Melbourne, 1886, vol. 1.
317. *Dahlberg A. A.* Dental evolution and culture. — HB, 1963, vol. 35, N 3.
318. *D'Arcy Ryan.* Clan formation in the Mendi valley. — Oceania, 1959, vol. XXIX, N 2.
319. *Darlington C. D.* The silent millenia in the origin of agriculture. — DEPA.
320. *Das T.* The Purums. Calcutta, 1945.
321. *Davenport C. B.* The dietaries of primitive peoples. — AA, 1945, vol. 47, N 1.
322. *Deevey E. S.* The human population. — Scient. Amer., 1960, vol. 203, N 3.
323. *Disselhoff H. D.* Über die Bedeutung der anthropomorphen Grab-Keramik der Mochica. — Ethnos, 1951, vol. 16, N 1—2.
324. *Disselhoff H. D.* Neue Fundplätze peruanischer Feldbilder. — BA, 1955, Bd 3.
325. *Disselhoff H. D.* Alltag im alten Peru. München, 1966.
326. *Disselhoff H. D.* Geschichte der altamerikanischen Kulturen. München; Wien, 1967.
327. *Disselhoff H. D.* Oasenstädte und Zaubersteine im Land der Inka. Berlin, 1968.
328. *Disselhoff H. D.* Vicus. Eine neu entdeckte altperuanische Kultur. — In: Monumenta Americana. Berlin, 1971, Bd 7.
329. *Divale W. T., Harris M.* Population, warfare and the male supremacist complex. — AA, 1976, vol. 78, N 3.
330. *Dockstader F. J.* Indian art in South America. Greenwich, 1967.
331. *Doering U. H.* Kunst im Reiche der Inca. Tübingen, 1952.
332. *Doubleday T.* The true law of population shewn to be connected with the food of the people. London, 1853 (1st print — 1841).
333. *Draper H. H.* The aboriginal Eskimo diet in modern perspective. — AA, 1977, vol. 79, N 2.
334. *Draper P.* Crowding among hunter-gatherers. — Science, 1973, vol. 182, N 4109.
335. *Dumitrescu V.* La station préhistorique de Traian. — Dacia, 1941—1944, t. 9—10.
336. *Dumitrescu V.* Santierul Traian. — SCIV, 1953, t. 4, N 1—2; 1954, t. 5, N 1—2.
337. *Dumitrescu V.* Originea și evoluția culturii Cucuteni-Tripolie. — SCIV, 1963, t. 14, N 2.
338. *Dumitrescu V.* In legatura cu periodizarea fazei Cucuteni A—B. — SCIV, 1972, t. 23.
339. *Dumitrescu V., Bănăteanu T.* A propos d'un de charrue primitive en bois de cerf, decouvert dans la station néolithique de Căscioarele. Dacia. — Rev. d'archéol. et d'hist. ancienne, 1955, t. 9.
340. *Dumond D. E.* The limitation of human population. — Science, 1975, vol. 187, N 4178.
341. *Dunn F. L.* Epidemiological factors: health and disease in hunter-gatherers. — MH.
342. *Dupire M.* Matériaux pour l'étude de l'endogamie des Peuls du cercle de Kedougou. — BMSAP. Sér. 11, 1963, t. 5, fasc. 3—4.

343. *The early history of agriculture*. A joint symposium of the Royal Society and the British Academy. Oxford, 1977.
344. *Eisleb D.* Altperuanische Kulturen, I. — Veröff. Mus. für Völkerkunde. N. F., Berlin, 1975, Bd 31.
345. *El-Najjar M. Y., Ryan D. J., Christy G. e. a.* The etiology of porotic hyperostosis among the prehistoric and historic Anastazi Indians. — *AJPA*, 1976, vol. 44, N 3.
346. *Emmerich A.* Sweat of the sun and tears of the moon. Seattle, 1965.
347. *Engel F.* Curayacu, a chavinoid site. — *Archaeology*, 1956, vol. 9, N 1.
348. *Engel F.* A preceramic settlement of the central coast of Peru: Asia, unit I. — *Trans. Amer. Philos. Soc.*, 1963, vol. 53, pt 3.
349. *Engel F.* Le mond précolombien des Andes. Paris, 1972.
350. *Epstein A. L.* Variation and social structure. — *Oceania*, 1964, vol. XXXV, N 1.
351. *Erickson P., Beckerman S.* Population determinants in the Andaman Islands. — *Mankind*, 1975, vol. 10, N 2.
352. *Eyre E. J.* Journals of the expeditions of discovery in Central Australia. London, 1845, vol. 2.
353. *Ferák V., Lichardová Z.* Possible role of «luxuriance» and «inbreeding depression» in the secular changes of cephalic index. — *Homo*, 1969, Bd 20, H. 2.
354. *Ferembach D.* Formation et évolution de la brachycéphalie au Proche-Orient. — *Homo*, 1966, Bd 17, H. 3—4.
355. *Ferembach D.* L'origine de la race alpine. — *Scientia*. Ser. 7, 1967, t. 102, N 5—6.
356. *Finn S. B.* Prevalence of dental caries. — In: A survey of the literature on dental caries. Nat. Acad. Sci. Nat. Res. Council. Publ., 1952, N 225.
357. *Fix A. G.* Fission-fusion and lineal effect. — *AJPA*, 1975, vol. 43, N 2.
358. *Fix A. G.* The demography of the Semai Senoi. — *APMAUM*, 1977, N 62.
359. *Flannery K. V.* Origins and ecological effects of early domestication in Iran and the Near East. — *DEPA*.
360. *Ford J. A., Willey G. R.* Surface survey of the Viru valley. — *APAMNH*, 1949, vol. 43, pt 1.
361. *Fortune R.* Manus religion. Philadelphia, 1935.
362. *Fox C. E.* The threshold of the Pacific. London, 1924.
363. *Fox R. H.* A study of the energy expenditure of Africans engaged in various rural activities. Ph. D. Thesis. Univ. of London, 1953.
364. *Frankfort H.* Town planning in ancient Mesopotamia. — *Town Planning Review*, 1950, vol. 21.
365. *Freeman J. D.* On the concept of kindred. — *J. Roy. Anthropol. Inst.*, 1961, vol. 91.
366. *Friedlaender J. S.* Patterns of human variation. Harvard, 1975.
367. *Frisancho A., Sanchez J., Pallardel D., Yanez L.* Adaptive significance of small body size under poor socio-economic conditions in Southern Peru. — *AJPA*, 1973, vol. 39, N 2.
368. *Fürer-Haimendorf C. von.* Staat und Gesellschaft bei den Naga. — *ZE*, 1932, Bd 63, H. 1—2.
369. *Fürer-Haimendorf C. von.* The Chenchus. London, 1943.
370. *Galle O. R., Gove W. R., McPherson J. M.* Population density and pathology. — *Science*, 1972, vol. 176, N 4030.
371. *Gardi R.* Tambaran. An encounter with cultures in decline in New Guinea. London, 1960.
372. *Garn S. M.* Culture and the direction of human evolution. — *HB*, 1963, vol. 35, N 3.
373. *Garn S. M., Lewis A. B., Walenga A. J.* Crown-size profile patterns and presumed evolutionary «trends». — *AA*, 1969, vol. 71, N 1.
374. *Gessain M.* Etude socio-démographique du mariage chez les Coniagui et Bassari. — *BMSAP*. Sér. 11, 1963, t. 5, fasc. 3—4.
375. *Glasse R. M.* The Huli of the Southern Highlands. — In: Gods, ghosts and men in Melanesia. Melbourne, 1965.

376. *Glasse R. M.* Marriage in South Fore. — In: Pigs, pearlshells and women. New Jersey, 1969.
377. *Glick L. B.* Categories and relations in Gimi natural science. — AA, 1964, vol. 66, N 4, pt 2.
378. *Goldstein M. S.* Some vital statistics based on skeletal material. — HB, 1953, vol. 25, N 1.
379. *Goodenough W. H.* A problem in Malayo-Polynesian social organization. — AA, 1955, vol. 57, N 1.
380. *Goodenough W. H.* Kindred and hamlet in Lakalai. — Ethnology, 1962, vol. 1, N 2.
381. *Goodhart C. B.* World population growth and its regulation by natural means. — Nature, 1956, vol. 178, N 4533.
382. *Gorman C.* Hoabinhian: a pebble-tool complex with early plant association in Southeast Asia. — Science, 1969, vol. 163, N 3868.
383. *Gould H. A.* The micro-demography of marriages in a North Indian area. — SJA, 1960, vol. 16, N 4.
384. *Gourou P.* The quality of land use of tropical cultivators. — In: Man's role in changing the face of the earth. Chicago, 1956.
385. *Grey G.* Journals of the two expeditions of discovery in North-West and Western Australia. London, 1841, vol. 2.
386. *Gross D. R.* Protein capture and cultural development in the Amazon basin. — AA, 1975, vol. 77, N 3.
387. *Groves W. C.* Tabar to-day. — Oceania, 1935, vol. V, N 3.
388. *Hackenberg R. A.* Economic alternatives in arid lands. — Ethnology, 1962, vol. 1, N 2.
389. *Haldane J. B.* Disease and evolution. — Ricerca Scient., 1949, vol. 19, suppl.
390. *Hanks L. M.* Rice and man. Chicago, 1975.
391. *Harding T. G.* Wage labour and cash cropping. — Oceania, 1971, vol. XLI, N 3.
392. *Harlan J. R.* Crops that extend the range of agricultural settlement. — MSU.
393. *Harpending H.* Regional variation in !Kung populations. — KHG.
394. *Hassan F. A.* On mechanisms of population growth during the Neolithic. — CA, 1973, vol. 14, N 5.
395. *Haviland W. A.* Stature at Tikal, Guatemala. — AAq, 1967, vol. 32, N 3.
396. *Haviland W. A.* Tikal, Guatemala and Mesoamerican urbanism. — WA, 1970, vol. 4, N 2.
397. *Hayden B.* Population control among hunter-gatherers. — WA, 1972, vol. 4, N 2.
398. *Heider K. G.* The Dugum Dani. N. Y., 1970.
399. *Hemmer H.* Allometrie-Untersuchungen zur Evolution des menschlichen Schädels und seiner Rassentypen. — In: Fortschritte der Evolutionsforschung. Stuttgart, 1967, Bd 3.
400. *Henneberg M.* Notes on the reproductive possibilities of human prehistorical populations. — Przegl. anthropol., 1975, t. 41, z. 1.
401. *Hiernaux J.* Some ecological factors affecting human populations of Sub-Saharan Africa. — VFPA, 1963, vol. 36.
402. *Hiernaux J.* Hérité, milieu et morphologie. — Biotypologie, 1965, t. 26, N 1—2.
403. *Hiernaux J.* Peoples of Africa from 22° N to the Equator. — BHA.
404. *Hildes J. A.* The Circumpolar people — health and physiological adaptations. — BHA.
405. *Hipsley E. H.* Concerning the adaptation of Papua New Guineans to low protein diets. — Food and Nutr. Notes and Rev., 1976, vol. 33, N 2.
406. *Ho Ping-ti.* The cradle of East. Hongkong; London, 1975.
407. *Hogbin H. I.* Culture change in Solomon Islands. — Oceania, 1934, vol. IV, N 3.
408. *Hogbin H. I.* Native land tenure in New Guinea. — Oceania, 1939, vol. X, N 2.

409. *Hogbin H. I.* Kinship and marriage in a New Guinea village. London, 1963.
410. *Hogbin H. I.* A Guadalcanal society. N. Y., 1964.
411. *Hogbin H. I.* Experiments in civilization. N. Y., 1970.
412. *Hogbin H. I.* The island of menstruating men. London, 1970.
413. *Hogbin H. I., Wedgewood C. H.* Local grouping in Melanesia. — *Oceania*, 1953, vol. XXIII, N 4; vol. XXIV, N 1.
414. *Hole F. A.* Investigating the origins of the Mesopotamian civilization. — *Science*, 1966, vol. 153, N 3736.
415. *Hole F. A., Flannery K. V., Neely J. A.* Prehistory and human ecology of the Deh Luran Plain. — *Mem. Mus. Anthropol., Univ. Michigan*, 1969, N 1.
416. *Holmberg A. R.* Nomads of the Long Bow. Washington, 1950.
417. *Hooton E. A.* The Indians of Pecos Pueblo. — In: *Papers of the Southwest. Exped. New Haven*, 1930, N 4.
418. *Horkheimer H.* La cultura Mochica. — In: *Las grandes civilizaciones del antiguo Peru*. Lima, 1961, t. 1.
419. *Houston R. G.* Sickle cell anemia and dietary precursors of cyanate. — *Amer. J. Clin. Nutr.*, 1973, vol. 26, N 11.
420. *Howell N.* The population of the Dobe area !Kung. — KHG.
421. *Høygaard A.* Studies on the nutrition and physio-pathology of Eskimos. — *Skrifter utgitt av det Norske Vidensk.-Akad. i Oslo, I. Mat.-Naturv. Kl.*, 1940, N 9.
422. *Hoyme L. E., Bass W. M.* Human skeletal remains from Tollifero (Ha 6) and Clarksville (Mc 14) sites. — *Smiths. Inst., Bur. Amer. Ethnol. Bull.*, 1962, N 182.
423. *Hrdlička A.* Physiological and medical observations among the Indians of the Southwestern United States and Northern Mexico. — *Smiths. Inst., Bur. Amer. Ethnol. Bull.*, 1908, N 34.
424. *Hrdlička A.* Fecundity in the Sioux women. — *AJPA*, 1931, vol. 16, N 1.
425. *Hulse F. S.* Technological advance and major racial stocks. — *HB*, 1955, vol. 27, N 3.
426. *Imbelloni J.* L'antico Peru. — In: *La razze e i popoli della terra*. Torino, 1957, vol. 4.
427. *Izumi S., Sono T.* Excavations at Kotosh, Peru. Tokyo, 1963.
428. *Jadin J.* Aperçu sur l'état sanitaire des Pygmées de l'Ituri. — *Anthropologie, Praha*, 1938, vol. 16, N 1–4.
429. *Jelliffe D. B.* Infant nutrition in the subtropics and tropics. — *WHO Monograph ser.*, Geneva, 1968, N 29.
430. *Jelliffe D. B., Woodburn J. C., Bennett F. J., Jelliffe E. F.* The children of the Hadza hunters. — *J. Pediatr.*, 1962, vol. 60, N 6.
431. *Jenks A. E.* The wild rice gatherers of the Upper Lakes. Washington, 1900.
432. *Jenness D., Ballentyne A.* The Northern D'Entrecasteaux. Oxford, 1920.
433. *Johnston F. E., Kensinger K. M., Jantz R. L., Walker G. F.* The population structure of Peruvian Cashinahua. — *HB*, 1969, vol. 41, N 1.
434. *Johnston F. E., Kensinger K. M.* Fertility and mortality differentials and their implications for microevolutionary change among the Cashinahua. — *HB*, 1971, vol. 43, N 3.
435. *Jones C. F.* Demographic patterns in the Papago Indian village of Chui-chu, Arizona. — *HB*, 1953, vol. 25, N 3.
436. *Jones F. L.* The demography of the Australian aborigines. — *Internat. Soc. Sci. J.*, 1965, vol. 17, N 2.
437. *Jones R.* Fire-stick farming. — *Australian Nat. Hist.*, 1969, vol. 16.
438. *Jones R.* The demography of hunters and farmers in Tasmania. — In: *Man and environment in Australia*. Canberra, 1971.
439. *Kaberry P. M.* The Abelam tribe. — *Oceania*, 1941, vol. XI, N 3; vol. XII, N 2.
440. *Kaberry P. M.* Law and the political organization in the Abelam tribe. — *Oceania*, 1932, vol. XII, N 4.
441. *Kano C.* Excavaciones en Shillacoto, Huanuco. — *RMN*, 1971, vol. 37.

442. *Kauffman Doig F.* Imagen de Chavin. Lima, s. a.
443. *Keesing R. M.* Shrines, ancestors and cognatic descent. — AA, 1970, vol. 72, N 4.
444. *Kelemen P.* Medieval American art. N. Y., 1946.
445. *Kelso A. J.* Variation in the ABO_s blood groups among American Indians (abstract). — AJPA, 1961, vol. 19, N 1.
446. *Kern F.* Stammbaum und Artbild der Deutschen und ihrer Verwandten. München, 1927.
447. *Kłos-Kantowicz E.* Naturalne warunki zapoczątkowania uprawy roślin w afrykańskiej strefie granicy lasu i sawanny. — Czasop. geogr., 1975, t. 45, N 2.
448. *Kobayashi K.* Trend in the length of life based on human skeletons from prehistoric to modern times in Japan. — J. Facult. Sci., Univ. Tokyo. Sect. V, 1967, vol. 3, pt 2.
449. *Kolata G. B.* !Kung hunter-gatherers. — Science, 1974, vol. 185, N 4155.
450. *Kralj-Cercek L.* The influence of food, body build, and social origin on the age of menarche. — HB, 1956, vol. 28, N 4.
451. *Kroeber A. L.* The Uhle pottery collections from Moche. — UCFAAE, 1925, vol. 21, N 5.
452. *Kroeber A. L.* Archaeological explorations in Peru, pt 1. Ancient pottery from Trujillo. — FMNHAM, 1926, vol. 2, N 1.
453. *Kroeber A. L.* The Uhle pottery collections from Chancay. — UCFAAE, 1926, vol. 21, N 7.
454. *Kroeber A. L.* Cultural and natural areas of native North America. — UCFAAE, 1939, vol. 38.
455. *Kroeber A. L.* Peruvian archaeology in 1942. — VFPA, 1944, vol. 4.
456. *Kroeber A. L.* Art. — HSAI, 1949, vol. 5.
457. *Kroeber A. L.* Paracas cavernas and Chavin. — UCFAAE, 1953, vol. 40, N 8.
458. *Krzywicki L.* Primitive society and its vital statistics. London, 1934.
459. *Kubler G. A.* The art and architecture of ancient America. Baltimore, 1962.
460. *Kurth G.* Vorbericht über anthropologische Beobachtungen bei der Jerichograbung 1955. — Homo, 1955, Bd 6, H. 4.
461. *Kurth G.* Überlegungen zu den zoogeographischen Klimaregeln. — Forsch. und Fortschritte, 1956, Bd 30, H. 10.
462. *Lallo J. W., Armelagos G. J., Mensforth R. P.* The role of diet, disease, and physiology in the origin of porotic hyperostosis. — HB, 1977, vol. 49, N 3.
463. *Lamberg-Karlovsky C. C.* Shahr-i Sokhta and Tepe Yahya. — East and West, 1973, N 1—2.
464. *Landtman G.* The folk-tales of the Kiwai Papuans. — Acta Soc. Scient. Fennicae, 1917, t. 47.
465. *Landtman G.* The Kiwai Papuans of British New Guinea. London, 1927.
466. *Langness L. L.* Some problems in the conceptualization of Highlands social structure. — AA, 1964, vol. 66, N 4, pt 2.
467. *Lapiner A. C.* Ancient Peruvian sculpture. N. Y., 1967.
468. *Lapiner A. C.* Art of ancient Peru. N. Y., 1968.
469. *Lapiner A. C.* Pre-Columbian art of South America. N. Y., 1976.
470. *Lapiner A. C.* Art of ancient Peru and Ecuador. N. Y., s. a.
471. *Larco Hoyle R.* Los cupisniques. Lima, 1941.
472. *Larco Hoyle R.* La cultura Salinar. Buenos Aires, 1944.
473. *Larco Hoyle R.* La cultura Viru. Buenos Aires, 1945.
474. *Larco Hoyle R.* A cultural sequence for the North Coast of Peru. — HSAI, 1946, vol. 2.
475. *Larco Hoyle R.* Los Cupisniques. — Rev. Geogr. Amer., 1947, t. 27, N 161, 162.
476. *Larco Hoyle R.* Cronología arqueológica del Norte del Peru. Buenos Aires, 1948.

477. *Larco Hoyle R.* Checan. Essai sur les représentations érotiques du Pérou Précolombien. Genève; Paris; Munich, 1965.
478. *Larco Hoyle R.* Pérou. — In: *Archaeologia mundi*. Genève, 1966.
479. *Lasker G. W.* Small isolated human breeding populations and their significance for the process of racial differentiation. — In: *Men and cultures*. Philadelphia, 1960.
480. *Laszlo A.* Asezarea Cucuteni A—B de la Huși. — AM, 1966, t. 4.
481. *Lathrap D. W.* The moist tropics, the arid lands and the appearance of great art styles in the New World. — Texas Tech. Univ., Museum, Special Publ., Lubbock, 1974, N 7.
482. *Lathrap D. W., Marcos J. C., Zeidler J. A.* Real Alto: an ancient ceremonial center. — *Archaeology*, 1977, vol. 30, N 1.
483. *Laughlin W. S.* Blood groups, morphology and population size of the Eskimos. — CSHS, 1951, vol. 15.
484. *Laughlin W. S.* Ecology and population structure in the Arctic. — SHP.
485. *Laufer C.* Rigenmuchta, das höchste Wesen der Baining. — *Anthropos*, 1946—1949, Bd 41—44.
486. *Lavallée D.* Les représentations animales dans la céramiques Mochica. — Mém. d'Inst. d'Ethnol., Mus. de l'Homme, Paris, 1970, t. 4.
487. *Lawrence P.* Land tenure among the Garia. Canberra, 1955.
488. *Lawrence P.* The Ngaing of the Rai Coast. — In: *Gods, ghosts and men in Melanesia*. Melbourne, 1965.
489. *Lawrence P.* The ethnographic revolution. — *Oceania*, 1975, vol. ILV, N 4.
490. *Le Blanc S. A., Black B.* A long term trend in tooth size in the Eastern Mediterranean. — *AJPA*, 1974, vol. 41, N 3.
491. *Lee R. B.* What hunters do for a living. — MH.
492. *Lee R. B.* !Kung Bushmen subsistence. — In: *Environment and cultural behavior*. N. Y., 1969.
493. *Lee R. B.* Population growth and the beginnings of sedentary life among the !Kung Bushmen. — PG.
494. *Lee R. B.* Work effort, group structure and land use in contemporary hunter-gatherers. — MSU.
495. *Lee R. B., DeVore I. (Eds.)*. Man the hunter. Chicago, 1968.
496. *Leeds A.* Yaruro incipient tropical forest agriculture. — In: *The evolution of horticultural systems in native South America*. Caracas, 1961.
497. *Leigh R. W.* Dental pathology of Indian tribes of varied environmental and food conditions. — *AJPA*, 1925, vol. 8, N 2.
498. *Lepervanche M. de.* Descent, residence and leadership in the New Guinea Highlands. — *Oceania*, 1967, vol. XXXVIII, N 2.
499. *Lévi-Strauss C.* Structural anthropology. N. Y., 1963.
500. *Lips J. E.* Die Anfänge des Rechts an Grund und Boden bei den Naturvölkern und der Begriff der Erntevölker. — In: *Festschrift für P. W. Schmidt*. Wien, 1928.
501. *Livingstone F. B.* Anthropological implications of sickle-cell gene distribution in West Africa. — AA, 1958, vol. 60, N 3.
502. *Livingstone F. B.* Population genetics and population ecology. — AA, 1962, vol. 64, N 1, pt 1.
503. *Livingstone F. B.* Abnormal hemoglobins in human populations. Chicago, 1967.
504. *Livingstone F. B.* Data on the abnormal hemoglobins and glucose-6-phosphate dehydrogenase deficiency in human populations 1967—1973. Ann Arbor, 1973.
505. *Livingstone F. B.* Gene frequency differences in human populations. — MTAG.
506. *Longacre W. A.* Population dynamics at the Grasshopper Pueblo, Arizona. — AAQ, 1975, vol. 40, N 2, pt 2.
507. *Lothrop S. K.* A ceremonial pottery mask from Peru. — *Archaeology*, 1960 vol. 13, N 2.

508. *Lothrop S. K., Mahler J.* Late Nazca burials at Chaviña, Peru. — *PPMAAE*, 1957, vol. 50, N 2.
509. *Lumbreras L. G.* Informe de labores del proyecto Chavín. — *Arqueológicas*, Lima, 1974, N 15.
510. *Lumbreras L. G., Amat Olazábal H.* Informe preliminar sobre las galerías interiores de Chavín. — *RMN*, 1965—1966, t. 34.
511. *Luyken R., Luyken-Koning F. W.* Nutritional state of the Marind-Anim tribe in South New Guinea. — *Docum. de Med. Geogr. et Trop.*, 1955, vol. 7, N 4.
512. *McAlpine P. J., Simpson N. E.* Fertility and other demographic aspects of the Canadian Eskimo communities of Igloodik and Hall Beach. — *HB*, 1976, vol. 48, N 1.
513. *McArthur M.* Food consumption and dietary levels of groups of aborigines living on naturally occurring foods. — *AASEAL*.
514. *MacArthur N.* The demography of primitive populations. — *Science*, 1970, vol. 167, N 3921.
515. *McCarthy F. D., McArthur M.* The food quest and the time factor in aboriginal economic life. — *AASEAL*.
516. *MacCluer J., Neel J. V., Chagnon N. A.* Demographic structure of a primitive population. — *AJPA*, 1971, vol. 35, N 2.
517. *McKusick V. A.* Natural selection and contemporary cardiovascular disease. — *Circulation*, 1963, vol. 27, N 2.
518. *MacNeish R. S.* The food-gathering and incipient cultivation stage of prehistoric Middle America. — *HMAI*, 1964, vol. 1.
519. *MacNeish R. S.* The origins of American agriculture. — *Antiquity*, 1965, vol. 39, N 154.
520. *MacNeish R. S.* Ancient Mesoamerican civilization. — In: *Ancient Mesoamerica*. Palo Alto, 1966.
521. *MacNeish R. S.* A summary of the subsistence. — In: *The prehistory of the Tehuacan valley*. Austin, 1967, vol. 1.
522. *MacNeish R. S.* First annual report on the Ayacucho archaeological botanical project. Andover, 1969.
523. *MacNeish R. S.* Speculation about how and why food production and village life developed in Tehuacan valley, Mexico. — *Archaeology*, 1971, vol. 24, N 4.
524. *MacNeish R. S., Nelken-Terner A., Cook A. G.* Second annual report of the Ayacucho archaeological-botanical project. Andover, 1970.
525. *Macpherson R. K.* Physiological adaptation, fitness, and nutrition in the peoples of the Australian and New Guinean regions. — *BHA*.
526. *Makarius R. et L.* L'origine de l'exogamie et du totemisme. Paris, 1961.
527. *Malhotra M. S.* People of India including primitive tribes. — *BHA*.
528. *Malinowski B.* Baloma. The spirits of the dead in the Trobriand Islands. London, 1916.
529. *Malinowski B.* Coral gardens and their magic. London, 1935, vol. I—II.
530. *Mann G. V., Roels O. A., Price D. L., Merrill J. M.* Cardiovascular disease in African Pygmies. — *J. Chronic Diseases*, 1962, vol. 15, April.
531. *Marett J. R. de la.* Race, sex and environment. London, 1936.
532. *Marshack A.* The roots of civilization. N. Y., 1972.
533. *Masali M.* Body size and proportions as revealed by bone measurements. — *JHE*, 1972, vol. 1, N 2.
534. *Masali M., Chiarelli B.* Demographic data on the remains of ancient Egyptians. — *JHE*, 1972, vol. 1, N 2.
535. *Masing V.* Some remarks on the mythology of the people of Çatal Huyuk. — *Учен. Зап. Тартуск. гос. ун-та*, 1976, вып. 392. Тр. по востоков., III.
536. *Matos Mendieta R.* Algunas consideraciones sobre el estilo de Vicus. — *RMN*, 1965—1966, t. 34.
537. *May J. M.* The ecology of human disease. — *Ann. N. Y. Acad. Sci.*, 1960, vol. 84, art. 17.
538. *May J. M.* The ecology of malaria. — In: *Studies in disease ecology*. N. Y., 1961.

539. *May J. M.* The ecology of malnutrition in Middle Africa. N. Y., 1965.
540. *Mead M.* Sex and temperament in three primitive societies. London, 1935.
541. *Mead M.* The Mountain Arapesh, I. An importing culture. N. Y., 1938.
542. *Mead M.* The Mountain Arapesh, II. Supernaturalism. N. Y., 1940.
543. *Mead M.* The Mountain Arapesh, V. The record of Unabelin with Rorschach analyses. N. Y., 1949.
544. *Meggitt M. J.* Male — female relationships in the Highlands of Australian New Guinea. — AA, 1964, vol. 66, N 4, pt 2.
545. *Meggitt M. J.* The Mae Enga in the Western Highlands. — In: Gods, ghosts and men in Melanesia. Melbourne, 1965.
546. *Meier J.* Adoption among the Gunantuna. — Publ. Catholic Anthropol. Conf., Washington, 1929, vol. 1, N 1.
547. *Mellaart J.* Anatolia circa 4000—2300 B. C. Cambridge, 1962.
548. *Mellaart J.* Çatal Hüyük. A neolithic town in Anatolia. London, 1967.
549. *Menk R.* Le néolithization: impact de l'innovation culturelle sur la biologie et la dynamique des populations. — Arch. suisses anthropol. gén., 1977, t. 41.
550. *Menzel D., Rowe J. H., Dawson L. E.* The Paracas pottery of Ica. A study in style and time. — UCPAAE, 1964, vol. 50.
551. *Milan F. A.* The demography of an Alaskan Eskimo village. — Arct. Anthropol., 1970, vol. 7, N 1.
552. *Milan F. A.* Preliminary estimates of inbreeding levels in Wainwright Eskimos. — Arct. Anthropol., 1970, vol. 7, N 1.
553. *Milisauskas S.* Adaptations of the early neolithic farmers in Central Europe. — APMAUM, 1977, N 61.
554. *Mitchell T. L.* Journal of an expedition into the interior of Tropical Australia. London, 1848.
555. *Molnar S.* Human tooth wear, tooth function and cultural variability. — AJPA, 1971, vol. 34, N 2.
556. *Montgomery E.* Towards representative energy data: the Machiguenga study. — Federation Amer. Soc. for Experim. Biol., Proc., 1978, vol. 37, N 1.
557. *Morauta L.* Beyond the village. London, 1947.
558. *Morgan L. H.* Ancient society. N. Y., 1878.
559. *Morimoto J.* Flattened tibia and emarginate patella suggestive of malnutrition. — In: Proc. of the 10th Internat. Congr. anat. Tokyo, 1975.
560. *Morton N. E.* Population structure of Micronesia. — MTAG.
561. *Moseley M. E.* The evolution of early water-management systems in Coastal Peru. — Irrigation's impact on society. Anthropol. Papers Univ. Arizona, Tuscon, 1974, N 25.
562. *Moseley M. E.* The maritime foundations of Andean civilization. Menlo Park, 1975.
563. *Moseley M. E.* The land in front of Chan Chan: agrarian expansion, reform and collapse in the Moche valley. Mimeographed, s. a.
564. *Moseley M. E., Mackey C. J.* Peruvian settlement pattern studies and small site methodology. — AAq, 1972, vol. 37, N 1.
565. *Moseley M. E., Watanabe L.* The adobe sculpture of Huaca de los Reyes. — Archaeology, 1974, vol. 27, N 3.
566. *Moseley M. E., Willey G. R.* Aspero, Peru: a reexamination of the site and its implications. — AAq, 1973, vol. 38, N 4.
567. *Muelle J. C., Blas C.* Muestrario de arte peruano precolombino, I. Cerámica. Lima, 1938.
568. *Murdock G. P.* Cognatic forms of social organization. — In: Social structure in Southeast Asia. Chicago, 1960.
569. *Nag M.* Factors affecting human fertility in non-industrial societies. — YUPA, 1962, N 66.
570. *Nakane C.* Garo and Khasi. Paris, 1967.
571. *Necrasov O.* Considerations sur la structure anthropologique des populations de l'âge de la pierre en Roumanie et les problèmes qui s'y rattachent. — Anthropol. Közlemén., 1961, vol. 5, N 1—4.

572. *Needham R.* Structural analysis of Purum society. — AA, 1958, vol. 60, N 1.
573. *Needham R.* An analitical note on the structure of Siriono society. — SJA, 1961, vol. 17.
574. *Neel J. V., Salzano F. M., Junqueira P. C. e. a.* Studies on the Xavante Indians of the Brazilian Matto Grosso. — Amer. J. Human Genetics, 1964, vol. 16, N 1.
575. *Neel J. V., Chagnon N. A.* The demography of two tribes of primitive, relatively unacculturated American Indians. — Proc. Nat. Acad. Sci. USA, 1968, vol. 59, N 3.
576. *Neel J. V., Salzano F. M.* Further studies on the Xavante Indians, X. — Amer. J. Human Genetics, 1967, vol. 19, N 4.
577. *Neel J. V., Arends T., Brewer-Carias C. e. a.* Studies of the Yanomama Indians. — In: Human genetics. Proc. fourth internat. Congr. human genet. Amsterdam, 1972.
578. *Neel J. V., Weiss K. M.* The genetic structure of a tribal population, the Yanomama Indians, XII. — AJPA, 1975, vol. 42, N 1.
579. *Nestor I. e. a.* Săpăraturile de pesantierul Valea Jijie. — SCIV, 1951, t. 2, N 1.
580. *Newman M. T.* Biological adaptation of man to his environment. — Ann. N. Y. Acad. Sci., 1961, vol. 91, art. 3.
581. *Newman M. T.* Ecology and nutritional stress in man. — AA, 1962, vol. 64, N 1, pt 1.
582. *Newman M. T.* Nutritional adaptation in man. — In: Physiological anthropology. N. Y., 1975.
583. *Newman P. L.* Religious beliefs and ritual in a New Guinea society. — AA, 1964, vol. 66, N 4, pt 2.
584. *Nicol B. M.* The nutrition of Nigerian peasants. — Brit. J. Nutr., 1952, vol. 6, N 1.
585. *Nicol B. M.* The calorie requirements of Nigerian peasant farmers. — Brit. J. Nutr., 1959, vol. 13, N 3.
586. *Nicol B. M.* The protein requirements of Nigerian peasant farmers. — Brit. J. Nutr., 1959, vol. 13, N 3.
587. *Norgan N. G., Ferro-Luzzi A., Durnin J. V.* The energy and nutrient intake and the energy expenditure of 204 New Guinean adults. — Philos. Trans. Roy. Soc. Lond. Ser. B., 1974, vol. 268, № 893.
588. *Nougier L. R.* Géographie humaine préhistorique. Paris, 1959.
589. *Nurse G. T., Jenkins T.* (Eds.). Health and the hunter-gatherer. — In: Monographies in human genetics. Basel, 1977, vol. 8.
590. *Ogan E.* Nasioi marriage. — SJA, 1966, vol. 22.
591. *Ogan E.* Nasioi land tenure. — Oceania, 1971, vol. XLII, N 2.
592. *Ogan E.* Business and cargo. Canberra, 1972.
593. *Oliver D. L.* Land tenure in Northeast Siuai. Cambridge, 1949.
594. *Oliver D. L.* A Solomon Island society. Cambridge, 1955.
595. *Olivier G.* L'évolution seculaire des populations subfossiles et recentes. — In: Symposia biologica Hungarica. Budapest, 1969, vol. 9.
596. *O'Neale L. M.* Textile periods in ancient Peru, 2. Paracas cavernas and the Grand Necropolis. — UCFAAE, 1942, vol. 39, N 2.
597. *Oral traditions and written documents of the history and ethnography of the Northern Torres Strait Islands.* Wiesbaden, 1971, vol. 1.
598. *Otten C. M.* On pestilence, diet, natural selection and the distribution of microbial and human blood group antigens, and antibodies. — CA, 1967, vol. 8, N 3.
599. *Pardo J. V.* Arte pre-colombino. Cerámica. — Así es el Perú. Lima, 1974, fasc. 5.
600. *Parkinson R.* Dreissig Jahre in der Südsee. Stuttgart, 1907.
601. *Parkinson S.* Infant nutrition and supplementation of the diet in the Pacific tropic regions. — PSC.
602. *Passmore R., Durnin J. V.* Human energy expenditure. — Physiol. Revs., 1955, vol. 35, N 4.

603. *Patterson T. C.* Pattern and process in the early intermediate period pottery of the Central Coast of Peru. — UCPA, 1966, vol. 3.
604. *Patterson T. C.* Highland South America. — AAq, 1967, vol. 32, N 3.
605. *Patterson T. C.* Central Peru: its population and economy. — Archaeology, 1971, vol. 24, N 4.
606. *Pelzer K. J.* Pioneer settlement in the Asiatic tropics. — Amer. Geogr. Soc., Spec. Publ., 1945, N 29.
607. *Perez Diez A. A., Salzano F. M.* Evolutionary implications of the ethnography and demography of Ayoreo Indians. — JHE, 1978, vol. 7, N 3.
608. *Pericot L.* Social life of Spanish palaeolithic hunters. — VFPA, 1961, vol. 31.
609. *Perril D. M.* Tropical diets and human ecology (abstract). — AJPA, 1976, vol. 44, N 1.
610. *Peterson J. T.* Hunter-gatherer/farmer exchange. — AA, 1978, vol. 80, N 2.
611. *Petrescu-Dîmbovița M.* Sondajul stratigrafic de la Perienț. — In: Mater. și cercetări Archaeol. București, 1957, vol. 3.
612. *Pezzia Assereto A.* Ica y el Peru precolombino. Ica, Peru, 1968, t. 1.
613. *Phillips P.* Population, economy and society in the Chassey—Cortailod—Lagozza cultures. — WA, 1972, vol. 4, N 1.
614. *Phillips P. G.* Metabolic cost of common West African agricultural activities. — J. Trop. Med., 1954, vol. 57.
615. *Piggott S.* The earliest wheeled vehicles and the Caucasian evidence. — Proc. Prehist. Soc., 1968, vol. 34.
616. *Polgar S.* Evolution and the ills of mankind. — In: Horizons of anthropology. Chicago, 1967.
617. *Poma de Ayala G.* Nueva Corónica y Buen Gobierno. (Codex péruvien illustré). — Travaux et Mem. l'Inst. d'Ethnol., Paris, 1936, vol. XXIII.
618. *Post R. H.* Population differences in red and green color vision deficiency. — Eugenics Quart., 1960, vol. 9, N 1.
619. *Post R. H.* «Colorblindness» distribution in Britain, France, and Japan. — Eugenics Quart., 1963, vol. 10, N 3.
620. *Post R. H.* Notes on relaxed selection in man. — Anthropol. Anzeig., 1965, Jg. 29.
621. *Pouwer I.* A social system in the Star Mountains. — AA, 1964, vol. 66, N 4, pt 2.
622. *Pozorsky T.* El complejo Caballo Muerto: los frisos de barro de la Huaca de los Reyes. — RMN, 1975, t. 41.
623. *Price W. A.* Nutrition and physical degeneration. N. Y., 1940.
624. *Prošek F.* Spry mladsi doby kamienné. — Obzor prehistoricky, Praha, 1946, t. 13.
625. *Rascher M.* Baining (Neupommern). Land und Leute. Münster, 1909.
626. *Ravines R., Isbell W.* Garagay: sitio ceremonial temprano en el valle de Lima. — RMN, 1975, t. 41.
627. *Ravisse P.* Pathologie comparative des Babinga et de leur «patrons». — Méd. Trop., 1955, t. 15, N 1.
628. *Ray A. K.* Population structure of the Juang tribe in Orissa, India. — Ann. Human Biol., 1975, vol. 2, N 2.
629. *Read K. E.* Cultures of the Central Highlands, New Guinea. — SJA, 1954, vol. 10, N 1.
630. *Reay M.* The Kuma. Melbourne, 1959.
631. *Reed C. A.* Conclusions. — In: Origins of agriculture. The Hague, 1977.
632. *Reenen J. F. van.* Dental features of a low caries primitive population. — J. Dental Res., 1966, vol. 45, N 3, pt 1.
633. *Reichel-Dolmatoff G.* Desana curing spells. — J. Latin Amer. Lore, 1976, vol. 2, N 2.
634. *Reichel-Dolmatoff G.* Amazonian cosmos. The sexual and religious symbolism of the Tukano Indians. Chicago; London, 1971.
635. *Reichel-Dolmatoff G.* Beyond the Milky Way. Hallucinatory imagery of the Tukano Indians. — UCLA Latin Amer. Studies, Los Angeles, 1978, vol. 42.

636. *Renfrew C.* The emergence of civilization. The Cyclades and the Aegean in the third millenium B. C. London, 1972.
637. *Renfrew C.* Patterns of population'growth in the prehistoric Aegean. — MSU.
638. *Richards A. I., Widdowson E. M.* A dietary study in North-Eastern Rhodesia. — Africa, 1936, vol. 9, N 2.
639. *Rijswijk O. van.* The Silanga resettlement project. — New Guinea Res. Unit. Bull., Port Moresby, 1966, N 10.
640. *Ritquet R.* Populations et races au néolithique et au bronze ancien. Thèse. Bordeaux, 1967, t. I, II.
641. *Rogers E. S.* The hunting group — hunting territory complex among the Mistassini Indians. — Nat. Mus. Canada Bull., 1963, N 195.
642. *Rose F. G.* Classification of kin, age structure and marriage amongst the Groote Eylandt aborigines. Berlin, 1960.
643. *Rose F. G.* Australian marriage, land-owning groups and initiations. — MH.
644. *Rose J. C., Boyd L. F.* Dietary reconstruction utilizing histological observation of the enamel and dentin (abstract). — AJPA, 1978, vol. 48, N 3.
645. *Rossello Truel L.* Sobre el estilo de Nazca. — In: Antiguo Peru. Espacio y tiempo. Lima, 1960.
646. *Roth-Lutra K. H.* Der Wandel des anthropologischen Typus bei den Europiden vom Jungpaläolithikum bis ins zweite vorchristliche Jahrtausend. — Homo, 1969, Bd 20, H. 3.
647. *Rowe J. H.* Chavin art. An inquiry into the form and meaning. N. Y., 1962.
648. *Rowe J. H.* Urban settlements in ancient Peru. — NP, 1963, vol. 1.
649. *Rowe J. H.* The influence of Chavin on later styles. — In: Dumbarton Oaks conference on Chavin. Washington, 1971.
650. *Rowe J. H.* Kunst in Peru und Bolivien. — In: Das alte Amerika. Propyläen Kunstgeschichte. Berlin, 1974, Bd 18.
651. *Rowley C. D.* The New Guinea villager. Melbourne, 1965.
652. *Roy J. K., Rao R. K.* Diets of some Indian tribes. — Indian J. Med. Res., 1962, vol. 50, N 6.
653. *Roy Burman B. K.* Demographic and socio-economic profiles of the Hill Areas of N.-E. India. — In: Census of India 1961. New-Delhi, 1970.
654. *Ruhen O.* Land of Dahori. Philadelphia; N. Y., 1957.
655. *Sahlins M. D.* [Выступление на симпозиуме]. — MH.
656. *Sahlins M. D.* Tribesmen. Englewood Cliffs, 1968.
657. *Sahlins M. D.* Stone Age economics. Chicago, 1972.
658. *Salisbury R. F.* The Siame of the Eastern Highlands. — In: Gods, ghosts and men in Melanesia. Melbourne, 1965.
659. *Salisbury R. F.* Vunamami. Berkeley; Los Angeles, 1970.
660. *Salzano F. M.* Studies on the Caingang Indians, I. — HB, 1961, vol. 33, N 2.
661. *Salzano F. M.* Micro-evolutionary studies in Brazilian Caingang Indian populations. — Proc. Second Internat. Congr. Human Genet., Roma, 1963, vol. 1.
662. *Salzano F. M.* Genetic aspects of the demography of American Indians and Eskimos. — SHP.
663. *Salzano F. M., Neel J. V., Maybury-Lewis D.* Further studies on the Xavante Indians, I. — Amer. J. Human Genetics, 1967, vol. 19, N 4.
664. *Sanders W. T., Price B. J.* Mesoamerica. N. Y., 1968.
665. *Sanghvi L. D.* Genetic adaptation in man. — BHA.
666. *Saul F. P.* The human skeletal remains of Altar de Sacrificios. — PPMAAE, 1972, vol. 63, N 2.
667. *Sauvain-Dugerdil C.* Endogamie et consanguinité dans un village d'Indiens Maya des hauts plateaux Guatémalteques. — Arch. suisses anthropol. gén., 1978, t. 42, N 1.
668. *Saville W. J.* In unknown New Guinea. London, 1926.
669. *Sawyer A. R.* The Nathan Cummings collection of ancient Peruvian art. (Formerly Wassermann—San Blas collection). Chicago, 1954.

670. *Sawyer A. R.* Paracas and Nazca iconography. — In: Essays in pre-Columbian art and archaeology. Cambridge, Mass., 1961.
671. *Sawyer A. R.* Ancient Peruvian ceramics. The Nathan Cummings collection. N. Y., 1966.
672. *Schaedel R. P.* High lights of Andean archaeology, 1954—1956. — *Archaeology*, 1957, vol. 10, N 2.
673. *Schaedel R. P.* The city and the origin of the state in America. — 39 ICA, *Actas y Mem.*, Lima, 1972, vol. 2.
674. *Schebesta P.* Die Bambuti Pygmäen vom Ituri. Bruxelles, 1938, Bd 1.
675. *Schebesta P.* Somato-biologie der afrikanischen Pygmäen. — *Mitt. der Anthropol. Ges. in Wien*, 1955, Bd 84/85.
676. *Scheffler H. W.* A Choiseul Island social structure. Berkeley; Los Angeles, 1965.
677. *Scheffler H. W.* The Solomon Islands: seeking a new land custom. — In: Land tenure in the Pacific. Melbourne, 1971.
678. *Schlesier E.* Die melanesischen Geheimkulte. Berlin, 1958.
679. *Schmidt H.* Cucuteni in der oberen Moldau. Berlin; Leipzig, 1932.
680. *Schmidt W., Koppers W.* Völker und Kulturen. Regensburg, 1924.
681. *Schmitz C. A.* Wantoat. Art and religion of the Northeast New Guinea Papuans. The Hague, 1963.
682. *Schmitz C. A.* Historische Probleme in Nordost Neuguinea. Wiesbaden, 1966.
683. *Schreider E.* Recherches sur la stratification sociale des caractères biologiques. — *Biotypologie*, 1964, t. 25, N 3—4.
684. *Schwidetzky I.* Bauern als Siebungsgruppe. — *Homo*, 1960, Bd 11, H. 1—2.
685. *Schwidetzky I.* Das Grazilisierungsproblem. — *Homo*, 1962, Bd 13, H. 3.
686. *Schwidetzky I.* Grazilisation und Degrazilisation. — *Homo*, 1969, Bd 20, H. 3.
687. *Schwidetzky I., Rösing F. W.* Vergleichend-statistische Untersuchungen zur Anthropologie der Römerzeit. — *Homo*, 1975, Bd 26, H. 4.
688. *Sciulli P. W.* A descriptive and comparative study of the deciduous dentition of prehistoric Ohio valley Amerindians. — *AJPA*, 1977, vol. 47, N 1.
689. *Scrimshaw N. S.* Nutrition and stress. — In: Diet and bodily constitution. Ciba Found. Study Group. Basel, 1964, N 17.
690. *Scrimshaw N. S., Tejada C.* Pathology of living Indians as seen in Guatemala. — *HMAI*, 1970, vol. 9.
691. *Sengel R. A.* Comment on Sussman. — *CA*, 1973, vol. 14, N 5.
692. *Serjeantson S.* Marriage patterns and fertility in three Papua New Guinean populations. — *HB*, 1975, vol. 47, N 4.
693. *Seyffert C.* Einige Beobachtungen und Bemerkungen über die Ernährung der Naturvölker. — *ZE*, 1932, Jg. 63, H. 1/4.
694. *Sharon D.* The San Pedro cactus in Peruvian folk healing. — In: *Flesh of the gods: the ritual use of hallucinogens*. N. Y., 1972.
695. *Sharon D., Donnan C. B.* The magic cactus. Ethnoarchaeological continuity in Peru. — *Archaeology*, 1977, vol. 30, N 6.
696. *Sharp R. L.* An Australian aboriginal population. — *HB*, 1940, vol. 12, N 4.
697. *Shatin R.* The epidemiology of rheumatoid arthritis and human ecology. — *Acta Rheumat. Scand.*, 1965, vol. 11, N 3.
698. *Shaw J. H.* Nutrition and dental caries. — In: *A Survey of the Literature on Dental Caries*. Nat. Acad. Sci., Nat. Res. Counc. Publ., 1952, N 225.
699. *Shawcross K.* Fern root and the total scheme of 18th century Maori food production in agricultural areas. — *J. Polynesian Soc.*, 1967, vol. 76, N 3.
700. *Shimada I.* Impact and after-effects of the Viru valley project: necessity for a new methodological framework. Paper presented at the 76th annual meeting of the American Anthropological Association. Univ. Oregon, 1977.
701. *Shourie K. L.* Dental caries in Indian children. — *Ind. J. Med. Res.*, 1941, vol. 29, N 4.
702. *Shukla B. R.* The Daflas of the Subansiri region. Shillong, 1959.

703. *Silberbauer G. B.* The G/wi Bushmen. — In: *Hunters and gatherers today*. N. Y., 1972.
704. *Simpson C.* Adam with arrows. Inside New Guinea. Sydney; London, 1953.
705. *Sinclair H. M.* The diet of Canadian Indians and Eskimos. — *Proc. Nutr. Soc.*, 1953, vol. 12.
706. *Singer R.* Some biological aspects of the Bushman. — *Z. für Morph. und Anthropol.*, 1960, Bd 51, H. 1.
707. *Slonaker J. R.* The effects of different per cents of protein in the diet. — *Amer. J. Physiol.*, 1931, vol. 96, N 3; vol. 97, N 1, 2, 4; vol. 98, N 2; 1938, vol. 123, N 2.
708. *Smith P. E., Young T. C.* The evolution of early agriculture and culture in Greater Mesopotamia. — PG.
709. *Spencer J. E.* Shifting cultivation in Southeastern Asia. — *Univ. Calif. Publ. in Geogr.*, 1966, vol. 19.
710. *Spuhler J. N.* The maximal opportunity for natural selection in some human populations. — DA.
711. *Spuhler J. N., Kluckhohn C.* Inbreeding coefficients of the Ramah Navaho population. — *HB*, 1953, vol. 25, N 4.
712. *Stafford C. E.* Paracas embroidery. A study of repeated patterns. N. Y., 1941.
713. *Steinen K.* Unter den Naturvölkern Zentral-Braziliens. Berlin, 1894.
714. *Steiner P. E.* Necropsies on Okinawans. — *Arch. Pathol.*, 1946, vol. 42.
715. *Steward J. H.* The economic and social basis of primitive bands. — In: *Essays in anthropology presented to A. L. Kroeber*. Berkeley, 1936.
716. *Steward J. H., Faron L. C.* Native peoples of South America. N. Y., 1959.
717. *Stewart T. D.* Skeletal remains from Platte and Clay counties, Missouri. — *Unit. Stat. Nat. Mus. Bull.*, 1943, N 183.
718. *Stini W. A.* Evolutionary implications of changing nutritional patterns in human populations. — *AA*, 1971, vol. 73, N 5.*
719. *Stone A.* Biological factors influencing human fertility. — In: *Proc. World Popul. Conf.*, 1954, *Papers*. N. Y., 1955, vol. 1.
720. *Strathern M.* Women in between. Female roles in a male world, Mount Hagen. London, 1972.
721. *Strong W. D.* Paracas, Nazca and Tiahuanacoid cultural relationships in South Coastal Peru. — *AAq*, 1957, vol. 22, N 4, pt 2.
722. *Strong W. D., Evans C.* Cultural stratigraphy in the Viru valley, Northern Peru. The formative and florescent epochs. — *CSAE*, 1952, vol. IV.
723. *Stumer L. M.* Playa Grande: primitive elegance in pre-Tiahuanacoid Peru. — *Archaeology*, 1953, vol. 6, N 1.
724. *Suttles W.* The early diffusion of the potato among the Coast Salish. — *SJA*, 1951, vol. 7.
725. *Takahashi E.* Geographic distribution of human stature and environmental factors. — *J. Anthropol. Soc. Nippon*, 1971, vol. 79, N 3.
726. *Tanaka J.* The ecology and social structure of Central Kalahari Bushmen. — *Kyoto Univ. Afr. Stud.*, 1969, vol. 3.
727. *Taylor M. M.* The heart of Black Papua. N. Y., 1926.
728. *Tello J. C.* Los descumbrimientos del Museo de Arqueología Peruana en la península de Paracas. — *22 ICA, Atti*, Roma, 1928, vol. 1.
729. *Tello J. C.* Arqueología del valle de Casma. — *Publ. anthropol. del Archivo «Julio C. Tello» de la Univ. Nacional Mayor de San Marcos*, Lima, 1956, vol. 1.
730. *Testimonianze d'arte dell culture peruviane primitive*. Milano, 1974.
731. *Thompson D. E.* The problem of dating of certain stone-faced stepped pyramids on the North Coast of Peru. — *SJA*, 1962, vol. 18, N 4.
732. *Thompson D. E.* A mold matrix from Peru. — *AAq*, 1963, vol. 29, N 4.
733. *Thurnwald H.* Woman's status in Buin society. — *Oceania*, 1934, vol. V, N 2.
734. *Tobias P. V.* On the increasing stature of the Bushmen. — *Anthropos*, 1962, Bd 57, H. 3—6.
735. *Tobias P. V.* The peoples of Africa south of the Sahara. — *BHA*.

736. *Todd T. W.* Skeletal records of mortality. — *Scient. Monthly*, 1927, vol. 24, N 6.
737. *Towle M. A.* The ethnobotany of pre-Columbian Peru. — *VFPA*, 1961, N 30.
738. *Trevitt J. W.* Notes on the social organization of North-East GAZELLE-PENINSULA, New Britain. — *Oceania*, 1940, vol. X, N 3.
739. *Trowell H. C., Davies J. N., Dean R. F.* Kwashiorkor. London, 1954.
740. *Truswell A. S., Hansen J. D.* Medical research among the !Kung. — *KHG*.
741. *Turnbull C. M.* The importance of flux in two hunting societies. — *MH*.
742. *Turnbull C. M.* Demography of small-scale societies. — *SHP*.
743. *Turnbull C. M.* The Mountain people. N. Y., 1972.
744. *Vallois H. V.* Carence en viande et «pygméisation». — *L'Anthropologie*, 1954, t. 58, N 5—6.
745. *Vallois H. V.* Vital statistics in prehistoric population as determined from archaeological data. — *VFPA*, 1960, vol. 28.
746. *Vits H. L., Yourassowsky C., Borghet H. van der.* A nutritional survey in the Republic of Rwanda. — *Ann. Mus. Roy. l'Afr. Centr. Ser. in-8°, Sci. Hum.*, 1975, N 87.
747. *Vlassa N.* Cultura ceramicu liniare in Transilvania. — *SCIV*, 1959, t. 10, N 2.
748. *Vogel J. C., Waterbolk H. T.* Groningen radiocarbon dates, IV. — *Radio-carbon*, 1963, vol. 5.
749. *Vogel J. C., Waterbolk H. T.* Groningen radiocarbon dates, X. — *Radio-carbon*, 1972, vol. 14, N 1.
750. *Wagner R.* The curse of Souw. Chicago, 1967.
751. *Wallace D. T.* Cerrillos, an early Paracas site in Ica, Peru. — *AAq*, 1962, vol. 27, N 3.
752. *Wassen H.* Tre föremål från Paracas, Peru. — *Särtryck ur Göteborgs Musei årstryck 1949 och 1950*. Göteborg, 1950.
753. *Watson J. B.* From hunting to horticulture in the New Guinea Highlands. — *Enthology*, 1965, vol. 4, N 3.
754. *Wedgwood C. H.* Women in Manam. — *Oceania*, 1938, vol. VII, N 2.
755. *Weiner J. S.* Man's natural history. London, 1971.
756. *Weiner J. S.* Tropical ecology and population structure. — *SHP*.
757. *White H. C.* An anatomy of kinship. Englewood Cliffs, 1963.
758. *Whiting J. W.* [Выступление на симпозиуме]. — *MH*.
759. *Wiesenfeld S. L.* Sickle-cell trait in human biological and cultural evolution. — *Science*, 1967, vol. 157, N 3793.
760. *Wiesenfeld S. L., Gajdusek D. C.* Genetic structure and heterozygosity in the Kuru region, eastern highlands of New Guinea. — *AJPA*, 1976, vol. 45, N 2.
761. *Willey G. R.* The Viru valley programm in Northern Peru. — *Acta Americana*, 1946, vol. IV, N 4.
762. *Willey G. R.* Prehistoric settlement patterns in the Viru valley, Peru. — *Smiths. Inst., Bur. Amer. Ethnol. Bull.*, 1953, N 155.
763. *Willey G. R.* An introduction to American archaeology. Englewood Cliffs, 1971, vol. 2.
764. *Willey G. R., Corbett J. M.* Early Ancon and early Supe culture. — *CSAE*, 1954, vol. 3.
765. *Williams B. J.* A model of band society. — *AAq*, 1974, vol. 39, N 4, pt 2.
766. *Williams F. E.* The natives of the Purari delta. Port Moresby, 1924.
767. *Williams F. E.* Orokaiva magic. London, 1928.
768. *Williams F. E.* Rain-making on the river Morehead. — *J. Roy. Anthropol. Inst.*, 1929, vol. 59.
769. *Williams F. E.* Orokaiva society. London, 1930.
770. *Williams F. E.* Papuans of the Trans-Fly. Oxford, 1969.
771. *Williams M.* The stone age islands. New Guinea today. N. Y., 1964.
772. *Wirz P.* Beiträge zur Ethnographie des Papua-Golfes, British Neu-Guinea. Leipzig, 1934.

773. *Wissler C.* Distribution of deaths among American Indians. — HB, 1936, vol. 8, N 2.
774. *Wolpoff M. H.* Posterior tooth size, body size, and diet in South African gracile Australopithecines. — AJPA, 1973, vol. 39, N 3.
775. *Woodburn J.* An introduction to Hadza ecology. — MH.
776. *Woodburn J.* Stability and flexibility in Hadza residential groupings. — MH.
777. *Woodburn J.* Ecology, nomadic movement and the composition of the local group among hunters and gatherers. — MSU.
778. *Wurm S. A. (Ed.).* Papuan languages and the New Guinea linguistic scene. Canberra, 1975.
779. *Yacovleff E. N.* La deidad primitiva de los Nasca. — RMN, 1932, vol. 1, N 2.
780. *Yacovleff E. N.* La jiquima, raíz comestible extinguida en el Perú. — RMN, 1933, vol. 2, N 1.
781. *Yacovleff E. N., Muelle J. C., Weiss P., O'Neale L. M.* Una exploracion en Cerro Colorado. — RMN, vol. 1, N 2.
782. *Yacovleff E. N., Muelle J. C.* Un fardo funerario de Paracas. — RMN, 1934, vol. 3, N 1—2.
783. *Yellen J., Harpending H.* Hunter-gatherer populations and archaeological inference. — WA, 1972, vol. 4, N 2.
784. *Young M. W.* Fighting with food. Cambridge, 1971.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
 ВА — Вопросы антропологии.
 ВДИ — Вестник древней истории.
 ВИ — Вопросы истории.
 КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях
 АН СССР Института археологии АН СССР.
 КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях
 АН УССР Института археологии АН УССР.
 КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях
 Института истории материальной культуры.
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
 НАА — Народы Азии и Африки.
 ОГАМ — Одесский государственный археологический музей.
 СА — Советская археология.
 СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого.
 СЭ — Советская этнография.
 ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР.
 АН СССР
 AA — American Anthropologist.
 AAq — American Antiquity.
 AASEAL — *Records of the American-Australian Scientific Expedition
 to Arnhem Land. Melbourne, 1960, vol. 2.*
 AJPA — American Journal of Physical Anthropology.
 AM — Archeologia Moldovei.
 APAMNH — Anthropological Papers of the American Museum of Natural
 History.
 APMAUM — Anthropological Papers of the Museum of Anthropology of the
 University of Michigan.
 BA — Baessler-Archiv.
 BHA — *Biology of human adaptability. Oxford, 1967.*
 BMSAP — Bulletins et mémoires de la Société d'anthropologie de Paris.
 CA — Current Anthropology.
 CSAE — Columbia Studies in Archaeology and Ethnology.
 CSHS — Cold Spring Harbor Symposia on Quantitative Biology.
 DA — *Demographic anthropology. Albuquerque, 1976.*
 DEPA — *The domestication and exploitation of plants and animals. London,
 1969.*
 FA — Fieldiana: Anthropology.
 FMNHAM — Field Museum of Natural History, Anthropology. Memoires.
 HB — Human Biology.
 HMAI — Handbook of Middle American Indians. Austin.

- HSAI — *Handbook of South American Indians*. — Smiths. Inst., Bur. Amer. Ethnol., Bull., 1946—1950, N 143.
 ICA — International Congress of Americanists.
 JHE — Journal of Human Evolution.
 KHG — *Kalahari hunter-gatherers*. Cambridge, 1976.
 MH — *Man the hunter*. Chicago, 1968.
 MSU — *Man, settlement and urbanism*. London, 1972.
 MTAG — *Methods and theories of anthropological genetics*. Albuquerque, 1973.
 NP — Nawpa Pacha.
 PESE — *Population, ecology and social evolution*. The Hague, 1975.
 PG — *Population growth: anthropological implications*. Cambridge, 1972.
 PPMAAE — *Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology*.
 PSC — *Proceedings of the Ninth Pacific Science Congress*, Bangkok, 1959, vol. 15.
 RMN — *Revista del Museo Nacional*. Lima.
 SCIV — *Studii și cercetări de istorie veche*.
 SHP — *The structure of human populations*. Oxford, 1972.
 SJA — *Southwestern Journal of Anthropology*.
 TGM — *Tropical and Geographical Medicine*.
 UCPA — *University of California Publications in Anthropology*.
 UCFAAE — *University of California Publications in American Archaeology and Ethnology*.
 VFPA — *Viking Fund Publications in Anthropology*.
 WA — *World Archaeology*.
 YUPA — *Yale University Publications in Anthropology*.
 ZE — *Zeitschrift für Ethnologie*.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Адаптация 7, 8, 20, 26, 29, 30, 33, 76, 77, 85, 145
Адоптация 122, 150
Анимизм 121, 125, 161—163, 168, 172—175
Архитектура
монументальная 86—88, 90, 92, 97, 180, 184
строительные материалы 88, 90, 91
Болезни 9, 10, 24, 26, 28, 29, 89, 108
«Большие люди» 140, 142, 143
Брак 20—22, 69, 115, 117, 121, 128, 129, 131, 134, 135, 142, 151, 154, 155
Брахицефализация 8, 24, 28, 29
Верования 106, 108, 125, 158—177
Взаимопомощь 113, 127, 147, 154
Владение 135, 139—141, 148, 149, 156
Военная демократия 180
Воздействие питания на морфофизиологический статус 27—30
Возрастные классы 131, 136, 137, 153
Воспитание 126, 130, 136, 137, 151, 156, 176
Город 4, 42, 178—185
Грацилизация 7, 8, 20, 24, 27—29
Группы локальные (общины) 20—23, 65, 68, 70, 72, 75, 76, 115, 126, 131, 132
Демография
продолжительность жизни 10—12, 18, 33
смертность 11—13, 15, 18, 26
фертильность, рождаемость 13—15, 32
Женская (семейная) хижина 113—116, 120, 124, 126, 129—131, 139
Животноводство 40, 41, 54, 60, 64, 67, 68, 79, 80, 83—85
Жилище 9, 40, 41, 45, 48, 49, 53, 66, 68, 72, 75, 81—83, 88
Жречество 106, 108
Заклинание 159—175
Земледелие 4, 6—12, 17—19, 23, 24, 26, 29, 34, 35, 44—58, 60, 67—69, 75, 79—82, 84, 85, 88, 108—110, 126, 143, 182, 183
бесплужное 9, 13—15, 17, 27, 30, 33
злаковое 8, 35—37, 45—51, 87, 88
клубневое 8, 35—37, 65, 73, 88, 111
мотыжное 3, 4, 19, 39, 40, 52, 57, 71, 111, 138, 144—147, 149, 152, 157
плужное 10, 36, 41, 53, 57, 144, 146, 149
подсечно-огневое 6, 10, 13, 19, 21, 39, 53, 58, 63, 69—71, 73, 74, 83, 145—147, 153
террасное 40, 146, 149
Знание 42, 84, 158
Знахарство 161—177
Изоляция, ее последствия 21, 23, 24, 110, 122, 144
Инициации 122, 126, 130, 136, 137, 175, 176
Ирригация 10, 18, 19, 37, 40, 61, 63, 78, 86, 88—90, 109, 146, 147, 149, 184
Искусство
антропоморфные изображения 62, 93—107, 137, 173
зооморфные изображения 93—107

- канон, его устойчивость 107
 маски 100, 102, 172, 173
 мелкая пластика 96, 98, 101
 репертуар 92—109
- Керамика 40, 45—47, 66, 68, 88—90, 92
- Коллективизм 23, 40, 70, 71, 75, 76, 110, 113, 115—120, 131, 141, 148—150, 153, 156
- Контакты и их влияние 24, 38, 39, 42, 55—57, 63, 64, 87, 91, 111, 144—146, 149
- Кооперация труда 41, 116—120, 147
- Культурные растения
 изображения 94, 96, 101, 103, 104, 107
 мифологические дарители 4, 103, 109, 159, 160, 164, 170
 набор 17, 24, 25, 27, 31, 35—39, 41, 47, 48, 50, 53, 58, 64, 72, 81, 82, 87—89, 160
 происхождение 35, 36, 87, 88, 107, 159, 160, 165
- Культы 53, 62, 63, 92, 108, 125, 128, 135, 160—175, 184
- Локальность брака 128—131, 155
- Магия 53, 72, 85, 92, 108, 159—177
- Мезолит 7, 10, 11, 14, 18, 61, 68, 82, 85
- Металлургия 90, 91, 183
- Миграции 20, 23, 78, 82, 83
- Мифология 4, 72, 102, 105—107, 131, 137, 159—177
- Морской промысел 64, 79—81, 87, 88, 90
- Мужской дом 114—116, 118, 119, 122, 123, 126—131, 135, 136, 139—141, 148, 153, 156, 168, 176
- Музыка 164, 171, 172, 174
- Народность 42, 145
- Наследование 128, 141—143, 155, 156
- Нация 42
- Неолит 7, 8, 11, 14—17, 20, 24, 27, 29, 58, 73, 75, 80, 83, 85, 88
- Неолитическая революция 3, 17, 18, 27, 33, 38, 57, 59, 60, 64, 83—85
- Обмен 42, 79, 110, 143, 144, 147
- Обряды 4, 75, 78, 121, 122, 136, 137, 160—177
- Община 4, 20, 21, 33, 39, 59—61, 65, 69, 70, 72, 74—78, 81—83, 85, 111, 126, 131, 146—154, 156, 157, 184
- Обычное право 153
- Ограничение рождаемости 13, 17
- Одежда 40, 41, 90, 113, 126, 147
- Организм городской 42, 178, 184, 185
- Орошение см. Ирригация
- Орудия труда 36, 37, 40, 41, 45, 46, 48—52, 54, 57, 58, 63, 70, 73, 74, 80, 82, 85, 89, 91, 110, 112, 130, 179
- Оседлость, переход на оседлость 3, 9, 17, 21, 23, 24, 31, 64, 66, 68, 69, 71—73, 75, 76, 79, 82, 88, 138, 183
- Отбор естественный 8—10, 15, 17, 29, 30
- Охота 4, 6—9, 11—13, 16—18, 23, 25, 27, 30, 54—56, 61, 62, 64—68, 72, 74, 75, 78—85, 107, 108, 110, 145, 147, 159, 170, 182
- Палеолит поздний (верхний) 10, 11, 13, 14, 62, 65, 66, 68, 71, 75, 79, 82, 85
- Песня 159, 161—164, 167—169, 173—176
- Питание, состав диеты 3, 19, 25—33, 37, 79, 88, 104, 108, 182
- Пища 3, 16, 17, 25—28, 40, 41, 61, 62, 65, 66, 68, 72, 90, 108, 113, 122, 126, 133, 136, 137, 170
- Племя 20, 64, 68, 69, 75, 77, 78, 133, 134, 139, 141—145, 157, 183
- Плотность населения 3, 17—24, 33, 39, 53, 72, 74, 82, 181—183
- Погребения 7, 86, 87, 90, 92, 185
- Поселение
 поселение городское 4, 42, 178—185
 типы поселений 18—21, 24, 35, 43—58, 71, 74, 78, 81—83, 86, 87, 91, 92, 113—115, 147
- Прирост населения, естественный 3, 15—18, 25, 31, 33
- Рабство 79
- Равновесие экологическое 31, 33, 67
- Разделение труда 70, 71, 76, 78, 110, 112, 113, 126—128, 143, 183
- Размеры групп 20—24, 114
- Расслоение социальное 72, 79, 80, 86, 92, 109, 110, 130, 140, 144, 148, 150, 152, 154, 184
- Религия 4, 72, 78, 106, 184
- Ремесло, зачатки его 39, 40, 42, 86, 90, 91, 147, 179—183
- Ритуал 53, 105, 106, 108, 117, 151, 159, 163—170, 172—176
- Род 4, 70, 111, 116—120, 122, 124—130, 132—140, 143, 148, 150—152, 154, 156, 157

- Родня 120, 127, 128, 131, 134, 135, 143
- Родство 22, 23, 115, 117, 118, 121, 123, 129
 - классификационное 122—124, 141, 143
 - кровное 116—122, 134, 151, 173
 - общинное 116, 118, 119, 122, 131, 134, 135, 141, 143
 - семейное 119—124, 129, 131, 132, 134, 135, 141, 143
 - «фиктивное» 117—120
- Рыболовство 16, 40, 41, 56, 69, 71, 79, 80, 82, 83, 90, 110, 143
- Семья 4, 68, 70, 74—77, 81, 111—113, 116, 119, 120, 124—128, 130, 136, 137, 139—143, 148, 149, 152, 154—156
- Скотоводство 9, 27, 35, 41, 44, 53, 54, 64, 81, 82, 84, 88, 90, 108, 145, 182
- Собиратели урожая 34, 60, 61, 71, 72, 78, 79, 82, 83
- Собирательство 4, 6, 7, 9, 11, 13, 16—18, 23, 25, 34, 35, 60—64, 67—70, 72, 78, 80—85, 145
- Собственность на землю 70, 71, 74—78, 111, 138—143, 147—150, 153, 156
- Танец 62, 162, 173—175
- Ткачество 41, 88, 90, 91
- Торговля 42
- Транспорт 184
- Трепанация черепа 91
- Труд 6, 8
 - женский 71, 112, 113, 139
 - мужской 112, 113, 116—118, 172
 - совместный 70, 75, 111, 113, 115, 117, 126—128, 130, 134, 135
- Филиация 122, 131, 155
- Фольклор 4, 160—176
- Фортификация 180
- Хозяйственно-культурные типы 3, 4, 36, 39—41, 80, 111, 144, 145, 181
- Цивилизация 36, 80, 81, 84, 86, 87, 102, 103, 105, 107, 109
- Шаманизм 108
- Экзогамия 20, 21, 117, 118, 124, 128—131, 151, 154
- Экология 3, 6—33, 37, 44, 53, 63, 64, 66—69, 76, 77, 79, 85, 145
- Экосистема 39, 44, 63, 67, 68, 146
- Эндогамия 20—22, 24, 122, 152
- Энеолит 11, 50, 58, 88, 183
- Этнолингвистическая общность 7, 20, 24, 73, 74, 77
- Этнос 7, 150
- Язык 75, 121, 124, 145

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абиссиния 35
 Австралия 3, 12, 61, 62, 65—67
 Азия 3
 Алтын-Депе 180
 Амазония 107, 108
 Амазонка 14, 26, 69
 Америка 3, 11, 13, 14, 19, 39, 86—109
 Англия 9
 Андхра-Прадеш 22
 Анды 87
 Анкон 105
 Антильские острова 35
 Аризона 12, 78
 Ассам 154
 Ассамские горы 145—147, 149, 150
 Африка 3, 6, 9, 10, 13—15, 19—21, 26, 39, 71, 73, 83
 Аякучо 87
 Балканский полуостров 38, 57
 Берег Маклая 115, 117, 132, 161, 162, 174
 Ближний Восток 20, 24, 31, 35, 88
 Болгария 53
 Боливия 14, 35, 69
 Бонгу 114, 117, 127, 161, 162
 Бразилия 12, 13, 15, 21, 35, 69, 70
 Британские острова 18
 Бугенвиль 111, 128, 129
 Бука 128
 Бусам 117, 134
 Вабаг 114
 Вабинг 160
 Валя-Лупулуй 51
 Венгрия 11
 Венесуэла 12
 Вилкус 97
 Виргиния 11
 Виру 87, 89—91, 95, 107
 Вого 125, 134, 136, 137, 141
 Восточная Азия 38
 Восточная Африка 65
 Восточная Европа 62
 Восточное нагорье 172
 Восточное Средиземноморье 10, 11, 18, 55
 Габуми 160
 Газель 74
 Гана 26
 Гарагай 105, 107
 Гвинея 21
 Гогодар 165
 Гребени 50
 Греция 13, 14, 16
 Гронинген 49
 Гуадалканал 128
 Гуденаф 118, 121, 122
 Дальний Восток 68
 Д'Антраксто 167
 Дахори 159
 Двуречье см. Месопотамия
 Джейтун 47, 81
 Дибир 160
 Днепр 55
 Днестр 4, 44, 46, 55
 Днестровско-Прутское междуречье 56, 57
 Дуди 160
 Европа 3, 7, 8, 10, 11, 13, 14, 18, 20, 24, 27, 29, 41, 83, 84
 Египет 8, 11, 185
 Заир 13, 26
 Закавказье 180
 Замбия 26
 Западная Азия 64
 Западная Африка 6, 22, 24
 Западная Европа 20
 Звездные горы 118

Иерихон 7, 82, 178
Извоаре 56
Ика 92, 99, 100
Индия 4, 21, 23, 24, 26, 28, 35, 72,
144, 145, 154, 178
Индокитай 73, 83
Индонезия 62
Иордания 82
Иран 16, 18
Испания 11

Кавказ 38, 41
Кальехон-де-Уайлас 97
Караново 47
Касма 93
Квебек 18
Кельн 83
Кельн-Линденталь 83
Киваи 122, 168
Китай 31, 35, 180
Колумбия 92, 106
Кония 183
Кураяку 98
Кэсчиоареле 58

Ламбайеке 93, 94
Ларга-Жижиа 56
Ларса 182
Лима 107
Лука-Врублевская 46, 55, 57
Лусон 13

Мадагаскар 19, 73
Маданг 115
Майбанг 160
Малаита 113
Малакка 72
Малая Азия 178, 183, 185
Манус 121
Маньчжурия 35
Массим 134
Мексика 16, 21, 25, 26, 35, 80
Меланезия 13, 21, 73, 110
Месоамерика 73, 81—84, 87, 88
Месопотамия 178, 181, 185
Молдавия 56, 57, 183
Молодово 43
Монтанья 88
Моче 90, 96, 107
Муррей 164

Намазга-Депе 180
Непенья 93
Нигерия 12, 13, 26
Новая Британия 73, 115, 134
Новая Гвинея 4, 6, 12, 13, 17, 19,
21, 23, 31, 41, 62, 72, 110, 125,
158, 159, 161, 169, 171, 172, 177,
183
Новая Зеландия 72

Новая Ирландия 129
Новые Русешты 57
Новый Свет 36, 39
Нубия 29
Нью-Мексико 11

Океания 3, 14, 15, 19, 40, 73, 74
Омаракана 169

Пакасмайо 94
Палестина 82
Панама 12, 14
Парагвай 14, 35
Паракас 101
Передний Восток 36
Передняя Азия 35—38, 57, 62, 82—84
Перу 4, 6, 13, 16, 35, 81, 86—109
Пещера Духов 36, 82
Писко 102
Поднестровье 4
Поливанов Яр 43—57
Прут 56
Пьюра 97

Рейн 83
Руанда 14
Румыния 56

Самоа 26
Сан-Кристобаль 128
Северная Америка 18, 71, 72
Северная Африка 7, 10, 11, 14, 20,
72
Северное Причерноморье 44, 58
Северо-Западная Америка 68, 71,
78, 79
Сенегал 21
Серро-Кулебра 99
Сибирь 9, 72
Сио 138
Скандинавия 84
Соединенные Штаты Америки 18, 28
Союз Советских Социалистических
Республик (СССР) 43, 55, 56
Средиземноморье 11, 35
Средняя Азия 35, 38, 62, 81, 84, 183
Старый Свет 18, 36, 89, 183
Суматра 31
Супе 105

Табар 113
Таиланд 31, 36, 82
Тайвань 26, 28
Танга 140
Танзания 19
Тасмания 67
Техас 11
Техуакан 80—82
Тробиан 162, 169, 174
Троя 181

Туркмения 20, 180
Турция 13, 14, 16

Уальяга 88
Уармей 94
Уганда 71
Узбекистан 181
Украина 11, 43, 183

Фергана 89
Флай 174
Флорешты 56
Флорида 78
Франция 9, 11, 16, 18

Хоккайдо 79
Хэбэшэштэ 49

Центральная Азия 41
Центральная Америка 29, 35, 73, 80
Центральная Европа 20, 83

Чавин-де-Уантар 95, 98
Чад 14
Чатал-Гуюк 82, 109, 178, 183
Черновицкая область 43, 44
Чикама 93—95
Чили 35
Чилька 92
Чонгояпе 95

Шанидар 82
Швейцария 11
Шингу 69, 70, 76, 77
Шри Ланка (Цейлон) 71
Шуазель 113
Шумер 82, 180

Эгейский бассейн 20
Эгея 181
Эквадор 35, 88
Элам 178
Эриду 82
Эфиопия 35

Юго-Восточная Азия 10, 19, 29, 36,
38, 73, 82, 145
Юго-Восточная Европа 43, 56
Южная Азия 10
Южная Америка 21, 23, 31, 68, 72,
73

Южная Бактрия 89
Южная Европа 18
Южное нагорье 174
Южный Буг 56, 58
Южный Туркменистан 89
Юкатан 74

Ява 26, 27, 31
Япония 11

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

- Абелям 121, 128
Австралийцы (аборигены) 12—15, 18,
20—22, 25, 61—63, 66, 80, 84, 85
Айны 79
Айорео 14
Алгонкины 18
Алеуты 12, 18, 79
Амахуака 69
Андаманцы 12, 14, 18, 27
Апачи 14
Арапеш 121, 126, 173, 174
Ассинибойн 71
Ашанти 36
Аэта 13
- Байнинги 73—77
Бакайри 70
Банту 7, 12, 24, 26, 27, 83
Баски 40
Батва 16
Бена-бена 117, 119, 121
Бирхоры 14, 18, 20, 21
Бодо 145
Бонгу 110
Бороро 70
Бусама 119
Бушмены 9, 12—15, 18, 19, 21, 22,
25, 27, 28, 31, 63, 65
- Ведды 71
Вогое 141
- Гаро 149, 150, 152, 153, 156
Гахуку-гама 136
Гими 121
Гогодара 114
Гурурумба 137
- Дагомейцы 36
Дани 163, 164
Дариби 117, 134
Даяки 145
Десама 106, 108
- Джуанг 23
- Ик 71
Индейцы 12, 14, 18, 21—23, 27, 31,
38, 61, 69, 70, 78—80, 83
Индонезийцы 63
Испанцы 25
Ительмены 9, 79
- Каинганги 15, 23
Калиаи 134
Калуза 78
Каока 128, 131
Кашинауа 13, 14
Кераки 122, 159, 166, 170, 174
Киваи 122, 159—161, 163, 165, 168,
171, 174, 176
Комба 116
Коряки 79
Куикуру 69
Куки 150
Куки-чин 145, 150, 154
Кума 117, 120, 121, 133, 136, 137
Кхаси 145, 146, 150, 152
- Лакалаи 126, 133—135, 139, 142
Лакхеры 152
- Мавата 168
Майя 14, 19, 26, 36, 74, 178
Макиритаре 13
Маори 72
Маринд-аним 171, 175
Мачигенга 6, 19
Меланезийцы 4, 72, 74, 135
Менди 128, 132, 133
Микронезийцы 22
Мистассини 18
Мон-кхмеры 145, 150
Монго 16
- Нага 145, 150, 152

Ангами нага 146
Ао нага 153
Коньяк нага 150
Сема нага 150
Наканаи 115
Намбиквара 68, 69, 77
Насои 111, 139
Нгаинг 160
Ндуиндуи 135
Нивхи 79
Нуэр 132

Оджибве 71
Орокаива 126, 163, 166, 167, 171

Паланан 13
Папаго 12, 22, 78
Папуасы 4, 6, 7, 12—14, 22, 26, 28,
41, 63, 72, 161, 165, 174, 175
Пигмеи 7, 10, 12, 14, 16, 18, 21, 22,
24, 26—28
Пима 14, 15, 78
Пурари 114, 160
Пурум 21
Пуэбло 11, 12, 14, 15

Сакаи 72
Сара 14
Селиш 71
Семанги 72
Сенои 12—15, 21, 23, 72
Сингалы 72
Сириано 69
Сду 14
Сиуаи 123, 135, 142

Талленси 132

Тангу 118
Тасманийцы 18, 66, 74, 75, 84, 58
Тибето-бирманцы 145, 150
Тив 132
Тоамбаита 113
Тода 145
Толан 135, 138, 140
Тукано 92

Форе 117, 119

Хадза 9, 18, 24, 28, 32, 65
Хули 174
Хуту 14

Ченчу 72
Чимбу 133
Чин 150, 152, 154
Чинуки 18
Чукчи 79

Шаванте 23

Энга 121, 130
Энцы 9
Эскимосы Аляски 14, 15, 18, 22, 25
28, 29, 32, 79, 80
Гренландии 12—15, 18, 25, 28,
29, 32, 79, 80
Канады 12—15, 18, 22, 25, 28,
29, 32, 79, 80

Юкагиры 9
Юэ 38

Яномама 12, 13, 15, 17, 19, 22
Яншаосцы 38
Яруро 19

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>А. Г. Козинцев.</i> Переход к земледелию и экология человека	6
<i>А. М. Решетов.</i> Основные хозяйственно-культурные типы ранних земледельцев	34
<i>Т. А. Попова.</i> Древние земледельцы Среднего Поднестровья в IV—III тыс. до н. э. (по материалам поселения Поливанов Яр)	43
<i>В. Р. Кабо.</i> У истоков производящей экономики	59
<i>Ю. Е. Березкин.</i> Ранние земледельцы побережья Перу	86
<i>Н. А. Бутинов.</i> Общинно-родовой строй мотыжных земледельцев (по материалам Новой Гвинеи и Северо-Западной Меланезии)	110
<i>С. А. Маретина.</i> Особенности социальной организации мотыжных земледельцев Северо-Восточной Индии	144
<i>Б. Н. Путилов.</i> Земледельческий труд—обряды, мифология, фольклор (по материалам Новой Гвинеи)	158
<i>В. М. Массон.</i> Раннеземледельческие общества и формирование поселений городского типа	178
Литература	186
Список сокращений	211
Предметный указатель	213
Указатель географических названий	216
Указатель этнических терминов	219

РАННИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ
Этнографические очерки

*Утверждено к печати
Институтом этнографии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР*

Редактор издательства *В. Т. Бочвер*
Художник *М. И. Разулевич*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Корректоры *Ж. Д. Андропова и Ф. Я. Петрова*

ИБ № 8846

Сдано в набор 29.08.79. Подписано к печати 3.12.79.
М-41260. Формат 60 × 90¹/₁₆. Бумага типографская № 3.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л.
14=14 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 16.32. Тираж 1850.
Изд. № 7255. Тип. зак. 673. Цена 1^лр. 70 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

*Книги издательства «Наука»
можно предварительно заказать
в магазинах «Академкнига»*

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117192 *Москва* В-192, Мичуринский пр., 12 магазин «Книга—почтой» Центральной конторы «Академкнига»;

197110 *Ленинград* П-110, Петрозаводская ул., 7 магазин «Книга—почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга—почтой»:

- 480091 *Алма-Ата*, ул. Фурманова, 91/97 («Книга—почтой»);
370005 *Баку*, ул. Джапаридзе, 13;
320005 *Днепропетровск*, пр. Гагарина, 24 («Книга—почтой»);
734001 *Душанбе*, пр. Ленина, 95 («Книга—почтой»);
335009 *Ереван*, ул. Туманяна, 31;
664033 *Иркутск*, ул. Лермонтова, 289;
252030 *Киев*, ул. Ленина, 42;
252030 *Киев*, ул. Пирогова, 2;
252142 *Киев*, пр. Вернадского, 79;
252030 *Киев*, ул. Пирогова, 4 («Книга—почтой»);
277001 *Кишинев*, ул. Пирогова, 28 («Книга—почтой»);
343900 *Краматорск* (Донецкой обл.), ул. Марата, 1;
660049 *Красноярск*, пр. Мира, 84;
443002 *Куйбышев*, пр. Ленина, 2 («Книга—почтой»);
192104 *Ленинград*, Д-120, Литейный пр., 57;

199164 *Ленинград*, Таможенный пер., 2;
199034 *Ленинград*, 9 линия, 16;
220012 *Минск*, Ленинский пр., 72 («Книга—почтой»);
103009 *Москва*, ул. Горького, 8;
117312 *Москва*, ул. Вавилова, 55/7;
630076 *Новосибирск*, Красный пр., 51;
630090 *Новосибирск*, Академгородок, Морской пр., 22 («Книга—почтой»);
142292 *Пушино* (Московской обл.), «Академкнига»;
620151 *Свердловск*, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга—почтой»);
700029 *Ташкент*, ул. Ленина, 73;
700100 *Ташкент*, ул. Шота Руставели, 43;
700187 *Ташкент*, ул. Дружбы народов, 6 («Книга—почтой»);
634050 *Томск*, наб. реки Ушайки, 18;
450059 *Уфа*, ул. Р. Зорге, 10 («Книга—почтой»);
450025 *Уфа*, Коммунистическая ул., 49;
720001 *Фрунзе*, бульв. Дзержинского, 42 («Книга—почтой»);
310003 *Харьков*, ул. Чернышевского, 87 («Книга—почтой»).